

МОЛИТВА СВЯТИТЕЛЮ СЕРАФИМУ (СОБОЛЕВУ)

О пастьрю добрый стада Христова, крепкий наш молитвенниче и заступниче, святителю отче Серафиме, услыши нас с верою призывающих тя и усердно припадающих ко святей иконе твоей. Поминай нас у престола Вседержителя и не престай моляся за ны ко Христу Богу: тебе бо дадеся благодать молитися за ны. Испроси предстательством твоим у Всемиловитаго Бога нашего мир Церкви Его, пастьрем ея мудрость и силу ревностно подвизатися о спасении овец Христовых, добре сохрани малое стадо от еретиков, вселенную исполнивших злославными ученьми своими, от лжепастьрей о овцах небрегущих, и от прельщений грядущего антихриста и предтеч его. Умоли Небеснаго Отца подати всем нам дар коемуждо благопотребен, веру истинную, надежду твердую и любовь неоскудевающую, мира умирение, от глада и пагубы избавление, от нашествия иноплеменников сохранение, младенцам и юным благое в вере возрастание, немощным и старым утешение и подкрепление, болящим исцеление, сиротам, нищим и вдовицам милость и заступление, заблуждшым в вере возрастание, бедствующим благовременную помощь, и всех управи в мире и покаянии непостыдно скончати житие свое и Царствия Небеснаго наследники быти, идеже ты ныне водворяеши со Ангелы и всеми святыми, прославляя Бога в Троице славимаго, Отца и Сына и Святаго Духа, во веки веков. Аминь.

Духовный Собеседникъ

2017 №2 (88)

Председатель
редакционного совета
Высокопреосвященнейший Сергей,
митрополит Самарский и Сызранский

Редакционный совет:

Епископ Никифор (Хотеев)
Епископ Софроний (Баландин)
Архимандрит Георгий (Шестун) – гл. редактор
Протоиерей Николай Манихин
Протоиерей Николай Агафонов
Архимандрит Вениамин (Лабутин)
Протоиерей Олег Агапов
Протоиерей Евгений Зеленцов
Протоиерей Игорь Макаров
Протоиерей Димитрий Лескин
Протоиерей Александр Урывский
Протоиерей Рустик Гузь – секретарь ред. совета
Протоиерей Алексей Подмарицын
Д. В. Сивиркин
Монахиня София (Бельчикова)
Ю. В. Изъятский

Над номером работали:

Монахиня Феофания (Купер) – ответственный секретарь
Мария Винникова – редактор
Анна Коваленко – редактор
Елена Кузнецова – редактор
Александр Филимонов – верстка

Адрес редакции: Россия, 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.

Почтовый адрес: 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.

Тел.: (846) 334-12-72, 336-84-41. Факс: (846) 336-18-99.

Эл. почта: redaktor@духовныйсобеседник.рф

Электронная версия «ДС» в Интернете: духовныйсобеседник.рф

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви

СОДЕРЖАНИЕ

МОЛИТВА СЯТИТЕЛЮ СЕРАФИМУ (СОБОЛЕВУ)..... 1

СЯТИТЕЛЬСКОЕ СЛОВО

Сяпипель Иоанн Шанхайский

«Для возрождения России нужно нравственное обновление русского народа» 4

ГЛАГОЛЫ ЖИЗНИ

Преподобный Герман (Гомзин)

Заветы о молитвенном делании 6

ЖИЗНЬ ВО ХРИСТЕ

Воспоминания о сяпипеле

Серафиме (Соболеве)

«Серафиме, отче наш возлюбленне» 16

Мипрополип Мануил (Лемешевский)

«Поминайте наставников ваших»..... 28

ТИБУНА РУССКОЙ МЫСЛИ

Сяпипель Серафим (Соболев)

Об истинном покаянии 48

Русская идеология 50

Андрей Коспрюков

«Русская идеология» архиепископа Серафима..... 74

СВЕТ ПРАВОСЛАВИЯ

Пропоиерей Андрей Соммер

«Быть в духовном общении – самая

большая радость в жизни» 86

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Андрей Поповкин

Неисцеленный раскол русского духа 96

СЯТАЯ РУСЬ

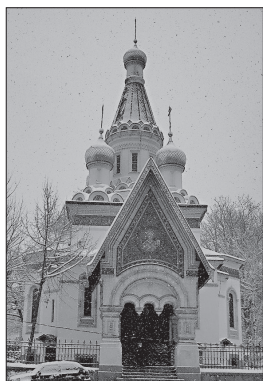
Пропоиерей Евгений Зеленцов

Тетя Христиния..... 104

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ДУШИ

Свеплана Хмелева

Повесть о жизни..... 122

«ДЛЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ РОССИИ НУЖНО НРАВСТВЕННОЕ ОБНОВЛЕНИЕ РУССКОГО НАРОДА»

В один день рухнули величие и слава Державы Российской, оплота мира во всем мире. <...> Что произошло в тот день? Отступление народа от Помазанника Божия, отступление от власти, покорной Богу, отступление от данной перед Богом присяги на верность Государю Помазаннику Божию и предание его на смерть.

Лишен власти, а потом и свободы тот, кто все свои силы отдавал во имя Божие на служение России. Десятки лет темные силы зла вели борьбу против Помазанника Божия, против государственной власти, верной Богу. Те же силы убили и Государя Императора Александра Николаевича,

Царя-Освободителя. То преступление отрезвило народ, всколыхнуло всю страну, и тот нравственный подъем дал возможность Государю Императору Александру III Миротворцу крепкой рукой править Россией. Прошло два десятка лет мирной жизни и развития России, и создался новый заговор о ниспровержении Царского Престола. То был заговор врагов России. В России шла борьба против самой ее сущности и, разрушив Престол, враги России уничтожили даже имя ее.

Теперь весь мир может видеть, как связаны между собой Царская власть, верная Богу, и Россия. Не стало Царя – не стало России. Борьбу против Царя и России вело скрытое безбожие, проявившее себя затем открыто. Такова сущность борьбы против Царя и России, против основы ее жизни и исторического развития. Против Царя и России было призвано все грязное, ничтожное и грешное, что может быть в душе

человека. Все это всеми силами поднималось на борьбу против Царской Короны, увенчанной Крестом, ибо Царское служение есть крестоношение.

Против Креста людей всегда поднимают клеветой и ложью, творя диавольское дело, ибо, – по слову Господа Иисуса Христа: *Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи* (Ин. 8, 43).

Все было поднято против самого кроткого, чистого и любвеобильного Царя, чтобы в страшный час борьбы против него – он остался один. Предварительно распространялась грязная клевета на Царя и его семью, чтобы народ охладел к нему. Неверные союзники приняли участие в заговоре. Ближайшие сотрудники, когда Государю нужна была нравственная поддержка, не дали ее и нарушили присягу. Одни – приняв участие в заговоре, другие – по слабости советуя отречение. Государь остался совсем один, а кругом «измена, подлость и трусость». Со дня отречения все пошло последовательно рушиться. Иначе и не могло быть. Был свергнут тот, кто объединял все, стоя на страже Правды. Был совершен грех и открыт свободный путь греху.

Напрасно хотят отделить Февраль от Октября: одно было прямым следствием другого. В дни марта 1917 года Псков был для Государя Гефсиманией, а Екатеринбург стал для него Голгофой. Государь Николай Александрович скончался как мученик, с непоколебимой верой и терпением выпив чашу страданий до дна.

Грех против него и России совершили все, кто так или иначе прямо действовал против него или хоть сочувствием принял участие в совершившемся событии. Грех тот лежит на всех, пока не будет смыт искренним покаянием. Перед нами, перед русским народом, путь восстания – есть путь осознания греха и покаяния.

Для возрождения России напрасны все политические и программные объединения: России нужно нравственное обновление русского народа.

ЗАВЕТЫ О МОЛИТВЕННОМ ДЕЛЕНИИ

*Подобно есть Царствие Небесное человеку купцу,
ищущу добрых бисерей, иже обрет един многоценен
бисер, шед продаде вся, елика имяше, и купи его*.*

Святой Ефрем Сирин говорит: «Мы, братие, духовные купцы, – ищем многоценную жемчужину, которая есть Христос наш Спаситель, – некрадомое сокровище»¹. Блажен и трижды блажен, кто постарался приобрести этот небесный жемчуг, ибо Господь сказал: *Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше* (Мф. 6, 21). Сокровище наше самое драгоценное в мире – столь драгоценное, что мы скрываем его от людей, как скрывают свое богатство купцы земные, боясь, чтобы кто-нибудь не похитил его. И подобно тому, как скрывают они видимое сокровище свое в потаенной клети своего дома, так и мы скрываем свое невидимое сокровище в сокровенной клети своего сердца, пребывая в безмолвии. Святой Исаак Сирин советует паче всего возлюбить безмолвие ума. Ум безмолвствующего достигнет дивного, душа его ощутит неизъяснимую радость. Купец составляет свое богатство из прибыли, получаемой им от купли и продажи, и радуется, когда прибыль его возрастает.

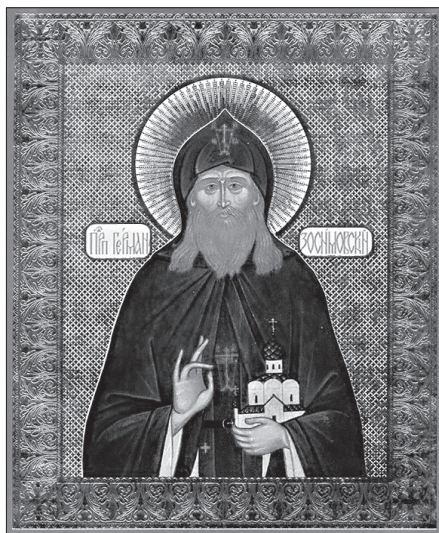
Христианин же добрый, будь то монах благочестивый или мирянин благоговейный, радуется, когда в нем возрастает смирение, ибо это есть прибыль его. Не имеющий смирения подобен купцу, торгующему без прибыли. Купцы земные приобретают богатство свое торговлей, обменом товара на золото, из которого составляют они сокровища свои, духовные же купцы пусть научатся у Господа, что надлежит им делать, чтобы приобрести богатство вечное. *Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим... и приходи и следуй за Мною* (Мф. 19, 21), – говорит Спаситель богатому юноше. Господь обещал нам неизреченную радость постоянного пребывания с Ним, говоря: *Аще кто Мне служит, Мне да последует, и идеже есмь Аз, ту и слуга мой будет* (Ин. 12, 26).

Преподобный Герман (Гомзин) (1844 – 1923) – схиигумен, устроитель Зосимовской школы старчества, настоятель Смоленской Зосимовой мужской пустыни. Подробнее о нем читайте в «ДС» № 4 (84), стр. 36 – 50.

* Мф. 13, 45 – 46.

¹ Ефрем Сирин, прп. Увещание к покаянию и содействию спасения, 27.

Это обещание, непостижимое человеческому уму, только отчасти становится нам понятно из слов святого апостола Павла: *ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его* (1 Кор. 2, 9). Не будем же затруднять себе путь к радости вечной, не отойдем с печалью, как тот богатый юноша, но отбросим от себя все земное и бежим от суеты мира, как серна от тенет. Избавившись от тенет, серна стремится на источники водные, так и душа, оставившая земные попечения и возжаждавшая Бога крепкого, живого, неудержимо стремится к познанию Господа, на сей источник воды живой, текущей в жизнь вечную.

Преподобный Герман Зосимовский. Икона

Познание же Бога и исполнение святой воли Его есть совершенство жизни во Христе, когда душа ни о чем земном уже не помышляет, как учит нас святой апостол Павел: *Не заботьтесь ни о чем, но всегда в молитве и прощении с благодарением открывайте свои желания пред Богом, и мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдет сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе* (Флп. 4, 6). Мы должны любить Бога всем сердцем, всею душою и всем помышлением своим нераздельно, а все остальное любить только о Боге и через Бога, чтобы ничто не умаляло нашей любви к Нему.

Потому-то и говорит Господь: *Упразднитесь и уразумеете, яко Аз есмь Бог* (Пс. 45, 11). Отвратив ум свой от всех земных попечений, мы уразумеем, сколь благ Господь, и тогда не будем уже помышлять о земном, говорить и слушать человеческое, но только то, что Божие. Будем вспоминать Бога, призывать Его милость и взирать на Его благость. И тогда станем подобны Ангелам, всегда видящим лицо Отца Небесного, и скажем, как Мать Божия: *Возрадовася дух Мой о Бозе Спасе Моем* (Лк. 1, 47). Людям, исполненным такой благодати и радости духовной, апостол Павел велит: *Всегда радуйтесь, непрестанно молитесь. О всем благодарите* (1 Сол. 5, 17).

Молитва Иисусова – непрестанное повторение имени Иисуса Христа в сердце. Это и есть исполнение завета апостола Павла. Но непре-

станная молитва, то есть непрерывная беседа души с Богом, возможна только в чистом сердце, свободном от всяких других помыслов. Святые отцы сравнивают сердце человека с водной поверхностью: подобно тому, как в чистой прозрачной воде ясно отражается видимое солнце, и чем спокойнее поверхность воды, тем яснее отражение, так и в сердце безмолвном, очищенном от всяких помышлений, воображается мысленное солнце – Христос, и чем чище и безмолвнее сердце подвижника, тем полнее зрит оно Христа. Таковых ублажает Господь в заповедях Своих, говоря: *Блажени чистии сердцем: яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8).

Это постоянное зрение в сердце своем Бога и непрестанная к Нему молитва было делом первых людей – Адама и Евы – в раю. Преподобный Нил Сорский говорит, что, по Писанию, Бог, сотворив Адама, поместил его в раю сладости, возделывать и хранить рай. Делом райским он назвал молитву, а хранением рая – соблюдение сердца от злых помыслов после молитвы. И первозданный человек, чистый душою и сердцем, пребывал в зрительной, одним умом священнодействуемой благодатной молитве и мужественно хранил ее как зеницу ока, как дело райское, чтобы оно никогда не умалялось в душе и в сердце.

Но вот совершилось ужасное грехопадение, положившее начало всем скорбям всего рода человеческого, удалившее людей от блаженного пребывания в благодатных лучах божественной любви и ввергнувшее несчастных потомков Адама в постепенно увеличивающуюся бездну греха. По мере погружения человека во грех ожесточалось его сердце. Тьма греховная постепенно застилала в нем образ Божественный, и он уже не мог из нечистого сердца воссылать чистую непрерывную молитву к Богу, непрестанно зреть Его перед собою и славить Его.

Но Господь по великому милосердию Своему и безконечной любви к Своему созданию не дал человеку погибнуть до конца и даровал ему образ покаяния: раскаяния в грехах своих, чтобы этим снова приблизить его к Себе. [Милосердие Божие – это море безконечное, а наши грехи, омытые слезами покаяния, – это капля единая, которая покрывается и исчезает в безконечном море милосердия Божия. – *Митр. Мануил (Лемешевский)*].

Омойтесь, очиститесь, – говорит Господь через пророка Своего Исаию, – *научитесь делать добро <...>. Если будут грехи ваши, как багряное, – как снег убелю, если будут красны, как пурпур, – как волну убелю* (Ис. 1, 16 – 18). Ибо нет греха в мире, превышающего милосердие Божие. И так, омыв грехи свои слезами покаяния, очистим сердце свое от всякой скверны, чтобы в нем снова мог воссиять Божественный свет.

Тогда и мы скажем, подобно царю Давиду, сему великому учителю покаяния, воспевшему после раскаяния в грехе своем: *Предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть* (Пс.15, 8). И, увидев Господа в сердце своем, воспоем Ему песнь нову, то есть установим внутри себя постоянную тайную молитву Иисусову, и будем петь эту песнь непрерывно на земле, чтобы не умолкнуть и после смерти, а только перейти в Небесное вечное Царство и там продолжать словословить нашего Творца в безконечные веки вместе с Архангелами и Ангелами и со всеми святыми, угодившими Богу.

Это та благая часть, которую избрала Мария, и которая, по словам Спасителя, *не отнимется у нее* (Лк. 10, 42). Что же надо делать желающим избрать эту благую часть? Если кто хочет очистить сердце свое от лукавых помышлений, оскверняющих внутреннего человека, тот пусть взывает: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного!». «Невозможно очистить сердце свое без частого призывания имени Иисуса Христа», – говорит святой Исихий Иерусалимский. Слыша об этом, многие из святых, оставив всякую другую добродетель, старались только об одном: чтобы сохранить свое сердце от всяких недобрых помышлений, и лучшим к тому средством находили, когда со страхом и благоговением произносили имя Господа Иисуса Христа. И это занятие называют отцы изящнейшим деланием, самым лучшим способом водворения внутри себя Царствия Божия.

«Имя Господне свято есть»¹, – сказано у пророка, и тот, кто вспоминает святое имя Господа Иисуса как должно, с благоговением и умилением, тем самым освящает свое сердце, водворяет в нем радость спасения. *Если корень свят, то и ветви святы* (Рим. 11,16), – говорит святой апостол Павел. Если сердце освящается именем Господним, то и мысли из него исходят святые, духовные, подающие душе радость и веселие. Внутренняя же молитва есть дыхание духа бессмертного, она производит радость о Господе и постоянное благодарение за все, что подает Господь: за скорби и за радости, – видя во всем милосердие Божие, ведущее нас ко спасению.

Избранные сыны Царствия Божия, прилепившиеся всей душой к Господу Богу, о законе Его помышляют день и ночь. Они одни, – вмения все земное в ничто: и славу, и приобретение, и спокойствие свое, – подвизаются всегда добрым подвигом, усердно сохраняют веру словам Христовым и постоянно ожидают милости от Бога Спасителя своего. Они, проводя жизнь свою на земле, уже начинают жить на небе сокровенной

¹ См. Пс. 110, 9.

жизнью со Христом, в Боге. У них нет печали о земном, но одно попечение – как угодить Богу.

Кто пришел в такое состояние, тот облекся во Христа и может сказать вслед за апостолом Павлом: *Живу же не к тому аз, но живет во мне Христос* (Гал. 2, 20). Блажен, кто сподобился усмотреть внутри себя Господа Бога и ощутить в сердце своем мир божественный и радость, происходящую от Духа Святого: сей горит любовью к Богу и подобен купине неопалимой. Эту любовь ко Христу Богу ничто не преодолевает: ни скорбь, ни гонение, ни голод и томление, даже и смерть не уничтожает ее. Эта любовь вечно веселит душу, благодатно утешает сердце и производит в нем неумолкаемую песнь к Богу Спасителю, от которой бывает такое упокоение души, что от сладости сердечной она не может помышлять ничто иное, как только это одно, повторяя непрестанно: «Иисусе мой, Сладчайший Иисусе». Как святые на небе, где ум их занят созерцанием Божией славы, уже не молятся молитвою, но утешаются, взирая на Божие благоволение.

Так бывает и с теми, кто предан Богу и внутри себя созерцает присутствие Божие. Сердце его тогда, по словам святых отцов, соделывается небом, солнце, сияющее в нем, – свет Пресвятой Троицы; воздух, которым он дышит, – Всесвятый Дух, близкие и родные ему – святые и Силы безплотные, а жизнь его – радость и веселие Христово, свет от света Бога-Отца. Он весь озаряется внутри облаком Божией славы, лучами Владычнего света, становится страшен демонам и вожделен Богу и Ангелам Его. Таков был Симеон Новый Богослов, который говорил о себе: «Сидя на ложе, я нахожусь вне мира, и пребывая в своей келлии, вижу Того, Кто вечно пребывает вне мира... с Которым я и беседую...»¹.

Но не всякая молитва приводит человека в высокую духовную область, хотя бы кто и молился по виду много и долго, но без внимания и упования на милость Божию. Только тот, кто прилепляется умом и сердцем к Господу и отвращается от всего, видимого плотскими очами, тем самым получает зрение внутри себя сердечными очами невидимого Бога, отчего неудержимо изливается из сердца и ума его непрестанная хвалебная песнь своему Творцу и вопль души его о помиловании, дабы не лишиться вечного благодатного соединения с Ним в будущей жизни. Таковой не многим чем бывает умален от Ангелов и по чувствам и по стремлениям ума своего приближается к небожителям. Вот в какое состояние дивное приходит человек молитвою сердечной и умной. Истинные молитвенники не умножают слов своих перед Тем, Кто видит и

¹ Симеон Новый Богослов, *прп.* Творения и гимны. Изд. Св. Троице-Сергиевой Лавры, 1993. Гимн VI.

самые сокровенные мысли, но ведают, что Господь с любовью взирает на сердце сокрушенное и смиренно обращенное ко Творцу, и милостиво внимает гласу моления тайного, исходящего из него.

Таков был Моисей, который при переходе через Чермное море¹ молился умом, и хотя он не произносил слов, но Бог воззвал к нему: *Что ты вопиешь ко Мне?* (Исх. 14, 15). Такова была Анна, мать пророка Самуила, молившаяся пламенно, но без слов, и которая так же была услышана Богом. Таков был и апостол Павел, изрекший: *хочу лучше пять слов сказать умом... нежели тьму слов на незнакомом языке* (1 Кор. 14, 19). Поучимся и мы такому внутреннему деланию и не будем искать многословия, ибо оно не приблизит нас к Богу, но чистое сердце и ум глубококомолчащий приведут душу нашу к созерцанию Бога и соединят нас с Ним.

Невидимо соединившийся с сокровенным остается иногда без всяких знаков видимой молитвы, погруженный весь в таинственное молчание, но это молчание есть сладкая беседа с Богом, хотя и без слов и без каких-либо звуков. Объяснить этого словами нельзя. Святой Исихий Иерусалимский говорит: «Если ведаешь и дано тебе завтра представлять пред Господа, – и не только зриму быть, но и зреть (Пс. 5, 4), то ты разумеешь, о чем я говорю. Если же нет, трезвись и получишь»². Один такой искусный делатель молитвы, утаенной от людей, указывает самый простой на то способ: стяжи молчание, и будешь всегда молиться, обращая постоянно ум и сердце к Богу. И опытный в молитвенном делании Исаак Сирий говорит о том, что насколько уклоняется душа от бесед с людьми суетного ума, настолько она удостаивается блаженного собеседования с Богом³.

Избирающим путь молчания в разуме являет Господь спасение Свое, благословляя людей Своих миром. Но уберегая ум свой от собеседований и суетных размышлений, надо стараться всеми силами, чтобы он никогда не оставался праздным, но непрерывно терпеливо молился и не унывал. Ибо во всяком деле, особенно в деле умной молитвы, требуется терпение и вера, через которые Господь посылает в свое время избранным Своим великое благодатное утешение, подаваемое смиренным только, а не гордым.

На многие просьбы жены Хананейской Господь не обращал внимания, когда же она показала свое терпение и смирение, Господь похва-

¹ Красное море.

² *Исихий Иерусалимский, прп.* Творения. Второе слово на Святую Пасху, 9.

³ *Исаак Сирий, св.* Беседа 29.

Святой Георгий, затворник Задонский. Икона

лил ее: *О, жено, велия вера твоя: буде тебе якоже хочещи* (Мф. 15, 28). Чтобы смирить кого-либо, ему попускаются Богом разные скорби и искушения, которые так терзают душу, что человек бывает и жизни не рад, но Господь силен внезапно обогатить нищего духом и вместо уныния даровать великую радость спасения.

Так было со многими. Георгий, затворник Задонский, рассказывает о себе так: «...В уединении моем я провел шесть лет... когда угодно было Господу мое сердце привести в совершенное сокрушение... я... впал в великое изнеможение, но в сердце непрестанно повторял: “Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго”. Вдруг... огонь

чистой любви коснулся моего сердца, и я весь исполнился силы, чувств, приятности и радости неизъяснимой»¹. Итак, мы видим, что истинная молитва рождается из глубочайшего самоуничижения и смирения, это и есть спасительный путь.

Прп. Григорий Синаит², встретив святого Максима Кавсокаливита³, спросил его, как он получил умную молитву, и тот отвечал, что не может скрыть от брата чудо, которого он удостоился от Пресвятой Богородицы. От юности своей имел он великую веру к Божией Матери и умолял Ее, да подаст Она ему благодать умной молитвы. Однажды, как всегда придя в храм, просил он об этом Пречистую Деву особенно горячо и усердно, а когда с любовью целовал Ее святую икону, то вдруг ощутил в груди и в сердце особенную теплоту и пламень, исшедшие от образа, которые не жгли его, а орошали и услаждали душу, и он ощутил великое умиление. С этой минуты сердце его само стало творить молитву, а ум услаждаться постоянно

¹ Георгий, затворник Задонский. Письма. 37.

² Григорий Синаит, прп. (ок. 1268 – 1346). Подвижник, возродивший на Афоне практику Иисусовой молитвы. † 8 августа и в первую неделю по Неделе Всех святых.

³ Максим Кавсокаливит, прп. († 1354), Христа ради юродивый. Память 13 января.

ным памятованием Господа нашего Иисуса Христа и Пресвятой Богородицы, всегда пребывая в Боге. С того времени молитва не пресекалась в сердце его.

Святые отцы говорят, что подобно тому, как из самой глубины моря достают драгоценнейшие жемчужины, так и в глубине смиренномудрия находятся лучшие сокровища духовные. И как те, которые добывают золото из земли и жемчуг из глубины морей, оказываются под землей и под водой, то есть под ногами всех остальных людей, так и желающие обогатиться Божественной благодатью подвергаются такому самоуничтожению, что сознают себя хуже всех людей. Тогда в сердце подвижника возникает чувство своей полной немощи, недостойности перед всемогущим, всесильным Богом, проникающее до самой глубины души, но вместе с тем и надежда на милосердие Божие, и дерзновенная к Нему молитва: «Помилуй мя, Боже, яко не токмо немощен есмь, но и Твое есмь создание»¹. Так, чувство сокрушения и смирения, но полное веры и упования на милость Божию, является лучшим основанием сердечной молитвы.

Молитва Иисусова, по учению святых отцов, есть главнейшая молитва. Она была передана Ангелом преподобному Пахомию², а через него всем нам, и читается так: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного». Что может быть легче этой молитвы и удержания ее в памяти и удобнее к произношению во всякое время и во всяком месте. Молитва Иисусова как бы состоит из двух частей. Первая из них – славословие: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий». Вторая – прошение о помиловании: «помилуй мя, грешного». Причем замечательно, что нельзя лучше, правильнее и отчетли-

Преподобный Максим Кавсокалит.
Фреска. XVIII в.

¹ Молитва акафиста в память всеобщего Воскресения и Страшного суда.

² Пахомий Великий, прп. († ок. 348). Наряду со свв. Антонием Великим, Макарием Великим и Евфимием Великим является столпом пустынножительства и основателем монашеского общежития в Египте. Память 15 мая.

вее выразить желание испросить прощение бедной грешной душе, как этими словами: «помилуй мя». Всяких других слов не было бы достаточно, а слова «помилуй мя» не только выражают желание получить прощение грехов ради страха наказания, но есть также искренний вопль сыновней любви, надеющейся на милосердие Божие и смиренно сознающей свое бессилие. Спасительную силу и ответственность молитвы Иисусовой усвоил Сам Господь наш Иисус Христос перед наступлением Крестных страданий. Утешая Своих учеников, Он обещал им сделать все, что они попросят во имя Его: *Аще чесо просите во имя Мое, Аз сотворю* (Ин. 14, 14). И по воскресении Своём торжественно повторил это обещание: *именем Моим бесы ижденут: языки возглаголют новы... аще и что смертно испиют, не вредит их* (Мк. 16, 17 – 18).

И действительно, нет ничего в мире, чего бы не могли совершить верующие именем Иисусовым. Молитва Иисусова – это высшее монашеское делание, высшая молитва. Сила ее в самом имени Господа нашего Иисуса Христа, с верою произносимом. И сила эта велика. Когда преподобный Серафим пришел на совет в Киево-Печерский монастырь к старцу Досифею¹, то получил указание: «Иди в Саровскую пустынь, твори постоянно Иисусову молитву и спасешься». Имя Иисусово должно быть постоянно у нас в сердце, уме и на языке. Молиться надо всегда: стоим ли, лежим ли, сидим ли. И за едой, и за работой всегда надо творить молитву Иисусову: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного».

Но насколько эта божественная молитва больше всякого другого монашеского подвига, настолько распространяются около нее тончайшие, невидимые сети прелестей и мечтаний, расставленные врагом нашего спасения. *Чадо, аще приступаеши работати Господеви, уготови душу твою во искушение* (Сир. 2, 1). Поэтому желающий избежать этих сетей и стать на путь чистой непрелестной молитвы должен предать себя душой и телом в послушание, что значит полное отсечение своей воли и своего рассуждения и повиновение духовному отцу, человеку, боящемуся Бога, опытному в несении мысленного подвига, могущему пока-

¹ Досифей Китаевский (Киевский), преподобный, память 25 сентября. Насельник Киево-Печерской в честь Успения Пресвятой Богородицы Лавры. Прославился как затворник и прозорливец, долгое время подвизался в пещерах на Китай-горе, многим указал монашеский путь спасения, благословил на постриг Прохора Мошнина – прп. Серафима Саровского. Скончался в 1777 г. после 30-летнего затворничества на 53-м году жизни. После стало известно, что затворник Досифей – девица Дария из рязанских дворян Тяпкиных. В 1993 году рясофорный монах Досифей канонизирован Собором Украинской Православной Церкви.

зять повинующемуся незаблудный путь ко спасению. Это необходимо для того, чтобы истинным послушанием в разуме он мог сделаться свободным от всех житейских попечений и пристрастий. Как же не стать свободным тому, кто каждое попечение о своей душе и теле возложил на Бога, а по Боге на отца своего духовного. Смирением же, рождающимся от полного послушания, он избежит всех прелестей и сетей диавольских, будет тихо и безмолвно упражняться в мысленном делании.

Молитва Иисусова и борьба с помыслами составляют невидимую брань, которая есть главное делание монашествующих. И эта борьба с помыслами вменяется монахам в мученичество. У святых отцов сказано, что самая великая добродетель мирянина меньше пред Богом, чем борьба с помыслами обыкновенного монаха. Понять это может только тот, кто сам испытал такую борьбу, другим это непонятно, потому что невидимо.

И в этой борьбе главная помощь – откровение помыслов старцу, без этого нельзя. Открываться старцу нужно чисто, сердечно, все говорить, что есть на душе, каждую пылинку с души сдувать. Подобно тому, как на светлом платье видны все пятна и хочется их отстирать, так и с души каждое пятнышко нужно смывать покаянием.

И так, положив твердым и непоколебимым основанием молитвы Иисусовой блаженное послушание и неразрывное с ним откровение помыслов старцу, будем обучаться сему духовному деланию, возводящему подвижника к великому и неизреченному преуспеянию, неуклонно следуя по пути, намеченному стопами святых, угодивших Богу.

«СЕРАФИМЕ, ОТЧЕ НАШ ВОЗЛЮБЛЕННЕ»

Святитель Серафим, Софийский
чудотворец. Икона

В день Торжества Православия отходя в вечные обители, архиепископ Серафим, утешая сиротеющих чад своих, говорил: «Вы пишете мне письма». И ныне, будучи прославлен Святой Церковью, получает он наши посланья, молитвы, возносимые ему, отцу и пастырю, поистине уподобившемуся любовью Отцу и Пастырю, Которого носил в сердце своем всю жизнь.

Владыка Серафим был одним из немногих истинных избранников Божиих нашего духовно обнищавшего, апостасийного времени. Именно над этим необыкновенно смиренным и удивительно скромным угодником Божиим исполнилось Божественное обетование:

Смиряй же себе, вознесется (Лк. 18, 14). И прославление его в наши дни есть дело не человеческое, но Божие.

Архиепископ Серафим, в миру Николай Борисович Соболев, родился в Рязани, в семье священника. Его мать, Мария Николаевна, была женщиной глубоко верующей и усердной молитвенницей. У нее было одиннадцать детей, большинство из которых умерло в раннем возрасте. Но особенно любила она свою маленькую дочь Верочку – сущего ангела небесного. Верочка отличалась от своих сверстников и с младенческого возраста обладала удивительными духовными задатками: любила Бога, часто молилась и проявляла необыкновенную доброту ко всем людям. Когда ей было три года, ее старший брат Вася смертельно заболел. В семье все тяжело переживали это печальное событие. Вдруг маленькая Верочка неожиданно сказала: «Мама, дай мне попить чайку». Когда выпила чашечку чая, перевернула ее, поставила на блюдечко и в задумчивости произнесла: «Мама, Вася выздорово-

веет, а я заражусь и умру». Так и случилось. И когда над умирающей Верочкой горько плакали родные, трехлетняя девочка нежно их успокаивала: «Зачем же плакать?! Надо Богу молиться», – и тихо, как Ангел, отошла ко Господу. Скорбь матери была безпределной. Она горячо молила Бога даровать ей в утешение другое дитя, которое напоминало бы ей Верочку. И вот через несколько лет, в 1881 году, родился маленький Коля, одаренный Богом редкой по чуткости и любви к людям душой.

Коля тоже был непохож на сверстников. Ласковый и отзывчивый на чужую боль, мальчик обладал несвойственной детям серьезностью. Окончив духовное училище в 1900 году, он поступил в Рязанскую Духовную семинарию, после которой продолжил образование в Петербургской Духовной академии с 1904 по 1908 годы.

Когда Николай Соболев перешел на шестой курс академии, инспектор архимандрит Феофан поставил перед ним вопрос ребром: будет ли он монахом? Николай, считая себя недостойным монашеского подвига, очень мучился этим вопросом, не зная, какова воля Божия о нем. За разрешением своего недоумения он обратился письменно к о. Иоанну Кронштадтскому, но тот ничего не ответил на его письмо. Он спросил о том же оптинского старца Анатолия (Потапова), но старец написал ему, что заочно не может дать ответа на его вопрос.

Когда Николай получил письмо о. Анатолия, то заскорбел еще больше, ибо ниоткуда не мог получить прямого ответа на свой вопрос, который указал бы ему волю Божию.

В это время он читал житие святого Серафима Саровского; раскрытая книга лежала у него на столе. В грустном раздумье Николай стал ходить по комнате, и вдруг его озарила мысль: «Какой же я неверующий! Ведь святой Серафим Саровский и сейчас жив. Он у престола Святой Троицы, он и сейчас может разрешить все недоумения и вопросы, если мы с верой будем обращаться к нему в своих молитвах. Подойду я сейчас к столу, на котором лежит книга с жизнеописанием святого Серафима Саровского, обращусь к нему, как к живому, упаду на колени, буду умолять решить мой жизненно важный вопрос: жениться ли мне и быть священником или же принять монашество?».

Так Николай и сделал. Положив земной поклон, с молитвой раскрыл книгу и прочел то место, которое ему попало. «В 1830 году один послушник Глинской пустыни, чрезвычайно колебавшийся в вопросе о своем призвании, нарочно прибыл в Саров, чтобы спросить совета у о. Серафима. Упав в ноги преподобному, он молил разрешить мучивший его жизненный вопрос: “Есть ли воля Божия поступить ему и

брату его Николаю в монастырь?» Святой старец отвечал послушнику: «Сам спасайся и брата своего спасай». Эти слова Николай принял как дивное откровение от Бога о необходимости для него принять монашество, что отвечало его глубокому сердечному желанию. С этого момента он начал думать, что монашество не только его собственный жизненный путь, заповеданный ему Богом, но и путь его родного брата Миши, впоследствии архимандрита Сергия.

26 января 1908 года Николай Соболев был пострижен в монашество. Ректор Академии, епископ Сергей, внезапно перед самым постригом вспомнил, что присутствуя на открытии мощей прп. Серафима Саровского, пообещал дать имя новопрославленного угодника Божия первому постригаемому им монаху, и когда во время пострижения Николай Соболев услышал: «Брат наш Серафим постригает власы главы своея», – то вздрогнул от изумления и преисполнился великой любовью и благодарностью к преподобному Серафиму, подумав: «Он не только открыл мне волю Божию быть монахом, но ему угодно было взять меня под свое благодатное руководство».

Приняв монашество, новопостриженный монах Серафим предался подвигу строгого поста и непрестанной молитвы. Он в продолжение многих лет вкушал пищу только один раз в день.

Всегда верный любви ко Христу, Николай Соболев еще до своего монашеского пострижения старался, чтобы никогда ничем не оскорбить Спасителя, пролившего Свою драгоценную Кровь за нас. Вступив на иноческий путь, молодой монах Серафим усугубил свой духовный подвиг, приняв на себя строгий пост и трудясь над непрестанною молитвою. Слова Спасителя: *Грядет бо сего мира князь и во Мне не имать ничесоже* (Ин. 14, 30), глубоко запали в его душу и стали основой его постоянного внутреннего делания. Он тщательно хранил свое сердце от всякого даже малейшего греха, ежедневно молясь словами божественного Псалмопевца: *Сердце чисто созижди во мне, Боже* (Пс. 50, 12). И всегда в своем духовном подвиге он чувствовал благодатную помощь Божию.

Владыка Серафим высоко ценил наставления и душеполезные примеры современных ему светильников благочестия великой Русской земли. Еще до принятия монашества он несколько раз посещал знаменитого кронштадтского пастыря, протоиерея Иоанна Сергиева. Особенно знаменательно было его последнее посещение весной 1907 года, когда он со своим другом Виктором Раевым присутствовал на богослужении о. Иоанна в Андреевском Кронштадтском соборе. Уже попросившись с о. Иоанном, Николай Соболев, проходя Горнее место

главного алтаря, был неожиданно остановлен великим праведником, который устремился к нему из бокового придела, словно движимый особым благодатным вдохновением, и, положив крестообразно руки на голову будущего Владыки, произнес: «Да почиет над Вами благословение Божие». При этих словах словно огненная искра прошла через тело Николая, и все существо его наполнилось великой, ни с чем не сравнимой радостью, которую он ощущал в своем сердце весь день.

Позднее, когда был назначен помощником смотрителя Духовного училища в Калуге, он часто ездил в Оптину пустынь, где исповедовался у старцев Иосифа и Варсонофия, а о. Анатолий (Потапов)¹, питавший к нему особенную любовь, стал его духовником.

Чтение святоотеческой литературы и жизнеописаний святых угодников Божиих было его любимым занятием. Жития святых он называл благодатным дождем, который освежает, ободряет и радует душу. «Читая жития святых, я как в раю находился», – говорил Владыка.

В течение своей жизни он одиннадцать раз с неослабевающим усердием и сердечным умилением прочитал все двенадцать томов Житий святых, составленных святителем Димитрием Ростовским. Питая в глубине души горячую любовь к святым угодникам Божиим, он постоянно призывал их в своих молитвах, а в поучениях и проповедях часто приводил примеры из их святой богоугодной жизни. Владыка говорил своим духовным чадам: «Когда мы умрем, тогда пойдем, насколько близки были к нам Спаситель, Божия Матерь и все святые, как снисходили к нам в немощах наших и как исполняли наши молитвы».

Особенную любовь владыка Серафим имел к Пречистой Божией Матери. Он любил размышлять о Ее высочайших добродетелях, подчеркивая, что все они являются плодами Божественной благодати, преизобильно излившейся на Нее за Ее великие духовные подвиги. Вдохновенно говорил он о глубочайшем смирении Божией Матери, дивно послужившем Божественному домостроительству и сделавшем возможным воплощение Сына Божиего. Владыка ежедневно горячо молился Ей, испрашивая Ее молитвенного заступления.

А на полях его рукописей в великом множестве разбросаны краткие молитвенные обращения ко Господу, к Царице Небесной и к угодникам Божиим: «Господи, помоги!», «Матерь Божия, Радость моя, благослови успешно начать дело. Обрадуй меня!», «Спаситель мой, не оставь меня!»

¹ Прп. Анатолий Оптинский, Младший. † 30. 07. 1922 г.

«Владыко, Вы пахнете раем»

Владыка любил говорить: «Господь близ; если позовешь Его, Он сразу откликнется».

Пребывая в таком постоянном молитвенном устроении, Владыка, еще молодым иеромонахом, был Господом украшен благодатными духовными дарованиями, что стало очевидным и для его окружающих. Так, в 1909 году, когда отца Серафима назначили преподавателем Пастырского богословского училища в Житомире, начальник училища, архимандрит Гавриил (Воеводин)¹, будущий новомученик, видя благодатные плоды духовного подвига, ласково называл его Аввочкой.

С самых юных лет Владыка обладал необыкновенным смирением. Будучи одним из первых учеников в школе, а в семинарии и Академии отличаясь своими прекрасными сочинениями, он всегда проявлял исключительную скромность. Впоследствии духовная жизнь развила и усовершенствовала в нем эту основную христианскую добродетель. Будучи глубоко проникнут чувством своего недостойнства, он во всех своих делах и начинаниях искал помощи Божией и все свои успехи искренне приписывал одному только Богу.

Так, в самом начале рукописи его капитального труда против софианской ереси, в котором обнаружилась вся глубина его богословской эрудиции, Владыка своею рукою написал: «Господи, Матерь Божия, Ангел Хранитель мой, св. Николай Угодник, св. Серафим Саровский, не надеюсь на свои силы, чувствую себя недалеким. Помогите

¹ Гавриил (Григорий Дмитриевич Воеводин) (1869 – 1937) – архиепископ Полоцкий и Витебский. Родился в Луге. В 1894 г. окончил Санкт-Петербургскую Духовную академию. Пострижен в монашество 13. 02. 1893 г., рукоположен в иеромонаха весной 1894 г., с 1901 г. – архимандрит. С августа 1908 г. – настоятель Житомирского Богоявленского монастыря и начальник Житомирского училища пастырства. С июня 1915 по сентябрь 1921 г. – епископ на Урале и в Сибири. Осенью 1922 г. отпал в обновленчество, но уже летом 1923 г. принес покаяние и был принят в Православие. С февраля 1923 по февраль 1937 отбывал срок в Сибирском и Карагандинском лагерях. 9. 09. 1937 г. арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности и расстрелян 17. 12. 1937 г. в Боровичах.

мне основательно раскритиковать учение о. Сергия Булгакова. исполни на мне слова Твои, Господи: *Сила бо Моя в немощи совершается* (2 Кор. 12, 9).

О смирении Владыка любил говорить больше всего – и в своих проповедях, и в своих духовных беседах и наставлениях: «Смирение, – учил он, – есть якорь спасения, оно является основой всех христианских добродетелей».

Когда в храме Владыка говорил о духовной жизни, то своим словом он как бы возводил слушателей на небо, зажигая в их сердцах пламя божественной благодати. Однажды во время совершаемого им богослужения какая-то маленькая девочка воскликнула: «Владыко, Вы пахнете раем!». Так устами младенца произнесено было то, что трудно выразить словами.

А в день Прощеного воскресенья, после его проповеди люди, много лет враждовавшие, обнимались и с сокрушенным сердцем искренне просили друг у друга прощения.

Эту необыкновенную духовную силу словам Владыки придавало то, что они были плодом его собственного духовного опыта, основанного на аскетических творениях, замечательным знатоком которых был архиепископ Серафим.

Владыка был мягкого и кроткого характера. По его собственным словам, ничто его так не огорчало, как сказанное им огорчительное слово ближнему, хотя и по необходимости.

Любовь к ближним у этого доброго пастыря была необыкновенной. И самое удивительное то, что чем больше у него было скорбей, тем больше любви он дарил людям. Любовь эта, естественная и нелицемерная, изливалась без всякого насилия из его благодатного сердца. Своим духовным чадам он говорил:

«В брате своем надо видеть Ангела, а на его грех надо смотреть как на болезнь». «Надо отделять человека от греха. Грех можно ненавидеть, а человека мы должны любить и жалеть».

«Не любить можно только врагов Божиих по словам Псалмопевца» (ср.: Пс. 138, 21 – 22).

Свою любовь архиепископ Серафим изливал одинаково на всех. Сердечно любя болгарского царя Бориса¹, Владыка при встрече с ним всегда не только благословлял, но обнимал и целовал его. Но с такой же любовью и сердечным участием он целовал и нищих на паперти храма, щедро делясь с ними своими скудными средствами.

¹ Борис III (30. 01. 1894 – 26. 08. 1943) – царь Болгарии с 1918 по 1943 гг.

А сколько величия души он проявлял в своей любви к врагам! Ведь несмотря на свою равноангельскую жизнь, Владыка имел много недоброжелателей. Он всегда отвечал им на все зло горячей молитвой за них и, помяная на проскомидии, вынимал по три частицы за каждого. И даже на смертном одре, придя в сознание и увидев человека, который всю жизнь его огорчал, из последних сил крепко обнял его и опять потерял сознание. Это было так естественно и сердечно, что поразило всех присутствовавших.

Простота владыки Серафима поднималась до благодатной высоты. «Держать себя просто, – наставлял он, – значит не допускать искусственности ни в чем и держать себя перед людьми, как пред Богом... Стать простым, в этом заключается перемена жизни. Это и есть *измена десницы Вышняго* (Пс. 76, 11). Тогда не погибнешь, ибо простота есть смирение. А на смиренных, как на престоле, почивает Своею благодатию Бог». Владыка часто повторял слова о. Иоанна Кронштадтского: «Поменьше своеумудрия, побольше простоты».

Архиепископ Серафим был совершенно нестяжательным. Он жил главным образом на подаяния людей. До конца жизни снимал бедную маленькую квартиру без элементарных удобств. У него не было пристрастия к вещам, и когда кто-нибудь из нищих просил у него одежду, он отдавал все, что у него было под рукой. «Вещи меня отягощают, они пуд для души», – говаривал он.

Владыка поражал своею прозорливостью, но старался скрывать ее. Иногда, исповедуя своих пасомых, он приводил их к покаянию, напоминая им забытые грехи. Нередко Владыка отвечал на мысленные вопросы своих собеседников. «Это случайно», – улыбался он, когда они высказывали свое удивление.

За год до своей кончины он часто говорил о ней, а перед смертью в точности предсказал день своего ухода в вечность. Будучи уже смертельно больным и прикованным к постели, перед открытием в Княжево, близ Софии, женской Покровской обители, он давал указания об устройстве ее, описывая точное местонахождение каждой комнаты. И когда удивленные сестры спросили Владыку, откуда он все знает, не быв там, он, улыбаясь, ответил: «Да разве?».

Благодатный, светлый облик владыки Серафима был воистину ангельским. Всегда он вносил с собой необыкновенную тишину и мир. Не раз духовные чада видели его озаренным неземным светом. Таким он явился после смерти одному своему духовному сыну, – монаху, плакавшему о нем, и сказал ему: «Что ты плачешь, ведь я не умер, я жив!».

Своей подвижнической жизнью Владыка еще в молодом возрасте достиг ангельского целомудрия и чистоты. С юных лет он строго придерживался подвижнических святоотеческих правил в духовной борьбе против мысленных приражений плотской страсти.

Живя в непрестанном духовном подвиге, ограничивая себя во всем, Владыка еще в России заболел туберкулезом, который особенно обострился после его приезда в Болгарию. Узнав, что положение его почти безнадежное и он, может быть, уже близок к смерти, Владыка скорбел лишь о том, что уходит из жизни, не достигнув столь желанного безстрастия. Но Господь даровал Своему избраннику за его подвиг и помощь, и утешение.

Однажды Владыка с детской простотой изливал перед Господом свою печаль: «Господи, Иисусе Христе, Ты уже зовешь меня к Себе, а между тем я еще не успел очистить себя от страстей!» – и горько заплакал. И вдруг услышал внутренний голос, как бы исходящий от Самого Христа: «Ты никогда не отпадеешь от Меня, ты всегда будешь Мне верен». После этих слов несказанное райское блаженство наполнило все его существо. Именно тогда он освободился от страсти и еще более укрепился в благодати.

За ангельскую чистоту Господь сподобил владыку Серафима даром духовного ведения, умением проникать в глубины богооткровенных истин. Владыка часто повторял: «Православное богословие прямо пропорционально целомудрию». Все его богословские труды были плодом этого благодатного ведения.

Владыка Серафим был последним епископом, рукоположенным в России накануне исхода Белой армии из Крыма. Хиротония его состоялась в день Покрова Пресвятой Богородицы 1/14 октября 1920 года в кафедральном соборе Симферополя. Его рукополагал митрополит Антоний (Храповицкий), который знал о Серафиме еще студентом Духовной академии и высоко ценил его ревностное служение Церкви. Большим утешением для молодого епископа было то обстоятельство, что во время его хиротонии в храме находилась, по неведомым судьбам Божиим, великая русская святыня – чудотворная Курско-Коренная икона Божией Матери «Знамение», ставшая впоследствии Путеводительницей русского Зарубежья.

Вскоре перед епископом Серафимом встал неизбежный вопрос: покидать Родину или же оставаться, ожидая, пока Крым окончательно перейдет в руки большевиков? И тут Владыка поступил согласно раз и навсегда принятому им правилу: ничего не предпринимать, не удостоверившись, есть ли на то воля Божия. Он обратился к находив-

шемся там же престарелому епископу Димитрию¹ с просьбой вытянуть за него жребий перед иконой Владычицы. Жребий указал путь на чужбину. С великой скорбью, но во всем покорный воле Божией, Владыка покинул Отчизну. Он прибыл в Болгарию 19 мая 1921 года, а в августе того же года указом святейшего Патриарха Московского и всея Руси Тихона был назначен управляющим русскими приходами в Болгарии.

Здесь-то и начался истинный подвиг его архипастырского служения – жизни, озаренной светом безграничной любви к Спасителю и самоотверженно преданной пастве. Мужественный аскет, несмотря на все жизненные неурядицы не оставлявший строгого воздержания, Владыка, невзирая на тяжелую болезнь, ни на один день не оставлял своего словесного стада: часто совершал архиерейские богослужения, постоянно проповедовал, призывая церковных чад к покаянию и смирению. Особенно замечательны были, по воспоминаниям современников, его проповеди на Прощеное воскресенье. При этом Владыка окормлял не только софийскую паству, но и русские приходы в провинции. Он посещал русские учебные заведения; сам терпя нужду и лишения, заботился о страждущих соотечественниках. Одних устраивал бесплатно в больницы, других – в инвалидные дома, для кого-то добивался выплаты пособий, некоторых просто содержал сам. Владыка возглавил движение по сбору средств в помощь голодающим русским инокам на Афоне: после революции приток пожертвований на Афон из России полностью прекратился, и почти две тысячи русских монахов остались без всяких средств к существованию. На Афоне разразился настоящий голод. Лишь поддержка со стороны русских эмигрантов, чаще тоже нуждавшихся, но не забывших о великой православной святыне, спасла Русский Пантелеимонов монастырь от полного запустения.

Можно без преувеличения сказать, что Владыка был душой всей русской колонии в Болгарии. В то же время он внимательно следил за всем, что происходило в среде русской эмиграции в других странах, особенно – в жизни церковной. С любовью относился он и к болгарским христианам, видевшим в нем образ идеального пастыря и тянувшимся к нему. Нередко владыка Серафим посещал знаменитый Рыльский монастырь, имеющий для Болгарии такое же значение, как

¹ Схиархиепископ Димитрий (князь Абашидзе), в схиме Антоний (1867 – 1942). С 25 июня 1912 г. – епископ Таврический и Симферопольский. С мая 1921 г. на покое. † 19 октября и в Соборе Херсонских святых.

Троице-Сергиева Лавра для России, и даже написал акафист преподобному Иоанну Рыльскому.

В 1934 году Владыка был возведен в сан архиепископа. Число людей, обращавшихся к нему за духовным окормлением, постоянно увеличивалось. Прежде скорбные и опечаленные, томимые недоумениями, они уходили от архипастыря о. Серафима окрыленные, согретые его любовью, обласканные им, с твердым упованием на милость Божию. Много раз дерзновенная молитва святителя ко Спасителю и Божией Матери являлась чудодейственной и даже возвращала к жизни безнадежно больных.

Принимая на себя архиерейский сан, владыка Серафим глубоко сознавал всю ответственность епископского служения и долг архипастыря – «быть благодатным светом для мира и твердым оплотом для всех христиан». Это чувство долга и ответственности перед Святою Церковью руководило им всю его жизнь.

Чувствуя апостасийность последнего времени, которая несет угрозу православной вере, он много потрудился на поприще архиерейского служения, чтобы сохранить православную веру во всей ее чистоте. Следуя повелениям своей архипастырской совести, он безкомпромиссно обличал любое отклонение от православной истины, всякое нарушение в области догматов и канонов. Так появились на свет его безценные богословские труды, которыми он отвечал на волнующие вопросы, затрагивающие тем или иным образом церковную жизнь не только русского Зарубежья, но и всей Соборной Православной Церкви.

Посвятивший всю свою жизнь Христу и отстаиванию чистоты Святого Православия, владыка Серафим всегда проявлял твердость, прямолинейность и смелость. Еще будучи студентом Петербургской Духовной академии, он один протестовал на студенческих сходках против революционных резолюций студентов. В Софии Владыка вел мужественную борьбу с масонскими организациями русской эмиграции, активные члены которых доставили ему много горя и скорбей своими действиями и клеветой.

В 1930 году в Софии на Съезде русских ученых он публично осудил тех ученых мужей, которые не считали нужным ставить Православную веру в основу своих научных взглядов.

В 1935 году он ревностно послужил Святой Православной Церкви, изобличая софианскую ересь протоиереев о. Сергия Булгакова и о. Павла Флоренского своим фундаментальным богословским трудом «Новое учение о Софии Премудрости Божией», в котором показал

Гробница свт. Серафима (Соболева)

себя глубоким знатоком святоотеческого учения и православной традиции.

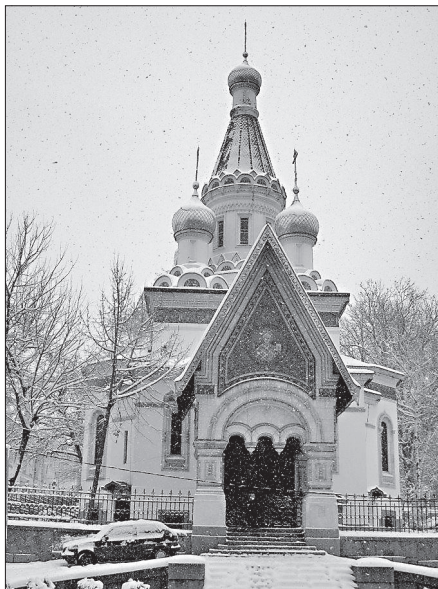
В 1938 году на Соборе Русской Заграничной Церкви с клириками и мирянами он прочитал несколько блестящих докладов в защиту Святого Православия, один из которых был направлен против экуменического движения. Присутствовавший на Соборе молодой епископ Иоанн Шанхайский, ныне прославленный Святой Церковью, голосовал за доклад Владыки двумя руками.

В 1939 году архиепископ Серафим написал книгу «Русская идеология», обосновав в ней богоустановленность царской власти, а в следующем году ответил книгой «Об истинном монархическом мирозерцании» на критику тех, кто придерживался типичного для русской интеллигенции рационалистического взгляда на самодержавие.

В 1943 году, внимательно следя за малейшими отклонениями от православного святоотеческого богословия, он опубликовал свое сочинение «Искажение православной истины в русской богословской мысли», а в 1944 году были впервые изданы некоторые проповеди Владыки.

Свою ревность и безкомпромиссность в защите православной истины владыка Серафим проявил и на Советании глав и представителей поместных Православных Церквей, прошедшем в июле 1948

года в Москве, где во многом благодаря докладу владыки Серафима иерархи категорически отказались от участия в еретическом экуменическом движении. Принимая к сердцу все тревожившие Святую Церковь вопросы, он подготовил три доклада из представленных для рассмотрения четырех тем: против экуменического движения, о новом и старом стиле и об англиканской иерархии. Владыка Серафим считал резолюцию Совещания по вопросу о новом стиле неудовлетворительной и выразил это в своем «особом» мнении», что, к сожалению, не было отмечено в опубликованных Деяниях Совещания. А в докладе против экуменизма он подчеркнуто проводил мысль, что присутствие православных представителей, даже в качестве наблюдателей на экуменических конференциях, является отступлением от Святого Православия.

Русский посольский храм во имя свт. Николая. София

За безкомпромиссное служение Святой Православной Церкви Господь увенчал жизнь архиепископа Серафима праведной кончиной в Неделю Торжества Православия 13/26 февраля 1950 года.

Прошло почти семьдесят лет со дня кончины достойного архиерея, а народ непрестанно идет на его могилу в русском посольском храме свт. Николая в Софии, пишет ему записочки, с верою просит помощи и получает ее. Так над ним сбылись непреложные слова Господа: *Прославляющего Мя прославлю* (1 Цар. 2, 30).

По определению Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви единомысленно со Священным Синодом Болгарской Православной Церкви 2 – 3 февраля 1916 года архиепископ Богучарский Серафим (Соболев) прославлен в лике святителей и причислен к лику святых для общецерковного почитания.

Сост. по: Духовные чада о владыке Серафиме (Соболеве) // *Проповеди* (1945 – 1949). М., 1999; Святитель Серафим (Соболев) 1881 – 1950 гг. // *Подвижники благочестия XX столетия*. М.: Трим, 1993; *Святитель Серафим (Соболев)*. Жизнеописание и сочинения. М.: Скит, 1992. – *Ред.*

«ПОМИНАЙТЕ НАСТАВНИКОВ ВАШИХ»

АРХИВ МИТРОПОЛИТА МАНУИЛА (ЛЕМЕШЕВСКОГО)

ИГУМЕНИЯ ФИЛАРЕТА (СМИРНОВА)

Игуменья Филарета, в мире Феодосия, родилась 26 мая 1830 года. Происходила она из духовного звания. Отец ее, Алексей Васильевич Смирнов, церковнослужитель Волоколамской градской Петропавловско-Власиевской церкви и мать ее, Наталья Петровна, по особому побуждению решились отдать дочь в монастырь в самых юных годах. Когда Феодосии было около семи лет, мать ее отправилась в Борисоглебский Аносин монастырь¹ Звенигородского уезда и стала просить игумению Анастасию (Комарову)² о принятии малолетней их дочери во вверенный ей монастырь.

Игуменья Анастасия не вдруг согласилась на эту просьбу. Она прежде всего спросила Высокопреосвященного Филарета, можно ли принять ее? Владыка ответил: «Можно, но только пока на воспитание». Десятого февраля 1837 года Феодосия была принята в монастырь и воспитывалась там сама игуменья. Способная девочка преуспевала и в рукоделии, и в чтении, и в письме. Обладая альтом, она преимущественно отличалась в пении и впоследствии стала регентом монашеского хора.

В 1853 году Феодосию определили в послушницы монастыря, а в 1854 году в мае она вместе с воспитательницей своей, игуменией Анастасией, перешла в Серпуховский Владычный монастырь³. Здесь 17 мая

Публикуется впервые. Продолжение. Начало в «ДС» № 1 (81). Воспоминания подготовлены к печати кандидатом исторических наук А. П. Семеновой по материалам архива митрополита Мануила (Лемешевского), предоставленным А. С. Ивановой.

¹ Борисоглебский Аносин женский монастырь, ставропигиальный. Основан в 1820 г. в деревне Аносино (в 16 км от Звенигорода). Открыт при покровительстве и участии св. Филарета (Дроздова), митрополита Московского, который составил «Правила для Борисоглебского женского общежития», положенные в основание монастырского устава. Высота духовной жизни сестер снискала монастырю славу «женской Оптиной пустыни». Закрыт в 1928 году. Возрожден в 1992 году как Патриаршее подворье, которое в 1999 году преобразовано в монастырь.

² Игуменья Анастасия (Комарова) управляла обителью с февраля 1837 г. по апрель 1854 г., когда была переведена в Серпуховский Владычный общежительный монастырь, где и скончалась в 1855 году.

³ Владычный Введенский Серпуховский монастырь основан в 1360 г. свт. Алексием, митрополитом Московским, в честь Владычицы Богородицы (отсюда – Владычный).

1855 года она была пострижена в рясофор с именем Антония и, как и в Аносинском монастыре, регентовала до 12 февраля 1865 года, а затем, согласно прошению, ее перевели на прежнее место обитания – в Борисоглебский Аносин монастырь, где, как и прежде, она регентовала при игумении Евгении (Озеровой) и при этом была еще уставщиком.

Деятнадцатого марта 1869 года ее постригли в монашество. С 1878 года в течение одного года и четырех месяцев исправляла должность казначеи. В 1880 году 10 мая переведена в Московский Ивановский монастырь¹ и проходила здесь послушание при свечном ящике. В 1887 году 7 января митрополит Московский и Коломенский² определил ее начальницей Казанского Головинского общежительного женского монастыря. В том же 1887 году 1 сентября тем же митрополитом Иоанникием при служении его в новоустроенном Троицком храме сего монастыря возведена была в сан игумении.

ПО РАССКАЗАМ ГОЛОВИНСКИХ МОНАХИНЬ

Одевалась [игумения Филарета] просто. Ходила часто в рваной одежде. На постель никогда не ложилась. Когда ей было лет шесть, митрополит Филарет (Дроздов) сказал: «Ты, Феодосья, будешь Филарета, будешь в могиле лежать, а потом в другую перейдешь. Будут открывать твои мощи». Говорят, что она сама, будучи лет шести от роду, говорила: «Я хочу мощами быть».

Когда родители привели дочку в монастырь, то игумения спросила: «Ты зачем, девочка, сюда пришла?». А она сказала: «Выйти отсюда мощами». Дали ей иконочку свт. Алексия, и девочка, приложившись, откусила от нее кусочек.

Из Серпуховского женского монастыря была изгнана игуменией Магдалиной, ее приняли в Аносино.

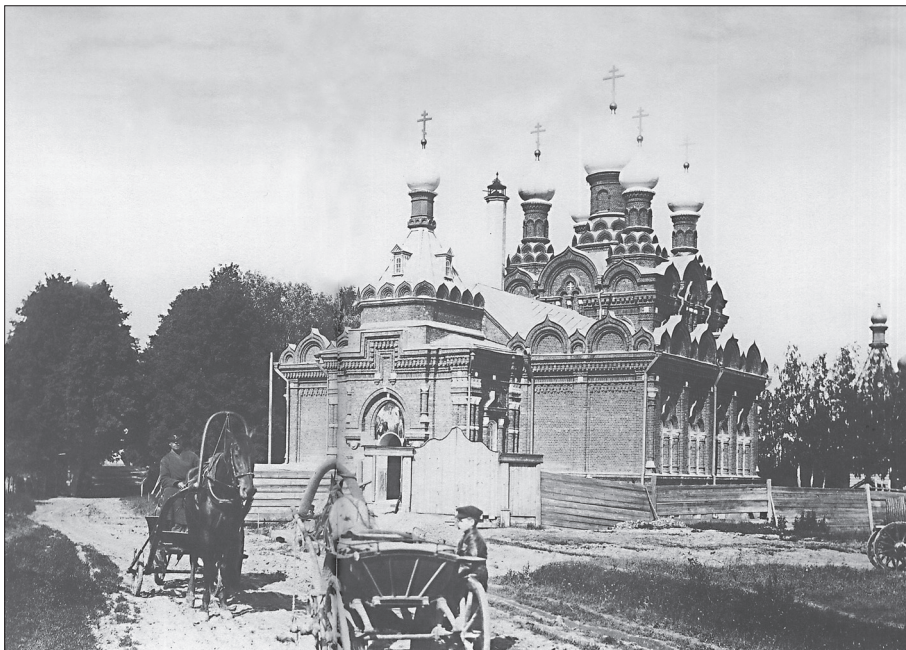
ОТКРЫТИЕ МОЩЕЙ

Случилось открытие мощей игумении Филареты 4 мая 1917 года. Только зазвонили к утрени в Казанской церкви, где была могила матуш-

До 1806 года был мужским, затем преобразован в женский. Здесь подвизалась старица прп. Евфросиния. В 1919 году монастырь был закрыт, возрожден в 1995 году.

¹ Ивановский 2-го класса общежительный женский монастырь на Ивановской горке основан в XV в., упразднен в 1813 г.; восстановлен по ходатайству свт. Филарета (Дроздова). Обитель известна как место заточения царственных узниц. Первой настоятельницей после восстановления монастыря стала аносинская игумения Рафаила (Ровинская). В 1918 г. монастырь был закрыт и превращен в тюрьму. В 1992 г. монастырь передали Православной Церкви. В 2000 году Св. Синод принял решение об открытии Иоанно-Предтеченского монастыря.

² С 1882 по 1891 год митрополитом Московским и Коломенским был Иоанникий (Руднев).

Головинский монастырь. Троицкий собор и Казанская церковь (справа). А. Мазурин. 1890-е гг.

ки Филареты, как видят, что монашенки словно в тумане все, храм весь как будто наполнен водою. Посмотрели кругом, а могила-то матушки Филареты провалилась, и оттуда вода выбивает, словно озеро заволочло все кругом. Кое-как достояли утрению, думали, что зальет и церковь. Быстро собрались сестры, а первой выйти никто не решается. Пали сестры духом, плачут: «Зальет нас». Наконец Варя (Антонова) взяла в руки длинный шест, подобрала платье и пошла, со словами «Господи, благовослови», измерить, какова глубина. Оказалось, что не так глубоко. Нашу-пала она дно и поняла, что рухнул тяжелый памятник на могиле м. Филареты, и на том месте образовался провал.

Заперли сестры поскорее монастырские ворота и начали отливать воду. Больше двух дней вытаскивали камни, что навалились при обрушении. Наконец докопались до гроба, вытащили его на канатах и обрели тело м. Филареты совершенно нетленным. Как живая она была, только голова отделилась, когда ее вынимали из ямы, и немножко отдалило пальчики. Гроб слегка раздавило, но сама матушка лежала не в нем, тело всплыло, даже мантия оказалась целой. Как достали тело из могилы, понесли скорее в церковь, послушниц попросили выйти, оставили одних монахинь. Обмыли тело, положили в новый гроб, надели другую

Борисо-Глебский Аносин женский монастырь

мантию. Как живая лежала матушка в гробу, словно только заснула. Зазвонили на колокольне, собрались все сестры, отслужили панихиду и похоронили ее снова, уже в другом месте. Какая радость тогда была всем сестрам: словно праздник великий пришел.

+++

Имя свое игуменья Филарета получила в память митрополита Московского Филарета (Дроздова), который был ее покровителем. С его благословения семилетней девочкой она была принята в числе немногих других в знаменитый Аносин монастырь Московской губернии. Монастырь этот славился

*Святитель Филарет (Дроздов)
митрополит Московский*

строгим уставом и подвижническою жизнью своих насельниц. Покойные зосимовские старцы о. Герман (Гомзин) и о. Алексей (Соловьев) были очень высокого мнения о нем и об одной из его последних игумений, матушке Иоанне¹. К ней многие духовные лица обращались за советом. Она почиталась искусной делательницей молитвы Иисусовой.

В монастыре изучалось Священное Писание и заучивалось на память, было большое молитвенное правило, за ограду выходить не полагалось. Сестрам, скорбящим, что они не могут побывать у кого-либо из преподобных, матушка говорила так: «Ты пойдешь в келию, прочти акафист преподобному, он сам к тебе придет». Старцы приравнивали этот монастырь к святоотеческим древним обителям.

Матушка Филарета, тогда еще Антония, несла клиросное послушание. Здесь ее постигли большие скорби чисто монастырского характера, и она решила покинуть обитель, что в те времена было почти невозможно. Перешла она в Серпуховский монастырь, где скорби посыпались на нее еще больше. Антония стала проситься обратно в Аносин монастырь, куда была принята с разрешения митрополита Московского Филарета², который поручил настоятельнице [Евгении (Озеровой)] сообщать ему время от времени о переживаниях возвратившейся³. Из Аносиной в числе других сестер ее отправили в Москву [1879 год] для устройства Ивановского общежительного монастыря. Из Ивановского назначена в 1887 году настоятельницей во вновь устраиваемую Головинскую общину⁴.

¹ Игуменья Иоанна (Макарова) [1828 – 1918(?)] родилась в купеческой семье, образование получила в Московском пансионе, где обучалась Закону Божию, наукам и языкам. В 1849 поступила в Аносину пустынь, была письмоводительницей и поверенной по делам обители. В 1869 году пострижена в монашество с именем Иоанна. В 1879 году возведена в сан игумении. Как писал епископ Арсений (Жадановский), между старцем Зосимовой пустыни Германом (Гомзиным) и старицей Иоанной «было святое сродство – был Христос». Как настоятельница игуменья Иоанна была строга. Принимая в обитель сестер, она брала с них подписку до смерти безвыходно пребывать в монастыре, вела старческое окормление и всемерно заботилась о насельницах своей обители.

² С 1826 по 1867 год митрополитом Московским и Коломенским был свт. Филарет (Дроздов).

³ В 1865 году 22 февраля свт. Филарет (Дроздов) в письме к игумении Аносина монастыря Евгении (Озеровой) сообщал: «Антония, по Вашему желанию, переведена. Имею причину сказать Вам, что нужен бдительный взор над нею и над ее влиянием на других». В 1877 году рясофорная послушница Антония была пострижена в мантию с именем Филарета.

⁴ Казанской иконы Божией Матери Головинский общежительный женский монастырь располагался у с. Головино Московского уезда (совр. адрес: Москва, Кронштадтский бульвар, 33). Основан в 1876 г. московским купцом Никитой Игнатьевичем Сидоровым как богадельня, потом община (1881 г.), а с 1886 г. – монастырь. В обители было два каменных храма (Пресвятой Троицы, мц. Акилины) и два деревянных (домовый Всемилоостивого Спаса и Казанской иконы Божией Матери).

Устроительница ее, схимонахиня Магдалина (Стрельникова), от настоятельства отказалась. Она была высокой жизни, но без образования, и в ответ на уговоры митрополита Иоанникия спросила его: «Одною ли игуменией войдешь в Царствие Небесное?». Когда Владыка ответил: «Конечно, нет», – матушка Магдалина сказала: «Ну а мне больше ничего и не нужно», – и окончательно отказалась, хотя жить осталась в своей общине.

Матушка Филарета игуменствовала всего шесть лет [с 1887 по 1893 год], из которых три года лежала больная – у нее был паралич. За нее управляла одна из приехавших с нею сестер. Из-за этого случались разные нестроения, и недовольные добились ревизии. Хотя приехавший ревизовать епископ не усмотрел ничего особенного в управлении обителью, кроме некоторой безхозяйственности (как всегда в таких случаях, – несколько деревьев оказались срубленными не там, где надо), но, тем не менее, была назначена новая игумения, и матушке Филарете пришлось покинуть игуменский корпус, поселиться в маленькой келейке и получать всего лишь пять рублей в месяц, так как материальное положение обители было бедственным.

Итак, последние несколько месяцев из шести лет игуменства матушке Филарете пришлось провести в бедности и как бы в изгнании. Новая игумения, Олимпиада, относилась к ней с уважением и участием, но те из сестер, которые хотели свести с нею прежние счеты, сводили их. Немало скорбного пришлось перенести матушке Филарете. Отличалась она большой добротой и сердечностью, в продолжение своего игуменства много благотворила, и благотворила тайно, чтобы не возбуждать зависти и злобы (как это бывает в монастырях). Часто нуждавшимся из сестер м. Филарета посылала чай, сахар, случалось, что и свою ряску. Скончалась она в 1893 году 21 ноября.

В 1917 году весною сестры отправились в пять часов к утрени и заметили, что ограда на могилке матушки, которая находилась около Казанской церкви, покосилась. Выходя на кафизмы, увидели, что ограда еще больше покосилась. Вдруг раздался сильнейший шум, и каменная плита матушкиной могилы провалилась. На месте ее появилась вода, открылся источник. Все были крайне взволнованы и надеялись, что каменная плита не разрушила крышу склепа. Когда же оказалось, что и склеп поврежден, и гроб сдвинут, то сестры стали выражать надежду на то, чтобы удалось хоть косточки матушкины собрать. Ночью принялись вычерпывать ведрами воду исключительно в присутствии мантийных монахинь и старых сестер, знавших матушку.

Игуменья Алексеевского женского монастыря Антония (Троилина)

этом не сообщалось, некоторые люди приезжали издалека с вопросом: «Где здесь открылся святой источник? Где находятся мощи?». Оказывается, узнавали об этом событии чудесным образом: кому-то во сне являлись ангелы или какой-то мальчик, слышали голоса...

Проходившая послушание на скотном дворе монастыря сестра очень страдала: у нее болели руки, она не могла работать и не знала, что ей делать. Во сне явились ей две монахини и сказали, что нужно взять воды из вновь открывшегося источника и окатиться ей. Хотя от холодной воды руки ломило еще больше, сестра все же окатилась водой и исцелилась, но никому об этом не сказала. Тогда монахини явились вновь и предупредили, что если она будет скрывать чудо исцеления, то снова заболит. На вопрос сестры о том, кто ее исцелил, монахини ответили: «Игуменья Филарета». Когда сестре показали фотографию матушки Филареты, она узнала в ней одну из явившихся ей монахинь. Приходившие брали воду и исцелялись.

Рассказывают, что когда будущей матушке Филарете было шесть лет, девочку спрашивали, зачем она поступает в монастырь, а та отвечала: «Чтобы стать мощами».

ИГУМЕНЯ ОЛИМПИАДА

Игуменья Олимпиада была настоятельницей Головинского монастыря с 1893 года после игуменнии Филареты. Служила она Господу Богу

Тело матушки и ее одежды были найдены нетленными и благоухающими, только голова отделилась, видимо, при падении плиты. Найден был и деревянный крест. Сестра, завязывавшая узел мантии при облачении матушки, обнаружила его в том же виде, как и при положении во гроб. Останки матушки покрыли сверху новой мантией, положили во гроб, и, при пении Пасхальных песнопений, так как это происходило до Вознесения, перенесли в больничную церковь во имя мц. Акилины, где служились панихиды, а затем матушка была погребена в новой могиле.

Несмотря на то, что никому об

Крестовоздвиженский собор Алексеевского женского монастыря. Москва. Начало XX в.

на этом месте шестнадцать лет. По рассказам сестер, была она боголюбива, имела дар слез, особенно около Святой Чаши. Всегда брала с собой два носовых платка, чтобы осушать слезы. Сестер любила, но была наставница строгая: взysкивала с них за проступки сурово, а потом сама же и плакала. Однажды, в день ее Ангела, когда матушка сидела за чаем, влетела в окно ее комнаты канарейка, и с той поры жила у нее. И вот, в самый день матушкиной кончины, уснула вместе с ней вечным сном и эта птичка.

Во время всей своей жизни часто причащалась м. Олимпиада святых Христовых Тайн, а причащавший ее перед самой кончиной протоиерей Василий видел Святую Чашу, как бы огнем опаляемую. Умерла игуменья Олимпиада от рака груди, все внутри у нее гноилось. Она кричала от невыносимой боли, но выздоравливать не хотела. «Нет, не хочу выздоравливать», – говорила она перед смертью. Умерла игуменья Олимпиада 6 февраля 1903 года в Прощеное воскресенье.

Игуменья Антония

Игуменья Антония (Троилина Александра Николаевна) умерла 5 октября 1897 года семидесяти шести лет от роду. Похоронена

в Алексеевском монастыре¹. Роста и телосложения была среднего, красивая, хоть и старенькая уже. Имела дар прозорливости: что сестры ни спросят, всегда самое верное примет решение, благословляя их на то или иное дело. Имела она также дар Иисусовой молитвы. Игуменьей м. Антония была строгой и ревностной исполнительницей церковных уставов. Сестры ее очень любили, она им была как мать. Утешала, когда скорбь у кого случится: то даст гостинчик, то подарит платочек, то скажет что-нибудь ласковое, ободряющее. За всех горячо молилась. Когда м. Антония умерла, то сестры целый год не осушали глаз, горевали о ней очень.

Много ходило к игумении Антонии народа за советом и утешением. Много открывалось ей в видениях. Один раз видела она, как Ангел Божий ходит по ограде монастыря, охраняет обитель. В другой раз представилось ей, что на монастырь хотят напасть, но св. Алексей, Божий человек, размахивает рукой и отгоняет вражие войско прочь далеко от монастыря.

Смирненная была игумения м. Антония².

Записано 27 сентября 1931 года

ИГУМЕНΙΑ АННА

Молитвами святого Владыки нашего, Господи, Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас!

Родиной игумении Иверского женского монастыря Смоленской епархии м. Анны была Смоленская губерния, Бельский уезд, деревня Пигулино. Впоследствии недалеко от этой деревни устроили Иверскую

¹ Алексеевский женский монастырь основан в 1360 г. свт. Алексием, митрополитом Московским, на Остоженке, где ныне находится Зачатьевский монастырь. В 1836 году перенесен в связи со строительством храма Христа Спасителя в Красное село. Храмы монастыря: Воздвижения Креста Господня, прп. Алексия, человека Божия, св. Архангела Михаила, Всех святых. В 1924 году монастырь закрыли. В настоящее время богослужения возобновлены только в храме прп. Алексия, человека Божия.

² Игумения Антония (Троилина) родилась 23.05.1821 года в Москве в семье купца, почетного гражданина Троилина Н. И. Получила прекрасное образование, в том числе религиозное. По благословиению митрополита Филарета (Дроздова) в девятнадцать лет поступила в число сестер Спасо-Бородинского монастыря; в 1841 году была пострижена с именем Антония и стала келейницей игумении Марии (Тучковой). В тридцать семь лет приняла постриг в мантию, в 1859 году переведена в Аносин Борисо-Глебский монастырь. В 1861 году произведена митрополитом Филаретом в сан игумении и назначена настоятельницей Страстного монастыря. В 1871 году матушку Антонию перевели в Алексеевский монастырь, где она открыла училище для южнославянских девочек. За заслуги в просвещении славян сербский князь Милан Обренович пожаловал игумении Антонии государственную награду – орден Такова второй степени. За выдающиеся заслуги по оказанию помощи раненым воинам она награждена двумя знаками Красного Креста. Похоронена игумения Антония у южных дверей Крестовоздвиженского храма, возле алтаря Симоновского придела.

общину¹. Матушка Анна сначала поступила в Московский Страстной монастырь², здесь ее, наверное, и постригли в иноческий чин. Неизвестно, сколько она жила в этом монастыре и когда перебралась жить к себе на родину. Здесь она поселилась в одной келье со старицей, которую звали Евдокией. К ним ходили за советом благочестивые люди и просили их святых молитв. Однажды м. Анна поехала в Свято-Троице-Сергиеву Лавру с близкой ей по духу девушкой Варварой. Они ходили к старцу, иеромонаху Варнаве³. Старец благословил их основать монастырь и даже дал им план, как его строить. Вернувшись домой, они начали свое дело. Сначала было очень трудно. Сестер мало, а работы много. Средств не хватало, но Господь их не оставлял. Добрые люди стали жертвовать и помогать монастырю. Вскоре выстроили деревянную церковь. Сестер стало больше, выписали из Москвы регентшу, которая обучала сестер пению по монастырскому напеву. Игуменья Анна сама убиралась в алтаре и не пропускала ни одного богослужения. Великая молитвенница и постница, она имела дар прозорливости. Очень любила странников.

Игуменья Анна некоторым при жизни своей на земле предсказывала будущее. Говорила она всегда просто, без притч, только не всем. Одной своей послушнице не дала благословения служить при церкви, сказав ей, что та молода еще страдать. Через некоторое время эта послушница узнала, почему м. Анна ее не благословила: церковь вскоре закрыли и священника увезли. В Первую мировую войну многие матери, жены и сестры приходили к м. Анне узнать, живы ли их родные. Кому-то гово-

¹ Иверская женская община основана в конце XIX – начале XX в. в километре от с. Ахтырка, ныне Пигулино. О том, что в живописном месте на высоком холме стоял монастырь, старожилы помнили, но из документальных свидетельств имеется только упоминание об этом монастыре в письме начальника управления Бельской уездной милиции, к которому приложено «Соглашение на пользование зданием церкви Иверской богадельни с описью имущества». В настоящее время скрыт даже тот холм; сейчас на месте монастыря котлован, из которого берут песок.

² Страстной монастырь находился на Страстной площади (ныне Пушкинский сквер). Построен царем Алексеем Михайловичем в 1654 году во имя Страстной иконы Божией Матери. В монастыре было четыре храма. Упразднен в 1919, снесен в 1937 году.

³ Прп. Варнава (Меркулов Василий Ильич) – родился 24. 01. 1831 года. Девятнадцатилетним юношей во время паломничества в Троице-Сергиеву Лавру дал обет у мощей прп. Сергия Радонежского принять монашество. В 1851 году Василий поступил в Троице-Сергиеву Лавру и по благословиению своего духовника перешел в Гефсиманский скит. В 1866 году пострижен в монашество с наречением имени в честь ап. Варнавы с последующим рукоположением в иеродиакона, а затем иеромонаха. В 1873 году был утвержден народным духовником Пещерного отделения Гефсиманского скита, а затем братским духовником пещер. С 1890 г. – духовник братии всего скита. Стяжал дар прозорливости, принимал на себя немощи духовных чад своих, по молитвам его происходило множество исцелений. Легкие болезни советовал исцелять строгим постом.

Прп. Варнава предсказал гонения и возрождение Русской Церкви в XX веке: «Неслыханные доныне мрак и горе охватят все и вся, храмы будут закрыты. <...> Но перед концом наступит расцвет, опять будут воздвигаться храмы».

рила она, что живы и вернутся домой их близкие, а некоторых велела поминать за упокой.

Она всех любила, и не было такого случая, чтобы она не помогла бедным, всегда что-нибудь даст: или хлеб, или платок, или холст. Ее все очень любили. Поступь у матушки была тихая, выговор она делала кротко, и если не послушают ее, то никогда не раздражалась, а уходила в свою келью и, наверное, молилась там за строптивых чад своих. Матушка Анна очень любила послушных и смиренных сестер, потому что она сама всем уступала и перед всеми смирялась. Среднего роста, с бледным, но очень приятным лицом, она редко когда улыбалась и много претерпела в своей жизни. Дожив до глубокой старости, игумения Анна знала о своей кончине и велела всем записать в поминание свое имя. Перед ее кончиной, последовавшей вскоре после закрытия монастыря, пришли к игумении Анне коммунисты с обыском, раздели ее почти донага, и так сидела она часа два в нетопленной избе, а дело было зимой.

Когда закрывали монастырь, приходили ночью, били стекла, крали овощи и яблоки и все, что попадало под руки. Каждую ночь сестры готовились к смерти. Несмотря на все это, м. Анна не уходила из монастыря до тех пор, пока его не закрыли окончательно. Аминь.

Составила инокиня Александра в декабре 1931 года

ИГУМЕНΙΑ ИОАННА

Игумения Иоанна семьдесят лет жила в Аносинском монастыре, из них сорок лет была игуменией. В 1879 году 19 октября ее избрали игуменией, 9 декабря утвердили, 12 декабря встречали в монастыре.

Отца игумении Иоанны звали Николай Макаров, по происхождению своему был он француз. День ее Ангела 13 ноября¹. Умерла она девяноста лет от роду 22 февраля 1918 года². Ни одной церковной службы матушка не пропускала. В последнее время жизни игумении Иоанны сестры носили ее в церковь на руках. Кончину свою матушка провидела: за три дня до смерти созвала она в церковь всех сестер, каждую благословила и дала наставления, и каждую о чем-либо спросила. После этого храм она уже больше не посещала.

Кончина матушки была мирная, блаженная. Пока не сделали своды над склепом, тело ее оставалось непогребенным в течение трех месяцев.

¹ Память святого Иоанна Златоуста ради праздника Воздвижения Креста Господня совершается не 14 сентября, когда святитель преставился, а 13 ноября (по ст. ст.). Скончался свт. Иоанн в 407 году в Команах.

² Предположительно кончина игумении Иоанны (Макаровой) последовала в 1918 – 1919 гг. Погребена она у придела Успения Божией Матери храма Живоначальной Троицы Борисоглебского Аносина монастыря.

Когда же доделали склеп и переложили в него гроб, сестры слышали от него необыкновенное благоухание. Погребена м. Иоанна у южных ворот храма.

Игуменья Иоанна (Макарова) старалась поддерживать в святой обители Правила¹, установленные игуменьей Евгенией², первоначальницей монастыря, и еще более совершенствовать их. Под праздник с Петрова дня до Пасхи всеобщие бдения начинались в 12 часов ночи. Священники очень сердились на этот порядок и вообще на длинные службы и ежедневные ночные утрени в 2 часа ночи. Но она в этом заведенном порядке не шла ни на какие уступки, несмотря на жалобы священников даже благочинному монастырей. Каждодневно утренняя начиналась в два часа ночи, никому не позволялось оставаться дома, даже если нездоровилось. Сидеть больным позволялось. В трапезной за вкушением пищи читались поучения.

Когда наступал час ночной молитвы, то монастырскими колоколами и будильницами³ поднимался на молитву весь монастырь, не исключая проживающих в гостинице богомольцев и нищих, оставшихся в монастыре на ночлег. Ввела игуменья Иоанна Устав прп. Феодора Студита. [Что сделала она для поднятия духовной жизни сестер? – *Митр. Мануил (Лемешевский)*]. Каждый день к вечеру сестры шли к игуменье на откровение помыслов, как полагалось по Уставу прп. Феодора Студита. Каж-

Игуменья Борисо-Глебского Аносина женского монастыря Иоанна (Макарова)

¹ Правила святителя Филарета (Дроздова), написанные им для Борисо-Глебского женского общежития и по которым он, с соизволения Св. Правительствующего Синода, благословил с 4 мая 1822 года совершать жителство в монастыре.

² Княгиня Евдокия Николаевна Мещерская (1774 – 1837) – учредительница Борисо-Глебского женского монастыря, пострижена была в 1823 году 13 сентября свт. Филаретом в сан игумении. Скончалась 3. 02. 1837 года, покоится, по ее завещанию, возле придела свв. блгвв. князей Бориса и Глеба.

³ В Аносиной пустыни сохранился древнейший монастырский обычай ходить с бидлом – деревянной или металлической доской, ударами в которую созывались сестры на богослужение. Стучали с молитвой: «Время бдению, молитве час. Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас».

дую из них спрашивала она: «Провела ли истекший день со страхом Божиим и непрестанною молитвою на устах? Помнила ли о смерти и о тленности бренного тела? Благодарила ли Господа за все Его милости к грешным и немощным людям? Не осудила ли, не обидела ли кого понапрасну? Слушалась ли старших, не ленилась ли на послушании? Не роптала ли, не хулила ли пищу и питание? Не воздавала ли кому злом за зло? Молилась ли за обижающих и делала ли им добро?». И еще много вопросов предлагала она приходящим. Пойдешь к матушке с грехами, очень тяжело на душе, а когда раскаешься да обо всем расскажешь, идешь к себе, а на душе радостно, легко и покойно!

Во мнениях своих об откровении помыслов Игумении насельницы расходились. Были и такие сестры, которые осуждали и высмеивали откровение помыслов и подпадали под грех осуждения. Не вмещая всего уклада аносинского Устава, они покидали свою обитель в душевном разладе. Игумения Иоанна предупреждала всех, желающих поступить в монастырь, о трудностях монастырской жизни в Аносино, о Правилах, которые были для всех обязательными. Во избежание могущих впоследствии произойти неприятностей, предупреждала, что к родным сестер обители пускать не будет, и родным в монастырь часто ездить не позволяется. Входить родным и знакомым в келии сестер не позволялось. Разрешалось посидеть немного с родными в гостинице, где им дозволялось оставаться не более суток. Сестры, таким образом, ни о чем не заботились, все получая от монастыря, и ни в чем не зависели от своих родных, что являлось основой иноческой жизни в Аносине.

Послушания молитвенные для сестер на каждый день были очень строгие и большие. Первоначальные должны были выучить ежедневно наизусть главу Евангелия и кафизму Псалтири. Правило молитвенное, кроме церковного, было особое: 600 молитв Иисусовых, 200 к Божией Матери и 200 Ангелу Хранителю. Вечером каждая сестра должна была рассказать прочитанное и выученное наизусть или самой Игумении, или какой-либо из старших монахинь. Таким образом, сестры, идя на труды, не имели времени для разговоров. Но так как большинство из них были простого звания и малограмотны, то им это послушание нелегко давалось. Кроме того и церковные службы пропускать не разрешалось.

Игумения Иоанна учила сестер, чтобы ни одной минуты не пропадало даром, чтобы непрестанно пребывали они в молитве, труде и страхе Божиим. «Будьте постоянно в молитве Иисусовой, непрестанно помните о смерти», – поучала она вверенное ей стадо. «Будьте всегда смиренны и кротки, терпеливы для несения скорбей и искушений. Слушайтесь

меня и сохраняйте в сердце мои поучения. Я желаю вам одного только спасения. Когда предстану я пред Господом, расскажу Ему все о вашей жизни. Господи, се аз и дети мои! Но если вы слушать меня не будете, то как буду ходатайствовать о вас? Тогда каждая, послушавшаяся меня, будет отвечать за свои грехи и ошибки сама!». Вечерами и по праздникам читала она сама двухчасовые монастырские поучения-беседы и объясняла их. Таким образом все молодые сестры совершенствовались в монастыре в духовной жизни.

Сестер, заявлявших игумении Иоанне о желании уйти из обители за трудностью жить в ней, увещевала она неоднократно, а если слова мудрой кротости не убеждали таковых, то с миром отпускала их из обители. Но были случаи, когда и при всех сестрах приходилось убеждать уходящих. Тогда м. Иоанна напоминала всем сестрам о том, что каждую из них при поступлении в обитель она предупреждала обо всех трудностях аносинского общежития, и поэтому не следует им укорять ее этими трудностями и осуждать за мнимую жестокость к ним, когда Устав общежития почти не допускал никаких послаблений или изменений в угоду моменту или человеку вообще.

Послушание было такое, что сами сестры без благословения матушки яблока не возьмут. Сама она была нестяжательна и сестер учила тому же. Все их имущество раздавала бедным. При поступлении в монастырь личное имущество отбиралось, а все самое необходимое для жизни давалось из монастыря. Своего ничего иметь не позволялось. Рясу давали самую простую, бумажную. Обувь не покупали, а шили сами сестры: выходили простые, некрасивые сапоги, внешнего вида которых духовно неокрепшие сестры стеснялись при поездке в город или на станцию. Во всем монастыре не было калош... В келиях тоже не имелось ничего лишнего, кроме простого столика, табуретки и постели, покрытой чем-либо темным. Постелью служил сделанный из досок так называемый козлик или простой деревянный диван.

Не пропустила игумения Иоанна ни одной службы церковной, как дневной, так и ночной, и всегда старалась прийти в храм если не первой, то к началу службы. Всегда читала шестопсалмие и канон со слезами, и окружающие, слушая ее, плакали, а в душе словно что-то возгоралось, делалось тепло и легко. Последние три года читала она одним глазом, так как на другой ослепла.

Никакие монастырские служебные или хозяйственные дела не могли повлиять на игумению Иоанну и заставить ее пропустить церковную службу. В храме Божиим матушка находила для себя покой и отраду души, к которым она так стремилась, утомляемая обширным хозяй-

ством и попечением о сестрах обители. Многозаботливость о них отвлекала ее от внутреннего делания Иисусовой молитвы, которая небесною радостью наполняла ее жизнь, сердце и душу и давала ей необходимые силы даже в годы ее старости и одряхления управлять святой обителью так, дабы о небрежении о сем не ответить ей Господу Богу.

Ходила м. Иоанна неизменно в простой, порыжевшей от времени рясе. Келейницы, пока была в силе, не имела и в келии прибирала сама. В ее келии, оклеенной черными обоями, почти ничего не было: черный кожаный диван с черной кожаной подушкой, на которой она спала. Пол был обит черной клеенкой. В келии с закрытыми ставнями было всегда темно, только мерцали огоньки лампад. Пищу игуменья употребляла ту же, что и остальные сестры. У ее парадного был звонок, которым извещалось, что ей принесли обед. Она выйдет, возьмет, а после обеда вынесет посуду и поставит на окно у парадного.

Была матушка великой постницей. Кушала мало: огурцы, капусту. Пила отвар из черной смородины. В Страстную седмицу вкушала одну просфору в день и пила святую воду. Кроме того, своей долей игуменского обеда кормила она каждый день до пятидесяти нищих хлебом, чаем, супом и кашей. В день своего Ангела она поставляла нищим обильную пищу. Вообще на день Ангела игумении приходило до 500 человек нищих, и все получали пропитание, никому матушка не позволяла отказать, и на всех посылал ей Господь в святую обитель жертвы.

Ежедневно в час ночи игуменья Иоанна шла, как и другие сестры, в церковь к утрени. До часу ночи она никогда не ложилась, исполняя келейные правила за себя, за сестер, за святую обитель, за все обители православные и весь мир христианский. После утрени она иногда отдыхала недолго до поздней обедни, а чаще всего кряду после утрени отстаивала раннюю обедню. Никто из сестер и приходивших к ней не знал, когда она отдыхает и когда спит. Сон ее был истинно пустынный и продолжался в среднем в сутки не более четырех-пяти часов.

Имела матушка дар Иисусовой молитвы, дар рассуждения, дар слез и прозорливости. Была она со всеми правдива, и строгость ее к сестрам объяснима святоотеческой охранительной любовью. По отношению к митрополитам и церковному начальству была игуменья нелицеприятна, никогда не заискивала, но все ее хлопоты заканчивались благополучно.

В 1909 году на съезде всех игумений (этот съезд предшествовал съезду монашествующих, бывшему в июне 1909 года в Троице-Сергиевой Лавре) игуменья Иоанна, одетая в самую лучшую свою рясу, среди других игумений казалась очень бедно одетой, в порыжевшем платке по-

верх еще более выцветшего старого. Своей кашемировой рясой и самодельными сапогами она шокировала расфранченных матушек игумений. Но митрополит Владимир¹ подсел к м. Иоанне и разговаривал с ней больше всех, так как во всей Московской епархии была только одна настоящая мать игумения – старица Иоанна, и к ней одной владыка проявлял такое внимание, показывая остальным, что Аносинская обитель есть сокровище неоцененное... «Знаю, душечка, каждая петелька в платке твоём связана с молитвой», – сказал он ей ласково. Все митрополиты Московские, особенно Владимир и Макарий, да и другие святители и иерархии ее весьма чтили и уважали.

Епископ Арсений (Жадановский) особенно тепло отзывался о ней² как о великой подвижнице и истинной монахини. Лица, близко знавшие м. Иоанну, особенно ее почитали. Она была воистину чтима всеми, ценившими дух монашеской жизни. Игумен Герман Зосимовский³ ездил к ней учиться духовной жизни, так высоко он ставил ее.

В течение настоятельства игумении Иоанны были в Аносиной особенные подвижницы. Они жили лет по 30 – 40 и более в монастыре, за все эти годы всего два побывав на родине, так как не только выехать куда-либо без дела не позволялось, но даже и выйти за ограду. Но были послушницы, которые от такой строгости умерли от чахотки, даже в одно время обитель покинули сорок сестер, не вынесших строгости аносинского Устава и личного м. Иоанны взыскательного к ним отношения. За это многие сестры осуждали матушку, не понимая и пересуживая все ее распоряжения. Всего ушли из монастыря при игумении семьдесят пять сестер, разойдясь по другим московским монастырям и разнося повсюду славу об аносинских невыносимых порядках.

Но другие монахини Аносинской обители сохранили о ней самую светлую память. Вот выдержка из дневника монахини Алексии Аносинской пустыни от 5 января 1909 года: «Пришли мы из церкви, все сидели в чайной келии. Монахиня Евгения [келейница игумении Иоанны] разливала чай. Приходит м. Иоанна в чайную, вся в слезах, и говорит: “Душечка! [Так она называла сестер]. Сегодня одна монахиня видела Господа...” – “Это Вы, верно, матушка?”, – предположила м. Евгения.

¹ Сщмч. Владимир (Богоявленский) с 1898 по 1912 год был митрополитом Московским и Коломенским.

² *Епископ Арсений (Жадановский)*. Воспоминания. М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 1995. С. 84 – 86.

³ Схиигумен Герман (Гомзин) (1844 – 1923) подвизался в Зосимовой пустыни. С конца XIX в. при схиигумене Германе в монастыре зародилось старчество по образу Оптиной пустыни. Прп. Герман канонизирован как местночтимый святой Владимирской епархии. † 17/30. 01.

Матушка еще более заплакала и пошла от нас». О себе она никогда ничего не говорила, а если ей и приходилось говорить, то она выражалась всегда в третьем лице.

Игуменья Иоанна была прозорлива. Еще в 1902 году предсказала она грядущий голод, гонение на Церковь и глумление над духовенством и монашеством. Сестрам она говорила: «Будьте всегда с непрестанною молитвой, и Господь вас спасет от всех бед и напастей».

Еще в мирное время, когда хотели продать старую монастырскую мельницу, она сказала: «Придет время, и без этой мельницы нельзя будет обойтись». И верно, в 1917 – 1918 годы она кормила весь монастырь, так как все окрестные крестьяне мололи здесь свой хлеб, и помольным сбором кормился монастырь. Известно еще много случаев ее прозорливости.

ИГУМЕНЯ ФЕВРОНИЯ

Игуменья Феврония из Тихвинского монастыря Тверской губернии¹ слыла за великую прозорливицу. В свое время к ней стекалась чуть ли не вся Тверская губерния. Роста она была маленького, худенькая, как двенадцатилетний ребенок. День ее Ангела 25 июня. Умерла лет семидесяти пяти от роду в 1915 году. Имела дар Иисусовой молитвы и дар утешения. Если какая-либо из сестер придет к ней по делам обители во время службы, она ни за что к себе не допустит, а отправит в церковь молиться. Однажды, когда в монастыре случился пожар, игуменья сказала: «Оставьте меня здесь, сестры, я буду молиться!». Пожар вскоре прекратился, м. Феврония осталась невредима, и монастырь цел.

В другой раз пришла к ней какая-то женщина, мать трехлетнего ребенка. Стала келейница ставить самовар, а м. Феврония все сама к нему подбегает и следит, и смотрит за ним. Все думают, что бы это значило? Никогда она самовара не касалась... А старица вдруг говорит: «Надо следить за самоваром хорошенько!» На следующее утро ребенок опрокинул на себя самовар и погиб от ожогов. Тогда стали понятны всем ее слова.

У одной женщины окна комнаты выходили на забор. Пришла она за советом и благословением переменить комнату к м. Февронии, а та и говорит: «Где бы ты ни сидела, а все бы на забор глядела!». Так этой женщине и не удалось пожить в комнате с другим видом из окон.

Записано со слов Вассы Михайловны 28 ноября 1931 года

¹ Тихвинского монастыря в Тверской губернии не было. Скорее всего, Тихвинским монастырь назван рассказчиком потому, что там имелась чудотворная Тихвинская икона Божией Матери. Таких монастырей в Тверской губернии было два: Знаменский в г. Осташкове, основанный в 1673 году, и Христо-Рождественский, находящийся в Твери. В этом монастыре с 1694 года находилась его главная святыня – Тихвинская икона Божией Матери.

Блаженная ИГУМЕНΙΑ ЭСФИРЬ

Игумения Рождественского монастыря¹ Эсфирь имела дар врачевания страждущих духовным недугом, так что многие бесноватые получили от нее исцеление. У казначеи Вознесенского монастыря боляли ноги. Она пошла на могилку м. Эсфири, отслужила панихиду и исцелилась. Когда игумения Эсфирь умерла, неизвестно. Похоронена она на Ваганьковском кладбище.

Записано со слов схимонахини Алексии 19 ноября 1931 года

ИГУМЕНΙΑ АЛЕВТИНА

Игумения Павловского женского монастыря² Владимирской губернии Алевтина (Овчинникова Мария Александровна) дожила до ста лет. Смирная была она, кроткая, любвеобильная, молчальница. Худенькая, пищи вкушала мало... Имела дар благодатной молитвы. Пользовалась большим уважением у архиереев за молчание. Оскорбит ли кто ее, она будто не слышит, еще и обласкает обидчика. Утешала, мирила, утихомиривала раздоры и споры, старалась, чтобы везде были мир и любовь и чтобы вверенное ей стадо Христово жило и трудилось для одного только Бога...

Простота игумении Алевтины была как в одежде, так и во всем остальном. Пищи вкушала мало. Сестрам была как мать родная, даже и ругань от некоторых переносила. А как услышит, что сестру какую-то обижают, – плачет, заступает за нее... Позовет к себе, начнет утешать, велит келейнице самовар ставить. Часто роптали за это на матушку Алевтину ее келейницы: «Все только ставь да ставь самовар, – мало ли их, сестер-то, всех не переутетишь...».

Записано со слов инокини Марии 2 декабря 1931 года

ИГУМЕНΙΑ АНТОНИЯ

Игумения Антония в Новодевичьем монастыре прожила 40 лет, из них 23 года (с 1885 по 1908 год) была настоятельницей. Мария Всеволодовна Каблукова (мирское имя игумении Антонии) родилась в 1830 году. Овдовев в молодости, она поступила послушницей в Корочкий монастырь Новгородской губернии. Через три года ее

¹ Московский Богородице-Рождественский ставропигиальный женский монастырь. Основан в 1386 году в память победы на Куликовом поле. В 1922 году закрыт, в мае 1992 возобновлены богослужения, в июле 1993 г. открыт.

² Юрьевский Петропавловский монастырь Владимирской епархии близ Юрьева. Учрежден в 1874 году. При монастыре были школа и богадельня. Монастырь действовал до 1917 года.

перевели в Новодевичий монастырь, где она приняла монашеский постриг в 1874 году, а через одиннадцать лет, в 54 года, стала настоятельницей.

Была она очень добрая, любила принимать странников, блаженных, старцев. Любовь ее ко всем была необычайная. На деньги она была крайне нестяжательна. Бывало, увидит: идет нищий или нуждающийся, завернет деньги в бумажку и бросит в форточку. Но в последнее время была у нее келейница Серафима, которая забрала все в свои руки и распоряжалась, как хотела. Один старец сказал об этом: «Кадку меда ложка дегтя испортит...»

Была матушка ростом невысока, полная, ходила согнувшись. Вдова полковника, она проходила в монастыре все послушания. В последнее время игумения Антония обезножела. За два дня до смерти явились к ней о. Амвросий¹, о. Варнава и о. Аристоклий². «За мной старцы приходили», – сказала старица. «Где они?» – спрашивают ее. «Да вон там, в гостиную дожидаются».

В день смерти 27 марта 1908 года в 7 часов матушка благословила насельниц и простилась со всеми сестрами. Потом взглянула на келейницу и сказала: «О, Боже мой, сколько неодетых, Серафима,

¹ Преподобный Амвросий (Гренков Александр Михайлович) (1812 – 1891). Известный оптинский старец прп. Амвросий все свои необычайные дарования покрывал даром смирения. Он никогда не учил прямо от себя, а ссылался на Священное Писание, дар исцеления скрывал, посылая больных к чудотворным источникам и святыням, или, как в случае с о. Афанасием, к другим Божиим людям. На Поместном Соборе Русской Православной Церкви 6 июня 1988 года причислен к лику святых.

² Прп. Аристоклий Афонский (Амвросиев; 1846 – 1918). В 1876 году прибыл на Афон и поступил в Пантелеимона вмч. русский монастырь под духовное руководство игумена схиархим. Макария (Сушкина) и старца-духовника иеросхим. Иеронима (Соломенцева). В 1880 г. пострижен в мантию с именем в честь вмч. Аристоклия. В 1884 г. рукоположен во иеродиакона, а затем во иеромонаха. В 1886 г. пострижен в схиму. В 1887 г. направлен в Москву в монастырь Афонского подворья. В 1891 – 1894 гг. – настоятель часовни во имя вмч. Пантелеимона на Никольской улице, куда стекалось множество людей со всей России. По благословению свт. Филарета (Дроздова) Аристоклий Афонский приезжал с афонскими святынями в дома больных и служил молебны, после чего происходили чудесные исцеления. Иеросхим. Аристоклий принимал участие в жизни Казанского Головинского женского монастыря. В 1895 г. вернулся на Афон, где в начале 1900-х годов старец Аристоклий был духовником братии. В ноябре 1909 г. был вновь назначен настоятелем Московской Пантелеимоновской часовни и заведующим Московским Афонским подворьем. Главным в деятельности Аристоклия Афонского в этот период стало старчество. Окомял, невзирая на собственный тяжелый недуг, более тысячи человек в день. Прославился дарами прозорливости, исцеления, изгнания бесов. Был погребен в усыпальнице Афонского подворья (1918), при сносе которого в 1923 г. был перезахоронен духовными чадами на Даниловском кладбище. У могилы, где почивают нетленные останки иеросхим. Аристоклия, до сих совершаются исцеления. Прославлен в лике преподобных как местночтимый святой Московской епархии 6.09.2004 г. за Патриаршим богослужением. Сейчас мощи преподобного Аристоклия пребывают в храме вмч. Ники-ты на Афонском подворье г. Москвы.

Знаменский Сухотинский женский монастырь

оденьте их...». И скончалась. Погребена игумения Антония в подклете Смоленского собора Новодевичьего монастыря.

Записано со слов монахини Евпраксии 22 октября 1931 года

ИГУМЕНΙΑ ФИЛАРЕТА

Игумения Филарета была из Сухотинского монастыря¹. Много ходило к ней православного люда, так что «стечение народа» было у нее всегда. Начало свое она полагала в Тамбовской губернии, а впоследствии основала во Владимире женский монастырь. Ездилa она всегда с Крестом. Когда монахини отправились в Вильну на новое место, она встретилась им по дороге в поезде и говорит: «Нет- нет! Вернетесь назад, вернетесь. Ты – старa, а ты в своем монастыре свекуешь, тебя там любят, опять будешь в своем монастыре жить». И вышло все по ее словам. Скончалась игумения Филарета около 1900 года.

¹ Сухотинский Знаменский монастырь при селе Знаменское-Сухотино Тамбовской епархии. Основан в 1849 году. Закрыт в первой четверти XX века.

ОБ ИСТИННОМ ПОКАЯНИИ

Нет ничего любезнее в очах Божиих нашего покаяния. Это мы видим из притчи Христа о блудном сыне. А также знаем мы, с какою трогательною любовью отнесся Господь к покаявшейся блуднице в доме Симона фарисея. Ради покаяния благоразумный разбойник удостоился войти вместе со Христом в рай. За покаяние Господь не только простил ап. Петру грех его отречения, но ему первому из всех прочих апостолов явился после Своего воскресения.

Конечно, так угодно бывает Богу только наше истинное покаяние, которое состоит в том, чтобы не возвращаться к нашим прежним грехам. Как жаль, что такое покаяние редко бывает среди нас. Мы так сроднились со своими грехами, что предаваться им стало для нас привычкою, а привычка есть вторая природа. Правда, мы сознаем свои грехи и сокрушаемся о них, но после исповеди опять возвращаемся к ним и таким образом продолжаем жить до самой своей смерти без истинного покаяния. Поэтому в загробной жизни нас ожидает вечная адская мука.

Очень много есть среди нас и таких, которые не сознают за собою никаких особых грехов и когда приходят на исповедь, то затрудняются сказать хотя бы несколько слов о своей греховности, не зная, в каких грехах им надо каяться. А между тем, эти люди грешат постоянно эгоизмом, тщеславием, осуждением, завистью, гневом, нарушением постов, рассеянностью в молитве, стыдом молиться перед вкушением пищи, отсутствием страха Божия, ложью и клеветой, непочтительным отношением к старшим, к пастырям и архипастырям и даже к авторитету святых отцов Церкви и многими другими грехами, а более всего нечувствием своих грехов. И так как все эти грехи не сознаются ими, то остаются нераскаянными и, следовательно, смертными. Однажды св. Макария Великого спросили: какой грех называется смертным? «Тот, — ответил он, — который остается нераскаянным». О, если бы у нас были духовные очи! Тогда мы сознавали бы нашу греховность и таким образом могли бы избегнуть нераскаянности, которая приводит нас к вечной духовной смерти с ее нескончаемыми адскими мучениями.

К сожалению, много есть среди нас и таких, которые, хотя и сознают свои великие грехи, но не сокрушаются о них, а, напротив, оправдывают себя, говоря: «все так живут, весь мир так живет». Как бы следовало этим несчастным и погибающим людям всегда помнить слова ап. Иакова: *Пре-*

Архиепископ Серафим (Соболев). Проповеди. София, 1944. С. 28 – 31.

любодеи и прелюбодейцы! не знаете ли, что дружба с миром есть вражда против Бога? Итак, кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу (Иак. 4, 4). Не миру грешному и прелюбодейному мы должны подражать в сей жизни, и не всем людям, а очень немногим: *подобни мне бывайте*, – сказал ап. Павел, – *якоже аз Христу* (1 Кор. 4, 16; сравн.: Флп. 3, 17). А Господь требует от нас, чтобы мы подражали Самому Богу, когда говорит: *Будите убо вы совершени, якоже Отец ваш Небесный совершен есть* (Мф. 5, 48). Если грех, не признанный нами и нераскаянный, считается смертным, то каким же великим является грех, сознаваемый нами, в котором мы не только не каемся, но себя оправдываем?! Здесь мы совершаем грех дерзновенной рукой. Здесь мы самоутверждаемся в своей гордой и злой воле и поистине совершаем грех сатанинский, за который мы в будущей жизни разделим участь сатаны и его злых духов.

К весьма тяжким грешникам надо отнести и тех, которые грешат против православной веры, несмотря на то, что не отрицают ее основных догматов. Но в чем бы мы ни расходились с Православной Церковью, мы одинаково подпадаем анафеме по слову ап. Павла, сказавшего: *аще мы, или Ангел с небесе благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет* (Гал. 1, 8). А сколько среди нас найдется людей, которые иначе мыслят, чем учит Православная Церковь: о бесах, об Ангелах, о посте, о мощах, иконах, святых угодниках Божиих, о монашестве, о Священном Писании Ветхого Завета, о будущей загробной жизни, вечных мучениях и вечном блаженстве. Трудно теперь найти среди православных таких людей, вера которых всецело совпадала бы с верой Православной Церкви. И так как люди под влиянием научного прогресса чрезвычайно возгордились, то покаяние, особенно в области веры, стало для них почти недоступным. А между тем, грех против православной веры есть самый опасный и губительный. Поэтому те, которые умирают без покаяния в сем грехе, испытывают в аду более тяжкие муки, чем все другие грешники.

Так, связанные тяжкими грехами, мы живем без истинного покаяния, ибо не оставляем своих страстей и пороков и не отступаем от своих религиозных заблуждений. За это Господь наказывает нас великими несчастьями еще в земной нашей жизни и даже внезапной смертью без покаяния. Вот какое великое зло происходит от нашей нераскаянности.

Поэтому возлюбим покаяние. Будем подражать апостолам и святым, жизнь которых была одним непрерывным покаянным подвигом. Используем для этого наступающий Великий пост. Пусть он будет для нас началом вступления на путь истинного покаяния к нашему обновлению.

Произнесено в Русском Посольском храме. св. Николая г. Софии в 1925 г.

РУССКАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Не было среди думающих о судьбе России такого человека, который бы не обращался в горьком недоумении к ее прошлому, пытаясь определить путь, на котором обретался ею образ Святой Руси. Как писал архимандрит Константин (Зайцев), «никто не спасет Россию, если она сама не встанет на путь спасения.<...> Душа русского человека остается основным местом сражения между Христом и Велиаром, и победой в ней Христа или Велиара определится судьба всего мира. Станет ли снова путь России ее историческим православным путем? В решении этого вопроса участвует каждый из нас». – Решению этого вопроса и посвящен труд святителя Серафима (Соболева) «Русская идеология», познакомиться с которым мы предлагаем нашему читателю.

Возврат русских людей к истинной вере – необходимое условие для возрождения России, как и ее покаяние в грехе бунтарства против власти Помазанника Божиего. Так отступление от православной веры привело нашу родину к гибели. Здесь, и ни в чем другом – главная причина всех несчастий, переживаемых русским народом в родной стране и за рубежом.

Разумеется, все мы в той или иной мере должны считать себя повинными в гибели России, поскольку мы грешили грехом отступления от своей веры или чрез увлечение богоборческим освободительным движением социализма, или через потворство этому движению своим молчанием, или же, наконец, просто через свою греховную жизнь. Но более всех была повинна в этом грехе власть государственная императора Петра I и императрицы Екатерины II. Епископ Феофан Затворник в попустительстве гибельного для России неверия считает повинной не только государственную, но и духовную власть в лице нашего Синода и большинства иерархов.

После всего вышесказанного не трудно теперь ответить на вопрос: что же мы, русские люди, должны делать, чтобы Господь простил наш великий грех отступления от православной веры и даровал нам Россию опять святую, могущественную и славную?

Мы должны вернуться к православной вере наших предков, которая была, прежде всего, верою аскетической, т. е. сопровождалась посто-

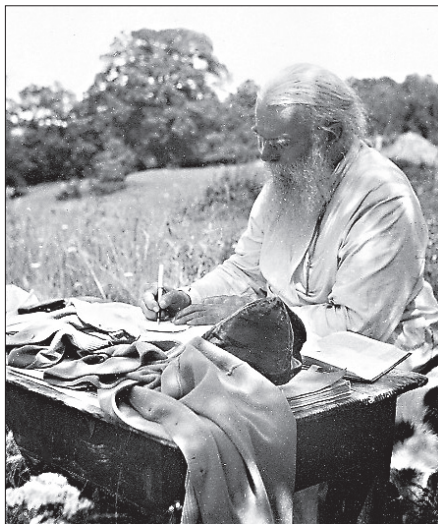
Серафим (Соболев), свт. Русская идеология (главы с третьей по пятую включительно. Печатается в сокращенном виде. Репринт. Изд.: СПб, 1993. С. 64 – 107).

янную молитвою, постом, милосердием и вообще всеми подвигами добродетельной христианской жизни под водительством матери нашей Церкви.

Все русские несчастья начались с того, что мы удалились в своей жизни от Церкви, перестали руководствоваться ее учением и уставом и положили в основу своей жизни и деятельности всевозможные еретические и богоборческие учения, а лучше сказать – свою греховную страстную волю, которая сделала нас по жизни хуже бессмысленных тварей. Некогда св. Серафим Саровский пророчески говорил, что великие беды надвигаются на Россию, так как народ русский начал жить не по уставу Церкви и стал нарушать пост в среду и пятницу. Что бы он сказал, если бы дожил до последнего времени, когда русские люди перестали поститься и в Великий пост, посещали в это время театры, предавались танцам и оргиям до утра даже под праздники, когда публичными падшими женщинами в русских городах делались двенадцатилетние девочки. Мы стали дышать грехом, ибо не захотели дышать веяниями благодати Св. Духа, мы стали пить грех, ибо не захотели пить от воды живой, возрождающей нас и обильно изливающейся на нас в Св. Церкви для нашей святой, блаженной и вечной жизни.

Будем опасаться такого греховного состояния в настоящей нашей жизни. Надо опять всем русским людям православным слиться с Церковью, строго держаться ее устава, как самого спасительного руководства жизни. Мы должны, подобно нашим предкам, иметь действенную, живую веру и потому всегда молиться, чаще читать Слово Божие, творения святых отцов Церкви, Четьи-Минеи (Жития святых), неуклонно соблюдать все посты и быть милосердными, чтобы вера наша не была мертвой, а живой и спасительной. Эта вера в жизни наших предков сделала Россию великой. Вера и в данный момент жизни нашей спасет Россию, возродит ее и опять сделает ее великой.

Вера предков сияла православной, апостольской чистотой. Они тщательно хранили ее от всяких еретических искажений и настолько, что

Владыка Серафим за работой

старались избегать даже чисто житейского общения с иностранцами, почему все ереси, бывшие в России в течение первых семи веков после крещения русского народа, не могли в ней укорениться и скоро исчезали по своему возникновению.

Вследствие этой чистоты веры жизнь наших предков в лице иноков древних монастырей не только отличалась величайшими христианскими подвигами, но и благодатию Св. Духа в ее поразительных знамениях или проявлениях. За эту чистоту веры Господь пребывал со всем нашим народом как источник перерождающей человека внутренней благодати Св. Духа, которая снизошла на русскую землю, как Царство Божие, вместе с крещением Святой Руси. Эта перерождающая благодать Св. Духа, это Царство сделалось самым драгоценным и высшим благом русского народа, что вполне понятно. Св. Симеон Новый Богослов говорит: «То и было целью и концом всего воплощенного домостроительства Христова, чтобы Духа Святаго принимали в души свои верующие в Него... чтобы сей Святой Дух был как бы душою душ верующих, чтобы действием сего Духа Святаго они некоторым образом переплавлялись, пересоздались, обновлялись и освящались по уму, совести и по всем чувствам».

Отсюда ясно, почему внутренняя благодать Св. Духа в ее дивных проявлениях должна быть последнею и высшею целью всей земной жизни человека согласно учению св. Серафима Саровского, который сказал: «Цель нашей жизни заключается в стяжании благодати Св. Духа».

Впервые она заблестала в сердцах апостолов, когда сошла на них в пятидесятый день по Воскресении Христовом и дивно их переродила и изменила, ибо над ними исполнились тогда слова Псалмопевца: *Сия измена десницы Вышняго* (Пс. 76, 11). Из немощных она сделала их сильными на борьбу со злом и неверием всего мира, способными к достижению нравственного совершенства и настолько, что апостол Павел говорил: *Вся могу о укрепляющем мя Иисусе Христе* (Фил. 4, 13). Ум их, немогший до сего момента постигнуть учения Христова во всей глубине и полноте, она наполнила Божественным ведением и обогатила Божественною премудростию, почему тот же апостол Павел от лица всех апостолов сказал: *Мы же ум Христов имами... глаголем премудрость Божию в тайне сокровенную, юже никтоже от князей века сего разуме, нам же Бог открыл есть Духом Своим* (1 Кор. 2, 7 – 8, 10, 16). В сердцах их после приятия благодати уже не было места житейской печали, ибо апостолы стали иметь в себе непрестающий источник Божественной радости. Над ними во всей силе исполнились слова Христа: *Вы же печаль имате убо ныне; паки же узрю вы, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никтоже возмет от вас* (Ин. 16, 22), *аще заповеди Моя соблюдете, пребудете*

в любви Моей... радость Моя в вас будет и радость ваша исполнится (Ин. 15, 10 – 11). Свойство этой Божественной радости в апостолах было таково, что во время тяжких скорбей при их апостольском благовестии о Христе она еще более увеличивалась в них, почему апостол Павел говорит: *якоже избыточествуют страдания Христова в нас, тако Христом избыточествует и утешение наше* (2 Кор. 1, 5).

Эту-то внутреннюю перерождающую благодать Св. Духа Господь стал посылать всем истинно верующим людям чрез свою Церковь в таинствах крещения и миропомазания. Благодать этих таинств дает нам доступ к другим спасительным для нас таинствам и величайшему из них – Божественному таинству Евхаристии, в котором мы не только перерождаемся, но обожаемся и делаемся благодатно едино со Христом.

К этой-то благодати, как Царству Божию, к его правде, миру и радости о Дусе Святе (Рим. 14, 17) устремлялись наши предки, как к своему Божественному предназначению, как к своему религиозно-нравственному идеалу чрез свою аскетическую, истинно-православную веру. И Господь за это исполнял над ними слова Свои: *ищите же прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам* (Мф. 6, 33), и являл дивные знамения Божественного заступления, изливая Свои великие милости на наш народ, что содействовало славе и могуществу России.

Будем и мы, подобно предкам нашим, согласно с Богооткровенным и святоотеческим учением, устремляться прежде всего и больше всего к благодати Св. Духа, как к высшей цели своей жизни, как к Царству Божию чрез веру аскетическую, сопровождаемую христианскими добродетелями и в особенности любовью, без чего она не может быть спасительною и живою. Будем и мы в этом полагать свой религиозно-нравственный идеал – свою русскую идеологию.

Но следует при этом нам помнить: если благодать Божественного Духа есть самое величайшее для нас сокровище, то таким же сокрови-

Святитель Серафим Софийский. Икона

щем должна быть для нас и православная вера, как чуждая всяких ересей, ибо отступление от сей веры удаляет от нас Божественную благодать, получаемую нами в таинствах Церкви. *Аще мы, или Ангел с небесе благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет,* – говорит апостол Павел (Гал. 1, 8). Ясно, что нет большего для нас несчастья, как отступить от православной веры.

Впрочем, отсюда явствует и то, что мы должны тщательно хранить свою православную веру от всякого еретического искажения, памятуя слова св. Серафима Саровского, который сказал: «Горе тому, кто хотя одну букву прибавит или убавит к постановлениям семи Вселенских Соборов». И мы сохраним ее во всей чистоте, если в этом хранении веры своей будем опять подражать нашим предкам. Они так оберегали ее, что старались избегать всякаго общения с иноверными, чтобы не смешаться с ними в вере. Они хорошо помнили слова Божественного Писания: *С преподобным преподобен будеши... с нечестивым развратишися* (Пс. 17, 26 – 27).

Трудно теперь в такой степени иметь нам разобшение с иноверными. Великое множество их живет в России. А мы за границей живем среди них. В таком случае будем удалять от себя всякую мысль о каком бы то ни было смешении в вере со всеми инославными исповеданиями, и в частности, с католиками и лютеранами. Мы должны всегда помнить, что вероисповедные различия не являются только временными перегородками, не имеющими вечного значения и для нас, и для инославных христиан в отношении к вопросу о вечном спасении. Эти различия весьма и весьма для нас существенны, ибо только истинная православная вера сообщает действительную спасительную благодать, в которой все наше спасение и здесь, и там, за гробом. По учению св. Иоанна Кассиана только благодать, сообщаемая нам в таинствах Православной Церкви, может спасти нас, ибо только при ее помощи можно побеждать страсти и достигать нравственного совершенства.

Но, как видели мы, благодати Св. Духа, в качестве перерождающей и спасающей силы, не могут иметь отступники от православной веры, принявшие, по словам Апостола, иное благовествование (Гал. 1, 8).

Нельзя не отметить, что Апостолом налагается анафема вообще за приятие иного благовествования. Он не указывает, что мы должны разуместь под иным благовествованием: искажение ли всего благовестия Христова, или же только одной части его. Но если бы инославные христиане и немного отступили от православной веры, все равно мы должны относиться к ним как к отлученным от благодати Св. Духа. Здесь нужно иметь в виду слова ап. Иакова: *Иже бо весь закон соблюдет, согре-*

шит же во едином, бысть всем повинен (Иак. 2, 10). Когда человек заболевает какую-либо частью своего тела, то и другие части страдают с нею: *аще страждет един уд, с ним страждут вси уди* (I Кор. 12, 26), и в итоге весь человек является больным. Поэтому наша св. Православная Церковь считает то или иное инославное христианское исповедание не истинным и даже недостойным наименования Церкви, хотя бы оно имело некоторые здравые догматические учения.

Конечно, мы никогда не допустим нашего смешения с католиками, лютеранами и другими инославными христианами и сохраним свою православную веру в неприкосновенной чистоте, если глубоко усвоим непререкаемую для нас истину, что, будучи только в ограде нашей Церкви, мы пребудем с благодатию Св. Духа как источником нашего временного и вечного спасения, и что вне этой ограды мы лишимся сей благодати и погибнем навеки.

Поэтому пусть православная вера не только будет нами тщательно хранима, но пусть будет основою, проникающею все наше существо в движениях его ума, воли и сердца. Иначе сказать, православная вера должна быть для нас критерием истины при оценке всякого человеческого учения или деяния. Эта оценка, вне всякого сомнения, будет соответствовать истине, ибо православная вера побудит нас для разрешения того или другого вопроса обратиться к Богооткровенному и святоотеческому учению, проникнутому Духом Святым, Которого Господь назвал Духом истины (Ин. 14,17; 15, 26; 16, 13). В православной вере мы должны получать оружие для борьбы со грехом и несения креста наших скорбей, так как чрез веру в церковных молитвах, богослужениях и таинствах нам подается Божественная сила от Того же Духа Святого, Которого Господь назвал силою (Деян. 1, 8). Вера православная должна быть для нас и средством к получению Божественной радости, ибо только при ее наличии св. Церковь обильно изливает на нас утешение в таинствах и других источниках благодати Св. Духа, Которого Господь недаром назвал Утешителем (Ин. 14, 16. 26; 15, 26; 16, 17).

И пусть православная вера, господствуя таким образом во всем нашем существе, будет в то же время верой исповеднической, да знают все, что она есть для нас самая главная сила, *есть наша победа, победившая мир* (Ин. 5, 4).

В данном случае наши предки опять должны быть для нас примером. Всем своим религиозным бытом они открыто исповедовали свою православную, царствующую в них веру и свидетельствовали, что она для них дороже всего в мире. Они не стыдились быть православными, и в своей личной, общественной и государственной жизни и деятельности по-

казывали, что вера православная составляет сущность их жизни и к ней направлены всецело их сердца.

К несчастью для России, уже при Петре, как видели мы, наши предки под влиянием протестантизма и западного просвещения начали стыдиться своей веры, стали прятать ее. Этот стыд своей веры, исходящий из тщеславного опасения показаться отсталыми пред либерально и атеистически настроенными образованными людьми в последнее время, пред гибелью нашей родины, достиг высшей своей степени. Не вера православная, а этот пагубный стыд стал господствующей силой в России, в особенности для интеллигентного русского общества. Движимое ложным стыдом множество русских людей становилось в ряды безбожной и революционной интеллигенции, хотя их разум и совесть были против этого малодушия.

К великому сожалению, и до сих пор большая часть русских людей, по крайней мере проживающих за границей, не может разстаться с этим позорным и губительным стыдом, и хотя имеет православную веру, но ее не исповедует как свою господствующую силу. Поэтому к ним относятся слова Христа: *Иже отвержется Мене пред человеки, отвергуся его и Аз пред Отцем Моим, иже на небесех* (Мф. 10, 33). *Иже бо аще постыдится Мене и Моих словес в роде сем прелюбодейнем и грешнем, и Сын Человеческий постыдится его, егда придет во славе Отца Своего со Ангелы святыми* (Мк. 8, 38). Приведенные слова Христа показывают, что недостаточно только веровать православно: надо еще нашу веру исповедовать, если мы не хотим быть отверженными от Бога за наш ложный стыд, который, конечно, исходит из нашего тщеславия. А грех тщеславия так велик, что при нем нельзя даже иметь истинной спасительной веры во Христа, почему Он и сказал: *Како вы можете веровати, славу друг от друга приемлюще* (Ин. 5, 44).

Разумеется, мы не имеем исповеднической веры не только по тщеславию, но и по другим основаниям. Мы скрываем свое православие в силу страха от смертельной опасности, что в особенности наблюдается теперь в России; или – вследствие опасения лишиться временных для нас выгод, что имеет место не только на родине нашей, но и здесь, за границей. Да не будет этого в нашей жизни, какие бы основания ни побуждали нас воздерживаться от исповедания православной веры. Пусть православная вера проникает всю нашу деятельность во всех ее областях. Некогда св. Иоанн Рыльский, небесный покровитель великого пастыря о. Иоанна Кронштадтского, в своем послании благочестивому Болгарскому царю Петру увещевал его лежать в ногах матери своей Церкви и склонять свою верховную власть в царских государственных делах пред

ее первосвятителями: «Валяйся под ногама матере твоея Церкви. Припадай усердно, и верх преклоняй тоя первопрестольником». Как же после этого нам, русским православным людям, не склоняться пред Православную Церковью в лице ее иерархии и церковной власти, во всех своих не только личных, но и общественных делах?!

Пусть все русские организации, вплоть до политических, имеют свою основую православную веру и ее учение, действуют во имя этой веры и с благословения церковной власти, оказывая безусловное ей послушание. Пусть эти организации даже именуются православными, ибо имя православный должно быть для нас самым драгоценным и вожделенным, и, как жизненное руководство, должно обязывать не отступать от православной веры в нашей деятельности, напротив, направлять последнюю к ее торжеству. Так, мы должны исповедовать свою веру в сознании, что чрез нее наши предки достигли того, что Господь царствовал в сердцах их Своею благодатию с ее святостью и блаженством. Но эту же верою наши предки приобретали и то, что Сам Господь покровительствовал России Своею всемогущею силою, покрывая ее Своим безконечным милосердием, почему она и сделалась самою могущественною и славною странюю.

Все эти блага подаст Господь и нам, если мы, подобно нашим предкам, будем иметь их веру или идеологию, которая может заключаться в двух только словах: православная вера.

Впрочем, предки наши имели еще одно свойство в своей вере. Их вера была смиренной, так как им было присуще покаяние, это истинное выражение смирения. Благодаря смирению, без которого никакие истинные подвиги христианской жизни невозможны, вера наших предков и была аскетической и переходила в исповедническую. Это понятно: смирением Своим Господь, Спаситель наш, победил диавола, прославился Божественною славою и даровал нам спасение. *Смирил Себе, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя. Темже и Бог Его превознесе и дарова Ему имя еже паче всякаго имене* (Филип. 2, 8–9). Это смирение Ему угодно было положить в основание и всей нашей христианской жизни по Его Божественным заповедям, которые Он изрек в Своей Нагорной проповеди (Мф. 5,1–12). <...>

Смирение с покаянием ограждало наших предков от ересей, а вместе с тем от гибели родины, и, будучи основанием присутствия в ней великой благодати, было в то же время основанием ее величия и славы. Но как только русские люди вступили на путь диавольской гордости или тяжкого греха еретического и атеистического отступления от православной веры, то благодать Св. Духа, этот источник спасительной жиз-

ни, стала оставлять нашу Россию, и она наконец была ввержена в море неслыханных несчастий.

Будем всегда помнить, за что мы наказаны Богом. Да, переживаемые беды случились в нашей русской жизни оттого, что мы отступили от православной веры. Но этого не было бы с нами, если бы мы не возгордились и продолжали бы пребывать в смирении и покаянии, которые украшали веру наших предков.

Если мы хотим спасения себе и России, мы должны самым делом вернуться к вере наших предков, и в особенности – к вере, основанной на смирении и покаянии, которая низводила на них благодать Св. Духа, а вместе с нею святость жизни и ограждала их от дьявольской гордости, от ее еретичества и безбожия как источника всех бедствий, переживаемых нами ныне. Поэтому пусть смиренная вера предков воплощается в современной нашей жизни. Иначе сказать, пусть наша русская идеология – православная вера – сопровождается не только христианскими добродетелями, апостольскою чистотою своего учения как источником действенной благодати и исповедничеством, но будет основана на смирении, без которого, по словам св. Симеона Нового Богослова, ничего доброго не бывает.

Однако, эта смиренная вера будет спасительным достоянием для нас и для России только в том случае, если мы вступим на путь первого выражения смирения, т. е. на путь покаяния во грехах своих, особенно в самом тяжком грехе нашем, в котором повинны активно или пассивно все русские люди, – в грехе бунтарства против самодержавной власти нашего Царя – Помазанника Божиего. Этот грех является для нас таким тяжким потому, что имеет за собою утрату русскими людьми совести, удаление их от Церкви, – ее веры, учения и благодати. Он есть верх или плод тех разнovidных религиозно-нравственных тяжких преступлений, которые совершались русскими людьми в течение многих и многих лет.

Означенный грех так велик в очах Божиих, что переполнил чашу Божественного долготерпения. Вот почему после отвержения русским народом своего Царя Господь тотчас отверг и Россию, и она погрузилась в пропасть неслыханных бедствий.

Спрашивается, в чем же должно состоять наше покаяние в тяжком грехе бунтарства против царской власти?

Так как не все русские люди в одинаковой степени здесь повинны, то это покаяние не для всех из нас должно быть одинаковым. Для тех русских людей, которые сознательно и активно шли против самодержавной власти нашего Царя – Помазанника Божиего, требуется в данном случае полное возрождение своего духа с радикальным уничтожением

самой причины страшного греха – бунтарства против священной Богоустановленной власти. От них требуется уничтожение в себе неверия и стяжание, посредством живого общения с Православной Церковью, благодатной духовной настроенности и жизни для соединения со Христом.

Этим русским людям надо следовать в своей жизни учению св. отцов Церкви, которые нам показывают, в чем должно состоять покаяние. По свидетельству св. Исаака Сирианина, покаяние состоит в том, чтобы «оставить прежнее и печалиться о нем». Так, в сущности, определяют покаяние и другие св. отцы, говоря, что «покаяние в том состоит, чтобы отворачиваться от греха» и «не возвращаться вспять». Но святые отцы учили, что покаяние есть не только решительное оставление прежних грехов, но и «совершение благих дел, противных прежним грехам» «посредством заповедей Христовых» и, конечно, благодати Св. Духа. И самое покаяние они называли благодатию. «Как благодать на благодать, – говорит св. Исаак Сирианин, – людям по крещении дано покаяние; потому что покаяние есть второе возрождение от Бога. И то дарование, которого залог прияли мы от веры, приемлем покаянием. Покаяние есть дверь милости, отверстая усиленно ищущим его; сею дверью входим в Божию милость; кроме этого входа, не обретем милости».

Если русские люди, благодаря своему неверию повинные в активном возмании против самодержавной царской власти, покаются в смысле изложенного святоотеческого учения и тем самым уничтожат в себе почву, на которой возрос и совершился этот сатанинский грех противления, то само собою изменится их отношение к царской власти из отрицательного на положительное.

Что же касается множества русских людей, не отступавших от православной веры, но повинных в той или иной мере в предательстве Царя своим попустительством, то их покаяние должно состоять в открытом исповедании истины, что одною из основ возрождения России является царская самодержавная власть Помазанника Божиего. Будем свидетельствовать, что никакая иная форма правления в России не приемлема, что наш государственный строй только может быть сообразным православной вере русского народа, так как только об этой власти говорят нам Богооткровенные писатели и святые отцы, как о происшедшей от Бога, свидетельствуют о ее неприкосновенности, требуют почитания ее, которое должно выражаться в наших молитвах за Царя и его власть как основу благоденственной жизни и в нашем ей повиновении. <...>

Говоря о происхождении от Бога царской власти в ветхозаветные времена, митрополит Филарет дополнительно указывает, что и в новозаветный период времени царская, уже христианская, власть, начиная

с Константина, произошла тоже от Бога. Это случилось после того, как Господь Сам обратил Константина в христианскую веру перед битвой его с Максентием чудесным явлением ему в солнце креста с надписью: «Сим побеждай». Вслед за тем Господь явился Константину во сне и повелел ему сделать знамя, подобное виденному на небе и употреблять его для защиты от врагов. Св. Константин исполнил повеленное ему от Бога, победил Максентия, сделался единовластным государем Римской империи и крестился. Тем же Своим дивным промыслом Господь обратил в православную веру и нашего князя Владимира, основоположника христианской царской власти в русском православном народе.

Ясно отсюда, что и христианская царская власть получила свое происхождение непосредственно от Бога, Небесного Царя.

Нет нужды доказывать, что Божественное Откровение в своем свидетельстве о происхождении царской власти от Бога в то же время говорит нам, что она есть власть самодержавная. Это самодержавие исходит из самой природы власти. Ведь никто из людей, водимых голосом разума и совести, не будет оспаривать естественное и Божественное право отца налагать свою волю на детей, требовать от них ее исполнения и наказывать их за ее нарушение. Всякое ограничение детьми воли отца и нежелание повиноваться ей в то время, когда она соответствует воле Божией есть ничто иное, как преступление. Власть отца по отношению к своим детям является самодержавной.

Такою же самодержавной является и власть царя, ибо он получает ее не от народа, и потому она не может быть народом ограничена и перед ним ответственна. Царская власть, как происшедшая от Бога, только перед ним ответственна и может ограничиваться только волей Самого Бога, Его святыми законами, с которыми она должна строго соотноситься, не уклоняясь от них ни направо, ни налево.

Впрочем, мы находим на это и прямое указание Св. Писания. При установлении царской власти в Ветхом Завете Господь потребовал, чтобы царь был полным владыкой израильского народа и его повелителем. Господь сказал израильтянам: *и вы будете ему раби* (1 Цар. 8, 17; срав. главы: 8 – 12). <...>

«Согласно с этим Бог, по образу Своего небесного единоначалия, учредил на земле царя; по образу Своего небесного вседержительства, устроил на земле царя самодержавного; по образу Своего царства непреходящего... поставил на земле царя наследственного.

Не впадаем в область умозрений и состязаний, в которой некоторые люди – более других доверяющие своей мудрости – работают над изобретением... лучших, по их мнению, начал для преобразования че-

ловеческих обществ... Но еще нигде и никогда не создали они *тихаго и безмолвнаго жития*... (1 Тим. 2, 2). Они умеют потрясать древние государства, но не умеют создать ничего прочного... Они тяготеют отеческою и разумною властью царя и вводят слепую и жестокую власть народной толпы и безконечные распри искателей власти. Они прельщают людей, уверяя, будто ведут их к свободе, а в самом деле влекут их от законной свободы к своеволию, чтобы потом полноправно низвергнуть их в угнетение.

Надежнее самодельных умствований должно учиться царственной истине из истории народов и царств... писанной не страстями человеческими, а святыми пророками Божиими, то есть – из истории древле избранного и Богоправимого народа Божия. Эта история показывает, что лучшее и полезнейшее для человеческих обществ делают не люди, а человек, не многие, а один. Какое правительство дало еврейскому народу государственное образование и закон?

Один человек – Моисей.

Какое правительство распорядилось завоеванием обетованной земли и распределением на ней племен народа еврейского? – Один Иисус Навин.

Во время судий – один судия спасал от врагов и зол целый народ.

Но как власть была не непрерывная, а пресекалась со смертью каждого судии, то, по пресечении единоначалия, народ приходил в разстройство, благочестие оскудевало, распространялось идолопоклонство и повреждение нравов; затем следовали бедствия и порабощение иноплеменниками. И в объяснение таких нестроений и бедствий в народе священный бытописатель говорит, что *в тья дни не бьяше царя во Израили; муж еже угодно пред очима его, творяше* (Суд. 21, 25).

Вновь явился один полномощный силою молитвы и дара пророческого Самуил; и народ огражден от врагов, беспорядки прекращены, благочестие восторжествовало.

Потом, для непрерывного единоначалия, Бог в народе Своем поставил царя. И такие цари, как Давид, Иосафат, Езекия, Иосия – представляют в себе образцы того, как успешно самодержавный государь может и должен служить к прославлению Царя Небесного в земном царстве человеческом, а вместе с тем – к утверждению и охранению истинного благоденствия в народе своем...

И во времена новой благодати Всепромыслитель Бог благоволил призвать единого Константина, и в России единого Владимира, которые апостольски просветили свои языческие царства светом Христовой веры и тем утвердили незыблемые основания их величию.

Благо народу и государству, в котором единым, всеобщим и вседижущим средоточием, как солнце во вселенной, стоит царь, свободно ограничивающий свое неограниченное самодержавие волею Царя Небесного, мудростию яже от Бога»¹.

Настоящее свидетельство знаменитого архипастыря русской Церкви для нас, в особенности теперь, является ценным. Митрополит Филарет принадлежит к числу таких великих святителей Православной Церкви, которые насчитываются единицами. Вследствие обильных поразительных проявлений в нем даров Св. Духа – мудрости, целения недугов, прозорливости, богословского ведения, а также по святости жизни и аскетическим подвигам его можно сравнить с такими великими святителями, как Василий Великий, Иоанн Златоуст, Григорий Богослов. Тем, чем они были для всей древней Церкви в защите православия и насаждении в людях чистоты христианской жизни, тем явился для русской Церкви и митрополит Филарет.

Так смотрели на царскую власть самодержавного царя Помазанника и свт. Феофан Затворник и другие светильники нашей Церкви, имея в виду тех царей, которые своею деятельностью оправдывали полученную ими благодать в таинстве миропомазания на царство. Так смотрели на царей, Помазанников Божиих, и все истинно верующие русские люди, сознавая, что через Богом данную царям власть ими выполняется их Божественное предназначение быть основой благоденствия России, ограждать ее от антихристового зла и насаждать в ней христианскую жизнь.

Русские Государи были покровителями Святого Православия даже во всей вселенной; и свое великое благотворное влияние простирали на весь мир. Такое благодетельное значение наших царей сознавалось и иностранцами. Характерно, что наименование государя Александра III Миротворцем изошло не от русских людей, а от европейских народов. Лет пять тому назад во французском журнале «Illustration» была напечатана статья профессора Римского государственного университета историка Феррера, в которой он писал, что современный кризис и колебание мира происходят оттого, что в России не стало венценосных Государей, которые держали в своих руках баланс мира всех народов земли, и, благодаря могуществу и их стремлению к миру, Европа за последние сто лет могла спокойно заниматься научным прогрессом и вместе с Америкой и другими странами обогащаться в своей промышленной и хозяйственной жизни. <...>

¹ Филарет (Дроздов), свт. Христианское учение о царской власти. Проповеди. М., 1901. С. 15 – 17.

Какая же величайшая Божественная сила действовала через помазание Святого Духа в наших царях, Помазанниках Божиих, и какое благодетельное значение имели они для нового Израиля – избранного русского народа и для всего мира. Да, русская либеральная интеллигенция не хотела видеть этой силы в наших царях, Помазанниках Божиих. Но диавол видел и чувствовал эту силу и потому всем своим адом, при содействии противоцерковного русского общества, с неистовством возстал на нее. В течение многих лет сатанинским кровавым террором он изгонял ее из русской земли; и, наконец, руками представителей народа – членов Государственной Думы и других врагов России погубил носителя сей Божественной силы – русского Царя, а вместе с ним – русское государство. Пусть современная жизнь в России и всеобщая растерянность народов мира свидетельствуют, какую великую силу для своего народа и для вселенной имел наш Царь, который соединял в себе и самодержавную власть, и благодать Святого Духа как Помазанник Божий согласно учению Священного Писания.

Но и этим еще не исчерпывается Богооткровенное учение о царской власти. Здесь мы находим, наконец, и учение об отношении подданных к сей власти. Это отношение, как свидетельствует Слово Божие, определяется заповедями, данными людям от Бога или чрез Его Пророков и Апостолов, или непосредственно от Самого Господа нашего Иисуса Христа. Бог нам повелевает, во-первых, не прикасаться к Его Помазанникам и, во-вторых, оказывать царю почтение, которое должно выражаться нашими о нем молитвами и повинованием ему.

Еще в Ветхом Завете Господь чрез Своего Пророка сказал: *Не прикасайтесь к помазанным Моим* (1 Пар. 16, 22). Здесь повелевает Господь подданным царя оградить его власть от всего того, что ее колеблет и даже уничтожает; и прежде всего – чтобы она была неприкосновенна от недовольства и осуждения с их стороны, так как последнее колеблет авторитет царской власти, расшатывает ее, а вместе с нею и государство. По словам митрополита Филарета, тогда «государство будет подобно городу, построенному на огнедышащей горе: что будут значить все его твердыни, когда под ними будет скрываться сила, могущая каждую минуту все превратить в развалины? Подвластные, которые не признают священной неприкосновенности владычествующих, надеждою своеволия побуждаются домогаться своеволия; а власть, не уверенная в своей неприкосновенности, самую заботою о собственной безопасности побуждается домогаться преобладания: в таком положении государство колеблется между крайностями своеволия и преобладания, между ужасами безначалия и угнетения и не мо-

жет утвердить в себе послушной свободы, которая есть средоточие и душа жизни общественной».

Русские люди по горькому опыту теперь знают, к каким гибельным последствиям для русского государства привело их недовольство царскою властью, их открытое осуждение Императора Николая II, добро-го и православного Царя.

Конечно, не этим только осуждением власти подвластные царю могут нарушать данную Божественную заповедь. «Прикосновение» к Помазаннику Божию происходит и чрез ограничение самодержавной, данной ему от Бога, царской власти в пользу народоправства. И мы знаем, с каким неистовством русские люди домогались, из-за рабского подражания европейским народам, этого ограничения. В результате было то, что эти либеральные домогательства также способствовали гибели России. Иначе не могло и быть, ибо, являясь вопиющим нарушением Божественной заповеди о неприкосновенности Помазанников Божиих, стремления русских людей к ограничению самодержавной власти царя были тяжким грехом отвержения ими, вместе с этою заповедию, и Самого Бога. Преступно было русским православным людям стремиться к устройству своего государственного правления по образцу конституционных и республиканских правлений Европы в то время, как мы должны были руководствоваться своею православною верою, которая повелевает нам сообразовать свою жизнь во всех ее областях с Божественным Откровением и основанным на нем святоотеческим учением.

Нет нужды говорить, каким ужасным «прикосновением» к Помазаннику Божию является низвержение подданными своего царя. Здесь нарушение данной Божественной заповеди достигает по своей преступности высочайшей степени, почему и влечет за собою разрушение самого государства. Все это произошло в жизни нашего отечества. И мы по горькому своему опыту и во всей полноте знаем всю гибельность и для себя, и для России отвержения людьми сей Божественной заповеди. <...>

В своем Первом послании апостол Петр говорит: *Повинитесь убо всякому человеку созданию Господа ради: аще царю, яко преобладающую, аще ли же князем, яко от него посланным, во отмщение убо злодеем, в похвалу же благотворцем* (1 Петр. 2, 13 – 14).

Итак, по учению Апостола, надо повиноваться царю ради Господа. Разумеется, существуют и другие мотивы для этого повиновения. Можно повиноваться царю в силу эгоистических побуждений, из-за личных интересов, – ради страха быть наказанными, ради тех или других выгод, наград и почестей. Можно повиноваться царю ради любви к нему, как повинуются дети своим родителям, или ради любви к отечеству, ко-

торая движется нашей благодарностью за то, что государство доставляет нам источники пропитания, личную безопасную жизнь, образование и многие другие нужные нам житейские блага. Можно повиноваться царю, как источнику порядка, благоденствия и могущества государства, как основе благополучия и личного счастья всех его граждан.

Но обо всех этих мотивах не говорится в словах апостольских. Не говорится по той причине, что они не представляют собою прочных оснований для нашего повиновения царю, ибо в чрезвычайных, катастрофических обстоятельствах жизни государства настоящие мотивы не могут дать должной силы подданным удержаться в повиновении царской власти и сохранить страну от гибели.

Мы, русские люди, это хорошо знаем в силу того же своего горького опыта. Все второстепенные мотивы для повиновения нашему Государю Императору Николаю II пред его отречением были у нас в той или иной мере налицо. Но когда совершилось чудовищное преступление, и с головы Государя русские люди сбросили царский венец, то указанные мотивы к повиновению царю оказались паутиной: любовь к родине и Государю молчала, и он был оставлен без защиты и предан на величайшие нравственные муки со своей семьей.

Ясно, что высшим и самым прочным мотивом для истинного и неизменного повиновения является тот, о котором говорит апостол Петр, призывая нас повиноваться царю ради Господа, точнее – ради православной веры в Него.

Только вера православная может побудить нас неуклонно повиноваться царю, его власти и всем поставленным от него властям, ибо она говорит нам о небесном происхождении царской власти в словах Священного Писания: *владеет Вышний царством человеческим, и ему же восхощет, даст е* (Дан. 4, 29); *Им царие царствуют, и... вельможи величаются* (Притч. 8, 15 – 16), *нестъ бо власть аще не от Бога* (Рим. 13, 1), *и каждый начальник есть Божий слуга*, поставленный над нами для нашего же блага (Рим. 13, 4).

Только православная вера одна может побудить нас повиноваться властям (Рим. 13, 1) *не только благим и кротким, но и строптивым* (1 Петр. 2, 18), ибо она угрожает небесным гневом (Еф. 5, 6) непокоряющемуся властям, как преступнику, который *Божию повелению противляется* (Рим. 13, 2).

Только одна вера православная может заставить нас повиноваться властям, как должно – по совести (Рим. 13, 5), а не из-за страха и каких-либо корыстных видов, ибо она предписывает нам служить им, не как людям, а как Самому Господу, и творить их волю, как волю Божию (Еф. 6, 5 – 7).

Прощание с конвоем. Худ. Павел Рыженко

Только православная вера, наконец, заставляет нас любить своего царя истинной, неотпадающей любовью, побуждающей нас жертвовать собой, страдать и умирать за него, ибо она повелевает нам смотреть на царя, как на помазанника Божиего, как на отблеск Божественной славы и величия, а на законы, им изданные, как на святыню. «Там, – говорит митрополит Филарет, – где разум и воля человеческие покорны вере Евангельской, – подданные чтут и гражданские законы как святыню, благоговеют пред властью, как пред Божественным учреждением; а где оскудевает это небесное чувство, где умы, к несчастью общества, заражаются неверием, – там не уважаются и общественные учреждения, там покорность властям кажется тяжким игом: там не может быть общественного благоденствия»¹.

Так, в строгом соответствии с православной верой, относился к царю и почитал его наш русский православный народ. Очень хорошо об этом почитании сначала великого князя, а затем царя, свидетельствует наше русское народное творчество, дошедшее до нас в наиболее живых образцах своих – песнях, сказках, пословицах, присловиях и поговорках. <...>

В глазах верующих русских людей царь был не простым человеком, а помазанником Божиим, образом Божественной небесной власти,

¹ Филарет (Дроздов), свт. Христианское учение о царской власти и об обязанностях верноподданных. С. 43 – 44.

Царем-Батюшкой, воплощением правды и милости Божией на земле. Истинно русские люди не могли без слез смотреть на него. Когда приходилось русскому царю быть среди народа, все теснились к нему, никому не хотелось оставить его, лишиться радости его лицезрения, и считали великим для себя счастьем к нему прикоснуться. Нередко, при встрече Государя, русские простые люди от восторга и умиления не могли стоять на ногах, произнести слово и невольно опускались на землю вместе с хлебом и солью, которые держали в руках.

Таким образом, сама жизнь показывала, каким великим и безценным даром Божиим был для России наш самодержавный царь Помазанник Божий. Он не на словах, а в действительности был главою и душою русского народа. Не стало этой души, не стало и России.

Такое наименование русского царя мы заимствовали от того же митрополита Московского Филарета, который говорил: «Самодержавием Россия стоит твердо». «Царь, по истинному о нем понятию, есть глава и душа царства... Закон, мертвый в книге, оживает в деяниях, а верховный государственный деятель, возбудитель и воодушевитель подчиненных деятелей есть царь».

И как права была русская народная мудрость, сказавшая: «Русской земле нельзя без Государя быть».

Теперь, если мы хотим спасения и возрождения России, то должны всемерно стремиться к тому, чтобы у нас опять был самодержавный царь Помазанник Божий, который, как душа русского народа, возродит Россию, и она опять делается великой и славной на страх всем ее врагам, на счастье своего народа.

Не будем смущаться столь распространенным, к сожалению, среди нас мнением, что самодержавный царский строй в России будто бы уже изжил себя. Это мнение направлено против Священного Писания с целью уничтожить спасительное его на нас влияние. Ведь царская самодержавная власть в России была основана на словах Священного Писания. А эти слова являются глаголами *живота вечного* (Ин. 6, 68). *Дух животворит*, – сказал Господь, – *плоть не пользует нимало. Глаголы, яже Аз глаголах вам, дух суть и живот суть* (Ин. 6, 63). *Живо бо слово Божие и действительно*, – говорит святой апостол Павел, – *и острейше паче всякаго меча обоюду остра, и проходящее даже до разделения души же и духа, членов же и мозгов, и судително помышлением и мыслем сердечным* (Евр. 4, 12).

Отсюда будет в высшей степени неразумно с нашей стороны, если мы скажем, что слова Священного Писания изжили себя. Но точно так же неразумно и мнение, что царский самодержавный строй изжил уже себя. Если Слово Божие всегда должно быть для нас действенным, всегда

жизненным, всегда спасительным, то и царский самодержавный строй России, как основанный на Слове Божиим, должен быть для нас всегда жизненным и спасительным.

Мнение о нежизненности царской власти противоречит и самой жизни. Действительность говорит, что самодержавная власть русского великого князя и царя собрала воедино все подвластные им племена и народы в один могущественный государственный организм. Эта действительность показывает, что при содействии самодержавной власти Россия достигла небывалого и изумительного развития в своей культурной жизни во всех ее областях и сделалась самым могущественным государством сравнительно с теми европейскими державами, в основе которых была не самодержавная, единоличная, а парламентарная власть.

И в данный момент мы не можем не знать, что в Европе более сильными государствами являются те, которые управляются фактически единоличной властью.

Действительность говорит нам как раз о противоположном: не самодержавный царский строй, а парламентарный образ правления изжил себя.

Следовало бы всем разделяющим ошибочное мнение о царской власти помнить, что оно исходило из либеральных кругов русского общества, которое, удалившись от Церкви и благодатной истины, перестало в последнее время мыслить своим умом и стало руководиться абсурдным учением социализма о политической свободе с его бредовыми идеями о благах социалистического рая. А социализм, как известно, был в руках наших врагов могущественным средством для ниспровержения царского самодержавного строя и уничтожения самой России.

Таким образом, разделяя этот неправильный взгляд, русские люди сознательно или бессознательно будут приобщаться к тому безумию и ненависти к нашей России, которые ее погубили.

Русским людям следует руководствоваться, касательно вопроса о будущем политическом строе нашего государства, Божественным Откровением, учением святых отцов Церкви о царской власти и учением тех великих сынов России, гениальная мудрость которых и их беззаветная любовь к России всем нам хорошо известна. Мы имеем в данном случае в виду в особенности свидетельства о великом спасительном значении в жизни русского народа царской самодержавной власти Ф. М. Достоевского и А. С. Пушкина. Первый в своих творениях говорит, что две силы лежат в основе могущества Русского Государства: православная вера и самодержавная власть русского царя, который,

как любящий отец, заботится о благе своих подданных и тесно сплачивает их всех в одну родственную и сильную этим единением семью.

А вот что говорил в последние годы своей жизни о нашей царской власти Пушкин: «Зачем нужно, чтобы один из нас стал выше всех и даже выше самого закона? Затем, что закон – дерево, в законе слышит человек что-то жестокое и небратское. С одним буквальным исполнением закона недалеко уйдешь; нарушить же его или не исполнить его никто из нас не должен: для этого-то и нужна высшая милость, умягчающая закон, которая может явиться людям только в одной полномочной власти. Государство без полномочного монарха – автомат: много-много, если оно достигнет того, чего достигли Соединенные Штаты. А что такое Соединенные Штаты? Мертвечина; человек в них выветрился до того, что и выеденного яйца не стоит. Государство без полномочного монарха то же, что оркестр без капельмейстера: как ни хороши будь все музыканты, но если нет среди них одного такого, который бы движеньем палочки всему подавал знак, никуда не пойдет концерт. А кажется, он сам ничего не делает, не играет ни на каком инструменте, только слегка помахивает палочкой да поглядывает на всех, и уже один взгляд его достаточен на то, чтобы умягчить в том и другом месте какой-нибудь шершавый звук, который испустил бы иной дурак-барабан или неуклюжий тулумбас. При нем и мастерская скрипка не смеет слишком разгуляться на счет других: блюдет он общий строй, всего оживитель, верховодец верховного согласия!».

Эти слова Пушкина должны быть глубоко внедрены в сердцах всех русских людей, которые всегда должны их помнить. Они имеют для нас особенную ценность не только как исходящие от гениального ума, но и как принадлежащие человеку, в ранние годы свои бывшему по убеждениям в рядах декабристов, имевших поползновение низвергнуть самодержавный строй в России.

Конечно, когда Пушкин произносил их, он хорошо знал, что и при царском самодержавии бывают большие дефекты в государственном управлении. Они неизбежно происходят тогда, когда самодержавные монархи нарушают этот самый лучший государственный строй, вследствие их противления Божественным Законам. Тем не менее, как видим из его слов, эту форму правления в России нельзя сравнить ни с какой другой формой правления в странах, где нет самодержавного монарха, как нельзя сравнить небо с землею.

Не будем смущаться и тем мнением, что для Православной Церкви будто безразлично, какая государственная форма правления будет в нашей России. Для Церкви не может быть одинаковой власть, по-

кровительствовавшая ей и власть богоборческая. Во всяком случае бесспорно, что советская власть в России такова, что при ее наличии русский народ, как православный, может прекратить свое бытие, а вместе с ним исчезнет и Русская Православная Церковь, как исчезали с лица земли и другие поместные православные Церкви. <...>

Будем верить, что момент конечной гибели нашей родины еще не настал, ибо мы имеем пророчество величайшего угодника Божиего святого Серафима Саровского о том, что Россию, ради чистоты православия, ею исповедуемого, Господь помилует от всех бед и она будет существовать до скончания века как сильная и славная держава. К этой чистоте своей веры русский народ безусловно возвращается, несмотря ни на какие кровавые гонения, им переживаемые. Ее он свидетельствует своими великими исповедническими и мученическими подвигами. Очевидно, Господь восстановит Россию, и она вновь сделается великой и будет самым могущественным оплотом в мире для грядущей борьбы с самим антихристом и всеми его полчищами. <...>

Впрочем, мы вместе с Зарубежной Русской Церковью и нашими братьями, страдающими в России, усердно возносим эти молитвы и в силу собственной потребности своего сердца. И один этот факт уже свидетельствует о том, что для Церкви далеко не безразлично, будет ли Россия и впредь возглавляться богоборческой властью. <...>

Ясно, что не Божественная воля, выраженная в Священном Писании, а человеческая многомятежная, греховная воля с открытым ниспровержением Богооткровенного и святоотеческого учения о царской самодержавной власти лежит в основе республиканского и конституционного строя.

Поэтому святая Церковь наша не может закрыть своих глаз на отсутствие религиозной основы в демократическом образе правления. Следовательно, она не может быть безразлична к будущему политическому строю нашей страны. Иначе сказать: святая Церковь не может желать водворения в России республиканского или конституционного строя. Она может содействовать восстановлению у нас только исконного государственного строя, каковым всегда была единоличная великокняжеская или царская самодержавная власть Помазанника Божиего, как власть самая близкая к Церкви и родственная ей, ибо она имеет своим основанием Божественное Писание и святоотеческое учение, что является источником и нашей православной веры.

Не может наша Церковь с безразличием отнестись к появлению в будущей России... вместо царской самодержавной власти,

той или другой формы демократического правления и по той причине, что конституция и республика не соответствуют религиозно-нравственному идеалу русского народа. Этот идеал, как видели мы, состоит в устремлении русских людей к святости, к единению со Христом чрез правую веру и любовь со всеми ее христианскими добродетелями. Эта вера и эта любовь были отличительными свойствами русского народа, чем поражали они иностранцев. Эти религиозно-нравственные черты были доминирующими в жизни русского народа до Петра I, показывая, с какой силою стремились русские люди того времени к своему идеалу – или к осуществлению своего, Богом данного ему, высшего предназначения, вследствие чего над ними исполнялись слова Христа: *Вы есте соль земли... Вы есте свет мира... Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, иже на Небесех* (Мф. 5, 13 – 14, 16). В этом идеале было заложено земное счастье и вечное спасение русского народа, а также его мировая религиозно-нравственная миссия.

Но это «святое святых» русского народа не имеет ничего общего с конституционной и республиканской формой правления. Здесь человеческая личность не может найти поддержки в осуществлении своих высших религиозно-нравственных запросов. Здесь самым главным делом является политическая партийная борьба не на живот, а на смерть, и с точки зрения этой борьбы расценивается личность, которая с ее духовными интересами совсем не нужна демократическому строю, а нужна как механическая частица государственной машины, как количественная сила. И это понятно. Демократическое государство управляется не этическим, а юридическим началом. А юридический закон, как выразился Пушкин, есть дерево и весьма далек от высших стремлений человеческой личности. Высшим благом здесь является воля народа, для которой не обязательны нравственные начала. И так как демократическое государство основано на количественной силе, то нравственная сила ему даже враждебна. Ясно, что конституционный и республиканский государственный строй не может иметь какого бы то ни было соответствия самому высшему влечению русского народа, его религиозно-нравственному идеалу.

Зато монархия в России как нельзя лучше соответствует этой идеологии; о чем уже говорит самое назначение монархической верховной власти, которое состоит в том, чтобы монарх был представителем идеала народной жизни и направлял государственную деятельность соответственно этому идеалу. <...>

Когда православная вера стала расшатываться в русском народе, то соответственно с этим начал изменяться и взгляд его на царя и его власть. В данном случае нельзя не отметить восстания декабристов, бывшего в 1825 году и имевшего своей целью уничтожение у нас самодержавного строя. Это восстание также является знаменательным фактом, только весьма прискорбным. Оно показало, что в русском народе стало меркнуть русское мирозерцание и религиозно-нравственный идеал его стал заменяться политическим идеалом. Здесь причина изменения взгляда русских людей на царскую самодержавную власть.

И чем больше отходил русский народ от своего религиозно-нравственного идеала, тем сильнее и сильнее заявляло себя в русском обществе конституционное и даже республиканское движение, которое вылилось у нас в «освободительное движение» и окончилось свержением царя и гибелью России.

Несомненно Господь наказал русский народ за его удаление от Него, за то, что он заменил свой религиозно-нравственный идеал, к которому был призван Богом, политическим идеалом с его стремлением к учреждению в России демократического строя, к чему русский народ никогда Богом не призывался.

Несомненно также и то, что за наше покаяние и за великие страдания русского народа и за то, что он среди всех своих небывалых бедствий сохраняет православную веру, Господь помилует его и дарует нам опять Россию. Но чтобы возродить ее, мы должны опять вернуться к своему религиозно-нравственному идеалу и на основании его воссоздать царскую самодержавную власть.

Итак, не трудно отсюда понять, почему наша святая Церковь не может не содействовать учреждению в России только истинного царского самодержавного строя, и почему она должна отвращаться от появления в России демократических форм правления, как совершенно чуждых и несоответствующих религиозному идеалу русского православного народа.

Но не в одном только этом несоответствии заключается суть дела. Демократические формы правления не только далеки от религиозной русской идеологии, но и враждебны ей. Поэтому, если та или другая демократическая власть установится в России, то Церковь будет поставлена в положение гонимой, т. е. тогда произойдет если не юридическое, то фактическое отделение Церкви от государства. Это будет означать, что Церковь окажется без помощи со стороны государственной власти и будет поставлена в такие условия своего существования, которые должны повлечь за собою крайне угнетенное ее положение.

Не надо забывать, что демократических форм правления у нас требовали представители либерализма, в особенности, его крайних направлений, которые не только окончательно порвали с религиозно-нравственным идеалом русского народа, но сделались непримиримыми врагами нашей Церкви.

С другой стороны, будем помнить, с какой ревностью, вместе с Достоевским отстаивали наш исконный царский самодержавный строй митрополит Филарет Московский, епископ Феофан Затворник, о. Иоанн Кронштадтский, о. Амвросий Оптинский и весьма многие достойнейшие представители Православной Церкви и Святой Руси. Они открыто осуждали стремление к введению у нас демократического государственного строя, ибо хорошо сознавали, что этим воспользуются все враги России, чтобы погубить святую Церковь нашу, а вместе с ней и всю Святую Русь. <...>

Отделения Церкви от государства, как средства ее уничтожения, желали явные враги Православной Церкви. Но к осуществлению сего желания стремятся и скрытые враги Церкви, которые лицемерно, под предлогом своих, якобы, забот о благе ее, – в целях приобретения ею полной свободы и независимости от государственной власти, проповедуют отделение Церкви от государства.

Конечно, это осуществимо только при введении в России демократического строя, ибо мнение, что отделение Церкви от государства допустимо и при монархической самодержавной власти в России, является абсурдным. Истинный самодержавный монарх не может согласиться на это отделение, ибо самое главное его назначение заключается в том, что он есть слуга Божий и покровитель Церкви, а не враг ее.

Поэтому отделение Церкви от государства могут у нас провести, по освобождению России, только враги ее, и при том, по учреждении в ней того или иного демократического строя правления, в котором заложена гибель нашей Церкви.

Отсюда ясно, что Церковь не может быть безразличной к тому, какой государственный строй будет в России; она может ради своего собственного блага и ради возрождения своей родины стремиться к восстановлению в ней только одного государственного строя – самодержавной власти царя Помазанника Божиего.

«РУССКАЯ ИДЕОЛОГИЯ» АРХИЕПИСКОПА СЕРАФИМА

Кострюков Андрей Александрович

Многие мыслители-эмигранты пытались понять, как получилось, что именно Святая Русь, давшая миру великий сонм святителей, преподобных и праведников, породила, пожалуй, самые чудовищные за всю мировую историю формы безбожия. Очень многим не давала покоя и мысль о том, как благополучная держава, находившаяся на взлете, готовившаяся овладеть Константинополем и делить мир в числе держав-победительниц, оказалась в кратчайший срок поверженной, разоренной и захваченной теми, для кого народы России были лишь дешевым материалом для строительства своих утопий.

За что Россия подверглась поруганию? Где было начало ее падения? Возможно ли воскресение Отечества? Эти вопросы не были отвлеченными и для архиепископа Серафима, который затронул их в сочинениях «Русская идеология» и «Об истинном монархическом мирозерцании».

Основой благополучия государства архиепископ Серафим считал симфонию властей – церковной и царской. Данная идея, сформулиро-

Кострюков Андрей Александрович родился в 1973 году в Наро-Фоминске Московской области. Окончил Московскую духовную академию и Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. Кандидат богословия (2003 г.), кандидат исторических наук (2007 г.).

Автор шести книг, монографии «Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов» (М.: 2007), а также более восьмидесяти научных статей и публикаций в журналах: «Отечественная история», «Вестник ПСТГУ», «Церковь и время», «Церковно-исторический вестник» и др.

В настоящее время – старший научный сотрудник Научно-исследовательского отдела новейшей истории Русской Православной Церкви ПСТГУ. С 2010 года является также доцентом кафедры истории Русской Православной Церкви ПСТГУ.

Кострюков А. А. Архиепископ Серафим (Соболев): жизнь, служение, идеология. М.: Издательство «ФИВ», 2011.

ванная императором Юстинианом в VI веке, состояла в органичном взаимодействии двух даров Божиих – священства и царства. Это взаимодействие – забота Церкви о духовном состоянии империи, и забота царской власти о Церкви, должно, по мнению императора Юстиниана, вести народ ко благу.

До сих пор нет единого мнения о том, насколько соответствовала жизнь Византии, а затем и Руси, идеалу симфонии. Протоиерей Александр Шмеман, например, был убежден, что в «юстиниановой теории <...> вообще нет места Церкви»¹.

Архиепископ Серафим, напротив, считал, что симфония властей существовала и в Византии (за исключением периода иконоборчества), и в России до XVII века. Говоря о симфонии, архиепископ оставлял без внимания вопиющие случаи вмешательства в дела церковного управления со стороны православных царей и князей. Можно предположить, что в этих фактах архипастырь не видел противоречия своему мнению, поскольку такое вмешательство не подразумевало глобальных церковных реформ и насаждения ереси.

По мнению архиепископа Серафима, первые семена будущей гибели России появились в годы правления Иоанна III, когда в Россию стало проникать западное влияние. Тем не менее, симфония продолжала существовать до царствования Алексея Михайловича, который своим «Соборным уложением» 1649 года нанес правам Церкви значительный урон. Однако, по глубокому убеждению архиепископа Серафима, самый тяжелый удар Церковь получила в царствование Петра I. Архиепископ Серафим, признавая заслуги императора, считал, что в целом его правление было губительным и для Церкви, и, в конечном счете, для государства. «Несомненно, – писал архиепископ, – можно было бы насаждать в русском народе европейские познания технического и общеобразовательного характера и без ломки православной веры. Но Петр этого сделать не мог, благодаря своей настроенности». Государственное переустройство было для Петра неразрывно связано и с переустройством Церкви, результатом чего стало низведение ее на уровень одного из государственных ведомств. Ситуацию усугубило и материальное разорение Церкви. Однако ни реформы, ни секуляризация, ни личное поведение императора не были бы столь губительны, если бы не начавшийся тогда же подрыв духовного авторитета Церкви. «С легкой руки Петра, – писал архиепископ Серафим, – у нас стало распространяться свободомыслие в виде вольтерьянства, масонства, сектантства,

¹ Шмеман А., *прот.* Исторический путь Православия. М.: Паломник. 1993. С. 189.

Владыка Серафим (Соболев)

гуманизма, социализма, нигилизма и других заблуждений». Лишенная имущества и задавленная царской деспотией, Церковь не смогла ответить на все эти вызовы. Уничтожение духовной опоры России – монашества, стало бомбой, заложенной и в основание государства. Действительно, разорение монастырей отразилось и на просвещении, центрами которого как раз и были монашеские обители, и на деле православной миссии. Результатом стало охлаждение народа в вере и распространение сектантства¹.

Нанеся удар Церкви, Петр, по мысли архиепископа Серафима, уничтожил основу симфонии – почитание царской властью свя-

щенства. Вместо симфонии священства и царства он дал Руси абсолютную монархию. Идеал – Святая Русь, был при этом отвергнут. «В уничтожении Петром симфонии властей и была заложена причина гибели России»², – подводит итог петровскому правлению архиепископ Серафим.

Как тяжелый для Церкви период рассматривал архипастырь и царствование Анны Иоанновны, при которой имели место даже гонения за защиту православной веры. Однако даже это царствование архиепископ не считал столь печальным, как внешне благополучное правление Екатерины II, с его секуляризацией и упразднением 4/5 всех монастырей. XIX век архипастырь считал более благоприятным для Церкви, однако сделанное в веке XVIII-м уже нельзя было исправить³. Близорукие властители XVIII века не предполагали, что их реформы, направленные против симфонии, приведут к тому, что за падением авторитета Церкви разрушится и авторитет монархии. А потому трагедия Церкви повлечет за собой и трагедию монархического правления.

¹ Серафим (Соболев), архиеп. Русская идеология. С. 40 – 43, 47 – 48.

² Там же. С. 148.

³ Там же. С. 49 – 50, 60.

Одним из актов этой трагедии архипастырь считал учреждение земств, через которые шло разрушение монархии. Еще одним предвестником гибели империи иерарх считал учреждение Думы в 1905 году. Архипастырь называл ограничение царской власти следствием «рабского слепого подражания европейским народам» и отмечал, что «Дума в целом оказалась не имеющей ничего общего с русской идеологией». Архипастырь считал, что вред, принесенный стране Государственной Думой, был связан с внесением разобщения в народные массы. «Дума, – писал архиепископ Серафим, – разделила всю Россию на множество политических враждовавших между собой партий, что быстро и сильно ослабляло мощь России и приближало ее к гибели». Действительно, Дума не была выразителем идей Святой Руси, и как известно, все четыре Государственных Думы в той или иной степени вставали в оппозицию царской власти.

По мнению архиепископа, с государственной реформой 1905 года был неразрывно связан и закон о свободе совести. Этот закон стал индульгенцией для врагов православия, которые стали открыто выступать против Церкви, противопоставляя ей блага земного рая. «Теперь погибнет Россия», – приводил архиепископ Серафим слова оптинских старцев, сказанных после принятия закона о свободе совести¹.

Кроме того, ситуацию усугубило то, что в начале XX века идея о высоком назначении царя была народом утрачена, и последнему Императору – Николаю II, повиновались уже не по причине осознания высокого назначения царской власти, а по причинам второстепенным. Это и стало причиной легкости, с которой русский народ отказался от Государя².

Падение авторитета монархии шло вместе с падением благочестия в стране. Вслед за многими своими современниками, архиепископ Серафим отмечал упадок веры и благочестия в русском народе, что выражалось в несоблюдении постов, детской проституции и т.д. Наконец, к этому прибавился и самый страшный грех – бунтарство против Помазанника Божия. «Этот грех, – писал архиепископ Серафим, – является для нас таким тяжелым потому, что имеет за собою утрату русскими людьми совести, удаление их от Церкви, – ее веры, учения и благодати <...> Означенный грех так велик в очах Божиих, что переполнил чашу Божественного долготерпения. Вот почему после отвержения русским народом своего царя, Господь тотчас отверг и Россию, и она погрузилась в пропасть неслыханных бедствий»³.

¹ Там же. С. 10, 62.

² Там же. С. 101.

³ Там же. С. 65, 82.

*Император Николай II под арестом
в Царском Селе. 1917 г.*

Итак, основную причину крушения Российской Империи архипастырь видел в нарушении симфонии, что повлекло за собой целый ряд других причин, с каждым столетием росших как снежный ком. Неудивительно, что возрождение России иерарх обусловливал, прежде всего, восстановлением симфонии в церковно-государственных отношениях.

Вслед за преподобным Амвросием Оптинским, архиепископ Серафим считал, что Россия является последней православной державой на земле и после ее гибели последует исполнение того, что описано в Откровении Иоанна Богослова, то есть кончина мира. При этом архипастырь был убежден, что для России потеряно еще

не все. Иерарх напоминал о пророчестве преподобного Серафима Саровского, что ради чистоты православия Господь помилует Россию и избавит ее от всех бедствий. Архиепископ Серафим считал, что власть коммунистов не будет вечной, что Россия возродится именно «как сильная и славная держава», причем пребудет таковой до скончания века. Архипастырь был уверен, что возвращение России к вере уже начинается. Свидетельство тому иерарх видел в множестве мучеников и исповедников. «Очевидно, – писал архиепископ Серафим, – Господь восстановит Россию, и она вновь делается великой и будет самым могущественным оплотом в мире для грядущей борьбы с самим антихристом»¹.

Однако возрождение Руси для архиепископа Серафима было связано с покаянием народа в его грехах. Называя главными виновниками гибели страны Петра I и Екатерину II, архиепископ Серафим не снимал вины за случившееся и со Святейшего Синода, и со всего русского народа². Поэтому покаяние архиепископ Серафим считал главной необходимостью для возрождения Святой Руси.

¹ Серафим (Соболев), архиеп. Русская идеология. С. 13, 116 – 117.

² Там же. С. 64.

Спасение России для архиепископа Серафима было обусловлено, во-первых, возвращением народа к православной вере, а, во-вторых, восстановлением монархии. Возвращение к монархической форме правления архиепископ Серафим считал абсолютно закономерным для общества, состоящего из воцерковленных людей. Церковная жизнь и покаяние в грехе бунтарства против Царя, в котором в той или иной степени повинны все русские люди, по мнению архиепископа, должно неминуемо привести к тому, что изменится «отношение к царской власти из отрицательного на положительное»¹.

Архипастырь считал, что только единоличная власть Царя способна воссоединить русский народ, подобно тому, как это уже бывало в истории. Но дело для архиепископа Серафима было не только в этом. Архипастырь настаивал на том, что только монархическая власть имеет основание в Священном Писании. «Только об этой власти, – писал иерарх, – говорят нам Богооткровенные писатели и св[ятые] отцы, как о происшедшей от Бога». Архиепископ был глубоко убежден, что слова Писания *нет власти не от Бога* (Рим. 13, 1) относятся исключительно к монархической власти и ни к какой другой. Именно такой смысл, по мнению иерарха, вкладывал в эти слова и апостол Павел².

Архиепископ Серафим считал, что христианам первых веков было не все равно, при каком государственном устройстве им жить и одним из их чаяний было как раз установление власти христианских царей. В работе «Об истинном монархическом мирозерцании» архиепископ Серафим указывал на пророчество священномученика Аполлинария Равеннийского о том, что на смену языческим царям придут цари христианские³.

Личность царя архипастырь считал священной вследствие совершаемого над ним миропомазания, которое дает царю особую благодать Святого Духа для царского служения⁴. В ответ на возражение, что монархическая власть изжила себя, архипастырь отмечал, что Священное Писание незыблемо. А потому говорить, что монархическое устройство в наши дни неэффективно, для архиепископа Серафима было равносильно мнению о потере авторитета Писания⁵.

¹ Там же. С. 15, 82, 84.

² Там же. С. 108, 118.

³ *Серафим (Соболев), архиеп.* Об истинном монархическом мирозерцании. С. 75. См.: *Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Дмитрия Ростовского.* Кн. 11. М.: Синодальная типография. 1910. С. 554.

⁴ *Серафим (Соболев), архиеп.* Русская идеология. С. 9, 93.

⁵ Там же. С. 12, 107.

Основываясь на мнении святых Иоанна Златоуста и Феофана Затворника, архиепископ Серафим понимал под «удерживающим» (2 Фес. 2, 7) именно императорскую власть¹, хотя у этого места есть и другие толкования, причем даже указанные архиепископом Серафимом святые допускали разные объяснения этих апостольских слов².

Архиепископ, как в свое время и митрополит Филарет (Дроздов), считал, что монархическая власть идет от Адама. Как сыновья подчинялись отцу, так и народы после своего распространения стали нуждаться в отцах, которыми и стали цари³. «Учение о царской власти входит в самый состав христианства и есть не что иное, как учение Христово и вообще учение богооткровенное». Такие формы власти, как власть отца, власть судей Израильских и другие подобные формы, архипастырь, вслед за святителем Филаретом (Дроздовым), считал разновидностями монархической власти⁴.

Естественно, архиепископу Серафиму возражали, что поставление Самуилом первого царя для Израиля было показателем снижения благочестия евреев (1Цар. 8, 4 – 19), что до поставления царя евреи имели более высокую, теократическую форму правления, которой была власть судей-пророков.

Архиепископ Серафим отвечал на это, что поставление царя для евреев было указано Богом Моисею за 400 лет до пророка Самуила (Втор. 17, 14 – 15). В отказе от судей в пользу царя архиепископ Серафим не видел отступления, считая, что слова Божии Самуилу: *не тебя они отвергли, но отвергли Меня*, – относятся не к изменению государственного устройства, а к другому обстоятельству – общему упадку веры Израиля, который отвергал Бога как своего непосредственного водителя⁵.

Царь, по мнению архиепископа Серафима, мало чем отличается от древнееврейского судьи, он подотчетен только Богу, а власть его может ограничиваться «только волей Самого Бога и его святыми законами, с которыми она должна строго соотносываться». Архиепископ Серафим обращал внимание на то, что о святости царской власти говорится в Писании. Незнание этих основ напрямую связано с общим отпадени-

¹ Серафим (Соболев), архиеп. Об истинном монархическом мирозерцании. С. 95; См. Феофан Затворник. Творения. Толкование посланий апостола Павла к Солуныянам, к Филимону, к Евреям. М.: Сретенский монастырь, Паломник, Правило веры. 1998. С. 320 – 321.

² См.: Феофан Затворник. Творения. Толкование посланий апостола Павла к Солуныянам, к Филимону, к Евреям. С. 316 – 319, 324; Ефрем Сирин, св. Творения. Сергиев Посад: Издание Свято-Троицкой Сергиевой лавры, изд. «Отчий дом». 1995. Т. 7. С. 247 – 248.

³ Серафим (Соболев), архиеп. Русская идеология. С. 85.

⁴ Серафим (Соболев), архиеп. Об истинном монархическом мирозерцании. С. 27, 74.

⁵ Там же. С. 29.

ем от веры. А потому, по глубокому убеждению святителя, русский человек должен не только молиться о свержении власти безбожников, но и молиться о восстановлении в России монархии¹.

И все же приверженцам абсолютизма рано записывать архиепископа Серафима в число своих сторонников. Абсолютизм и деспотизм в самодержавии были иерарху не только чужды, но и отвратительны. Идеальной формой правления для архиепископа Серафима, как уже говорилось, была симфония государственной и церковной властей. Поэтому архиепископ Серафим высоко ценил архипастырей, боровшихся против царского произвола в церковных делах, например, митрополита Стефана (Яворского), выступавшего против неразумных реформ императора Петра, архиепископа Феофилакта (Лопатинского), претерпевшего страдания от царицы Анны Иоанновны. С особым благоговением архиепископ Серафим относился к святителям Арсению (Мацеевичу) и Павлу (Конюскевичу), пострадавшим за свои выступления против разорения Церкви при Екатерине II. К невинно пострадавшим за защиту симфонии Церкви и государства архиепископ Серафим относил и Патриарха Никона, называя его действия «исповедничеством» и допуская возможность его канонизации в возрожденной России².

Выступая как монархист, архиепископ Серафим был убежден, что все свои действия царь должен согласовывать с Церковью, чтобы ни на шаг не отступать от ее законов. Архипастырь приводил цитату из послания преподобного Иоанна Рыльского Царю Борису с призывом «лежать в ногах матери своей Церкви и склонять свою верховную власть в царских государственных делах пред ее первосвятителями». Архиепископ Серафим настаивал, что Церковь выше Царства, как небесные блага выше благ земных, получаемых от государства. Эта форма отношений была для архиепископа Серафима освящена авторитетом таких отцов Церкви, как святители Иоанн Златоуст, Григорий Богослов и преподобный Иоанн Дамаскин³. В сочинении «Русская идеология» архиепископ Серафим прямо проводил идею о том, что государство должно служить Церкви, а не Церковь – государству. Архиепископ делал такой вывод на основании того, что Церковь служит Богу, в то время как государство – человеческому, земному⁴.

¹ Серафим (Соболев), архиеп. Русская идеология. С. 87, 117.

² Там же. С. 21, 51, 54, 155.

³ Серафим (Соболев), архиеп. Об истинном монархическом мирозерцании. С. 87; Русская идеология. С. 85, 74, 129.

⁴ Серафим (Соболев), архиеп. Русская идеология. С. 128, 130.

Конечно, никакой симфонии архиепископ Серафим в XVIII – XX вв. не видел, а потому монархию в освобожденной от коммунистов России он предполагал создать именно по образцу, начертанному императором Юстинианом. По мнению архиепископа Серафима, цари должны действовать, «как Божественные стражи и охранители православной веры, оказывая Церкви свое покровительство в ее борьбе с еретиками». Задача императоров – хранить Церковь, оказывать помощь в борьбе с ересью, считать установления Церкви законом для государства, заботиться о ее материальном состоянии. Церковь, со своей стороны, способствует воспитанию граждан христианами, а, следовательно, патриотами, сплоченными против внешнего врага¹.

Итак, петровскому абсолютизму архипастырь противопоставлял истинную православную монархию, чьи идеалы были в России забыты. Именно в правильных отношениях Церкви и государства архиепископ Серафим и видел русскую идеологию, считая, что только симфония Церкви и Царства может быть формой государственного правления. Архиепископ Серафим настаивал, что Церковь в симфонии властей должна быть независима от государства, иначе о симфонии не может идти речи. В случае слияния властей неминуемы крайности – либо цезарепапизм, либо папоцезаризм. И то и другое для архипастыря было неприемлемо, ибо увлечение Церкви политическим господством равносильно ее уничтожению².

Как известно, у монархической идеологии есть свои слабые стороны. Даже канонизированные Церковью правители (например, тот же Император Юстиниан или великий князь Димитрий Донской) порой находились в состоянии конфронтации с церковной иерархией. Известны и более печальные примеры, когда правители толкали свои народы в ересь или устраивали репрессии против церковных деятелей. Как оградить Церковь от подобных неприятностей в будущем? Предвидел подобные обстоятельства и архиепископ Серафим, писавший как бы от лица своих оппонентов: «Зачем же призывать русских людей к восстановлению у нас царской самодержавной власти? Ведь может опять на русском престоле появиться царь, который, подобно Петру, отступит от православной веры». Ответить на этот вопрос было очень непросто, тем более, что архиепископ Серафим настаивал, что власть монархов должна быть не выборной, а наследственной.

¹ Указ. соч. С. 130, 137, 140.

² Там же. С. 128, 139.

Чтобы выйти из этого противоречия, архипастырю пришлось несколько поступиться своими идеями и признать, что православный народ должен следить за тем, чтобы не допустить на престоле царя, который позволил бы уклонение в безбожие и ересь. Кроме того, архипастырь допускал, что для предотвращения появления в России нечестивого царя можно было бы установить церковное правило, по которому царь добровольно ограничил бы свою власть законами Божиими.

Понятно, что осуществление предложений архиепископа Серафима подразумевало наличие у Церкви властных полномочий и реальных сил для того, чтобы выносить суждение о том, насколько достоин тот или иной наследник быть императором, и воздействовать на главу государства, в случае его нечестия. Такие возможности несомненно повлекли бы за собой значительное усиление политической власти Церкви, что рано или поздно должно было привести к папоцезаризму, отрицаемому архиепископом.

Видя это противоречие, архиепископ Серафим писал, что как бы то ни было, но другого выхода, кроме признания монархии, для православных нет, так как только такая форма правления признается Писанием¹.

Говоря о монархических воззрениях архиепископа Серафима, следует особо сказать о последнем русском Императоре-страстотерпце Николае II, которого иерарх очень почитал и называл в своей книге «добрым и православным»².

Долгое время архиепископ Серафим не хотел даже верить в гибель Царской семьи. Душа иерарха всеми силами противилась принять известие о новом страшном преступлении большевистского режима. Архипастырь продолжал служить молебны о здравии семьи Императора даже тогда, когда в храмах Зарубежной Церкви по страстотерпцам в основном служились панихиды³. Не препятствуя совершению панихид, епископ Серафим продолжал служить молебны. Позиция епископа Серафима стала поводом для насмешек и новых нападок со стороны его недоброжелателей, прежде всего, протопресвитера Г. Шавельского⁴.

Однако не стоит забывать, что о судьбе Царской семьи ходили самые разные слухи не только в эмиграции, но и в самой России. Документы Карловацкого Собора 1921 года дают основания полагать, что его члены

¹ Там же. С. 177 – 179.

² Там же. С. 97.

³ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 92. Л. 11.

⁴ *Письма протопресвитера Г. Шавельского к митрополиту Евлогию*. С. 107 – 108; *Пов П. Карловацкая смута...* С. 17.

готовы были назвать имя будущего Императора и не сделали этого только из-за того, что им была неизвестна судьба членов Царской семьи¹.

К этому надо добавить, что многие в России и эмиграции верили в чудесное спасение семьи последнего русского Императора по причине того, что хотели верить в это. В 1927 году очень многие эмигранты подавали записки о здравии Царской семьи, а епископ Тихон (Лященко) во время одного из молебнов в марте 1927 года не только молился за Царскую семью, но и заявил, что ему понятны надежды тех, кто верит в ее спасение, причем такую надежду выразил и сам².

Неудивительно, что такие настроения способствовали появлению самых разных слухов. То тут, то там появлялись сведения о «чудесно спасшемся» царевиче Алексии или царевнах, скрывающихся в России у надежных людей. Как это всегда бывает, информация поступала из «абсолютно достоверных источников».

Генерал А. А. Брусилов, например, признавался в мемуарах, что осенью 1924 года он поддался на такую провокацию со стороны психически больного человека. Не веря пришедшему к нему крестьянину, заявившему, что ему известно место, где живут царевич и две царевны, Брусилов, тем не менее, очень хотел, чтобы все это было правдой. «Я, – вспоминал полководец, – <...> сильно надеялся, что это и есть Алексей Николаевич и что мы переправим его за границу, все создадим для свержения захватчиков – наглецов, царящих произвольно на Руси»³.

Представляется вполне естественным, что сведения о «чудесно спасшейся» Царской семье проникали и в эмиграцию, в том числе и к архиепископу Серафиму. Во всяком случае, известно, что в декабре 1927 г. архипастырь направил в Архиерейский Синод письмо о судьбе императора Николая II⁴.

Надо обратить внимание, что до 1927 года в действиях епископа Серафима не было никаких нарушений. Согласно постановлению Архиерейского Синода от 9 сентября 1926 г., священнослужителям разрешалось служить молебны о здравии и спасении Императора Николая II⁵. Что касается архиереев, то им такие молебны запретил служить только Архиерейский Собор 1927 года⁶.

¹ Деяния Русского Всезарубежного Собора... С. 48.

² Кольберг А. К статье «Стыдное дело» // Церковные ведомости. 1926. № 9 – 10. С. 12.

³ Брусилов А. Мои воспоминания. М.: РОССПЭН, 2001. С. 329 – 331, 333.

⁴ ГА РФ. Ф. 6343. Он. 1. Д. 95. Л. 3.

⁵ ГА РФ. Ф. 6343. Он. 1. Д. 83. Л. 3 об.

⁶ ГА РФ. Ф. 6343. Он. 1. Д. 2. Л. 92.

Тем не менее, в душе архиепископа Серафима, по-видимому, теплилась надежда на то, что Царь жив. Во всяком случае, в книге «Русская идеология» архиепископ, говоря о преступлении русского народа перед Царской семьей, говорит только о великих нравственных страданиях, на которые ее обрекли, и ни слова не говорит о ее убийстве¹. Такую надежду питали и другие эмигранты, в том числе и члены Архиерейского Синода РПЦЗ. Хотя о Царской семье все чаще говорили, как о мучениках, в Русской Зарубежной Церкви все же не спешили совершить над Царственными страстотерпцами чин погребения. Так Архиерейский Собор РПЦЗ 1936 года отказался отпевать Царскую семью, объяснив это тем, что часть дома Романовых продолжает надеяться на ее спасение². И только Архиерейский Собор 1938 года предписал совершить отпевание Царской семьи в воскресенье 14 ноября 1938 года³. Наверное, только тогда архиепископ Серафим окончательно смирился с гибелью Императора, во всяком случае в 1940 годы иерарх говорил о Царской семье, как об убиенной. «О Царе, – вспоминает П. Петков, – владыка всегда говорил с большим уважением, а о расстреле Царской семьи не мог говорить без глубокого волнения»⁴.

Возвращаясь к «Русской идеологии» архиепископа Серафима, следует сказать, что принцип государственного устройства, предложенный им, может показаться невыполнимым, вызовет горькую усмешку у одних и снисходительную – у других. Однако представляется, что труд, предпринятый святителем, не является тщетным и неактуальным. Архиепископ Серафим начертал идеальный образ государственно-церковных взаимоотношений, воплощение которого нереально лишь в настоящих условиях. Но история знает немало неожиданных поворотов и нам не дано знать, какую роль еще может сыграть «Русская идеология» архиепископа Серафима. Однако, в любом случае, образ, начертанный архипастырем, представляется прекрасной путеводной звездой к предсказанной Богом Филадельфийской церкви (Откр. 3, 7 – 13).

¹ Серафим (Соболев), архиеп. Русская идеология. С. 101.

² ГА РФ. Ф. 6343. Он. 1. Д. 15. Л. 6.

³ Хлеб Небесный. 1938. № 12. С. 39. Известно также, что 17 июля 1968 г. в день 50-летия со дня убийства Царской Семьи в разных храмах Русской Зарубежной Церкви было совершено торжественное отпевание Царской Семьи. См.: *Отпевание убиенной Царской Семьи // Церковная жизнь*. 1968. № 11 – 12. С. 30; *Храм-памятник* в Брюсселе (Документальная хроника). М.: Паломник. Град Китеж., 2005. С. 149 – 151.

⁴ Из устного сообщения П. И. Петкова автору 13.03.2009.

«БЫТЬ В ДУХОВНОМ ОБЩЕНИИ – САМАЯ БОЛЬШАЯ РАДОСТЬ В ЖИЗНИ»

БЕСЕДА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА «ДС» АРХИМАНДРИТА
ГЕОРГИЯ (ШЕСТУНА) С ПРОТОИЕРЕЕМ АНДРЕЕМ СОММЕРОМ

Сначала предыстория. Мы с нашим владыкой, митрополитом Самарским и Сызранским Сергием, паломничали в октябре этого года на Святую Гору Афон, и вот, когда мы были в монастыре Ватопед за трапезой, за одним столом сидело несколько человек, среди которых батюшки из Америки – отец Андрей Sommer из Нью-Йорка и отец Иоанн из Вашингтона, были и сербы, и представители Африки. Так что на Горе собирается весь православный мир. Мы разговорились, интересно ведь, как живут православные на разных континентах, в разных странах. Попросили мы батюшку из Америки немножко рассказать о себе: где он родился, жил, учился, как в Америку попал или уже там и родился? Мы различаем два понятия – родина и отечество. Некоторые иммигранты говорят, что для них Россия – это отечество, а, например, Франция или Америка – родина. То есть родина – это место, где мы родились, а отечество – где родились и жили наши отцы. Так для вас Америка – это родина или отечество? И что для вас Россия – родина или отечество?

– Начну с того, что меня зовут, как вы уже сказали, протоиерей Андрей Sommer¹ – я ключарь синодального собора Курской-Коренной иконы Божией Матери «Знамение», служу при митрополите Иларионе², первом иерархе Русской Зарубежной Церкви в Нью-Йорке где заседает наш Архиерейский Синод в главном соборе Русской Зарубежной Церкви. Я заместитель председателя синодального молодежного отдела Русской Зарубежной Церкви, где руковожу молодежным отделом. После примирения³, слава Богу, нам удалось ввести совместные молодежные проекты с Россией и с молодежью за рубежом.

¹ Протоиерей Андрей Sommer – заместитель председателя Синодального отдела по работе с молодежью Русской Православной Церкви Заграницей.

² Архиепископ Иларион (Капрал) был избран 12 мая 2008 г. первоиерархом РПЦЗ с возведением его в сан митрополита.

³ Имеется в виду восстановление канонического общения Русской Православной Церкви и РПЦЗ, Акт о котором был подписан в Храме Христа Спасителя 17 мая 2007 года Святейшим Патриархом Алексием II и митрополитом Лавром.

Я родился пятьдесят лет тому назад на Воздвиженье в Калифорнии, в пригороде Сан-Франциско, где находятся нетленные мощи святителя Иоанна Шанхайского. Бабушка и дедушка мои родились в России, а родители – в Китае. Они знали святителя Иоанна Шанхайского, знакомство с ним продолжилось и в Сан-Франциско.

– **То есть бабушка и дедушка ушли из России в Китай?**

– Да, они вместе со многими русскими беженцами попали в Китай, из Китая в Америку. Я родился в Калифорнии, жил там. Вырос, можно сказать, в приходе Всех святых, в земле Русской просиявших. Мои родители, как и все эмигранты из России, стремились сохранить за границей православную веру и русскую культуру, свое наследие. И решающую роль в этом сыграло наше участие в приходской жизни. Возникали приходы, строились соборы, но главное, что жизнь продолжалась за рубежом в русском духе. Я ходил в две школы – по утрам в американскую, а по вечерам в русскую гимназию при нашем приходе, где изучал русский язык, историю, культуру, Закон Божий, конечно, церковно-славянский язык, пение на протяжении шестнадцати лет. Закончил я также нашу единственную русскую православную семинарию в Америке, в Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле. Там жил наш митрополит Лавр, который, как всем известно, принимал содействие в подписании Акта с Патриархом Алексием II.

Вы затронули вопрос о родине и отечестве. Скажу, что многие русские эмигранты, которые собрались в Америке в пятидесятые годы, все-таки надеялись вернуться в Россию, когда Советский Союз закончит свое существование, надеялись, что все вернется на круги своя, они жили этой мечтой. И несмотря ни на что наши родители очень строго следили, чтобы мы воспитывались в русском духе. В доме у нас запрещалась английская речь, дома мы говорили только по-русски, без чего мы бы не могли сохраниться как русские, потому что вера, язык, обычаи – это наши корни. Но сказать, где наш дом – тоже очень сложно; тогда, в пятидесятые годы, эмигранты были очень благодарны, что Америка приняла их, когда многие уже отказывались принимать русских, которые в беженских лагерях прошли такие испытания... Но вот уже третье поколение выросло вне России, а все-таки чувствуется, что Россия – это духовная часть нашей жизни. У меня лично двойное гражданство. Я, по указу Владимира Владимировича Путина, получил российский паспорт. У меня и российский паспорт, и американский, и, конечно, я себя считаю русским, пусть и живущим в Америке. Вот, примерно так это можно объяснить. Я, конечно, стараюсь как можно чаще ездить в Москву и дру-

гие края России, но не как частное лицо, а с молодежными программами. У нас велись разные совместные программы с молодежью в России, мы жили и работали на Соловках, бывали в Петербурге, Курске, Екатеринбурге. Посещали разные края России, чтобы ознакомить нашу молодежь с ее корнями, а молодежи России открыть, что эмигранты смогли сохраниться в рассеянии как русские лишь потому, что полагали церковь центром своей жизни. Приход – это особый мир, та ключевая цепочка, которая всех связывала, все сословия русских эмигрантов объединял приход, церковь – это было самое главное звено, благодаря которому эмиграция сохранила свое наследие.

– **В общем, наш дом – это Православная Церковь.**

– Да.

– **Который одновременно является и родиной, и отечеством ...**

– Все объединяет. Да.

– **Вы, конечно, от родителей, от бабушек и дедушек своих слышали о России, думали о ней, читали, смотрели, мечтали побывать здесь. И когда сбылась ваша мечта, вы приехали в Россию, какие впечатления были у вас в первый раз? Или, может быть, разочарования?**

– Конечно, я был воспитан в русском духе, и русскую историю очень хорошо знал, а первое впечатление о Москве, о России – что это, все-таки, святая страна. Это было именно мое первое впечатление – Святая Русь. Храмы, мощи, иконы – все доступно. В первый раз я приехал в Россию около шестнадцати лет тому назад. Конечно, после этого были другие поездки, другие впечатления, но самое первое – что это страна, пропитанная мученической кровью.

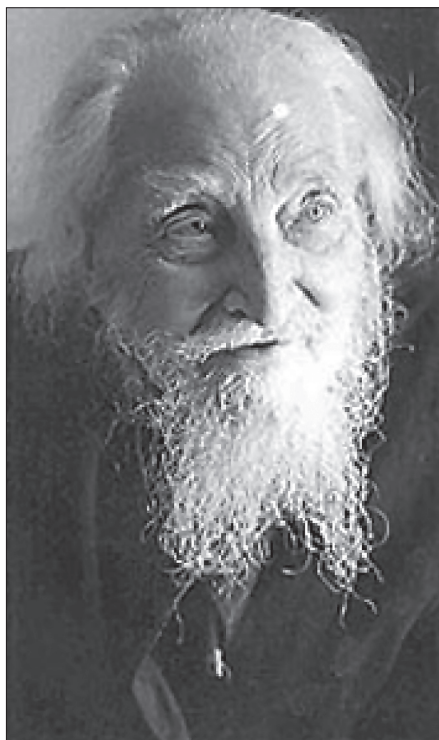
– **Потом вы поездили по всей стране, вы ведь еще несколько раз в России были?**

– Да, удалось познакомиться с людьми, понять их переживания, постигшие их в жизни трудности. Мы жили разрозненно, все эти годы холодной войны просто не могли общаться. И только гораздо позже появилось понятие о тех переживаниях и утратах, которые русские перенесли в советское время, в гражданскую войну, во вторую мировую войну. Чем больше мы общались, знакомились с людьми в России, тем больше понимали, что здесь были святые священники, которые под гнетом власти продолжали делать свое пастырское дело, выполняя свой долг перед Богом. И перед нами во всей полноте раскрывался подвиг русского священства.

– **Хочется все же поподробнее узнать о годах вашего обучения в семинарии. Ведь, я думаю, там известные люди преподавали, богос-**

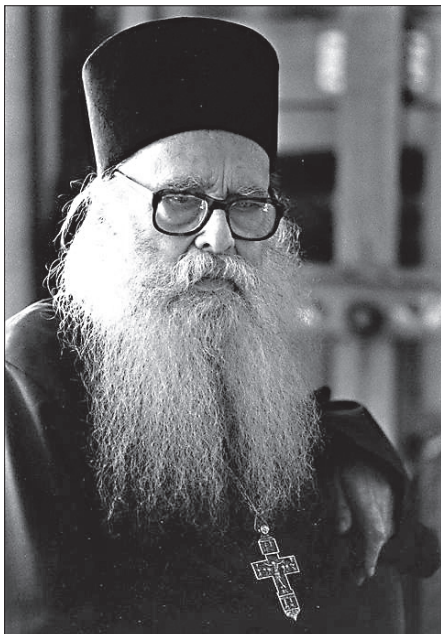
ловские труды которых сейчас в России очень активно изучаются, а вы видели их воочию, слушали их лекции... Одно дело читать статьи, книги, – другое дело – знать их, слышать, как говорят, общаются эти, известные всему православному миру, преподаватели.

– Скажу, что я учился в семинарии в восьмидесятые годы. В то время семинаристы жили при монастыре, несли клиросное и другие послушания. Семинария была частью монастырской жизни, мы жили в монастырской обстановке пять лет. В пять часов утра полунощница, молитвы, после литургии на учебу в семинарию, после обеда послушания, вечером уроки. И так пять лет каждый день. Это не просто обучение, это особое воспитание при монастыре. Митрополит Лавр тогда был архиепископом, а ректором стал с 1976 года. Он каждый день бывал на литургии, на всех службах, несмотря на многочисленные обязанности. Архиепископ Лавр преподавал у нас каноническое право, патрологию, догматическое богословие. Я уже не застал его как преподавателя, но мог общаться с таким известным богословом, как протопресвитер Михаил Помазанский¹, автор «Православного догматического богословия», иконописцем

Протопресвитер Михаил Помазанский

¹ Помазанский Михаил Иоаннович (7. 11. 1888 – 4. 11. 1988) родился в семье священника Волынской губернии. Окончил Волынскую Духовную семинарию и Киевскую Духовную академию со степенью кандидата богословия, преподавал в Калужской Духовной семинарии, в 1920 г. эмигрировал в Польшу, где до 1936 г. преподавал в Ровенской гимназии. В 1936 г. рукоположен во священство митрополитом Варшавским Дионисием. Был помощником настоятеля Варшавского кафедрального собора, епархиальным миссионером, редактором журнала «Воскресное Чтение». В 1938 г. – протоиерей. В 1944 г. эмигрировал в Австрию и принят в юрисдикцию Русской Зарубежной Церкви. С 1947 по 1949 год был помощником настоятеля Свято-Николаевской церкви в Мюнхене, редактором «Церковной Жизни» и председателем епархиального миссионерского комитета. В 1949 г. переехал в США, был профессором догматического богословия в Троицкой Духовной семинарии в Джорданвилле, проректором той же семинарии, секретарем учебного совета РЗЦ, протопресвитером (1962 г.).

Архимандрит Киприан (Пыжов)

Архимандрит Константин (Зайцев)

архимандритом Киприаном (Пыжовым)¹, который расписывал все большие храмы за рубежом. К сожалению, я не застал архиепископа Аверкия (Таушева), архимандрита Константина (Зайцева)². Это не просто – учиться в семинарии. Весь дух православный исчерпываешь от преподавателей, каждый день слышишь Жития святых в трапезной. Это все было частью воспитания священника за границей. Вот наша семинария.

¹ Архимандрит Киприан (Пыжов Кирилл Димитриевич) (1904 – 2001) родился в дворянской семье, сын земского начальника. В 15 лет поступил в Добровольческую армию в Крыму, эмигрировал через Галлиполи в Болгарию, окончил Александровское военное училище, переселился в Париж, где учился рисованию, а также иконописи. Переехал в Ниццу, где стал духовным сыном о. Александра Ельчанинова. Состоял в юрисдикции РЗЦ, в 1937 г. пострижен в монашество, в 1938 г. – иеродиакон, в 1940 – иеромонах. В 1946 г. переехал в США и принят в братию Троицкого монастыря в Джорданвилле. Профессор Троицкой Духовной семинарии, архимандрит, автор росписи храмов монастыря в Джорданвилле, храмов-памятников в Брюсселе и в Джаксоне, церквей в Люксембурге, Ладомирово и других.

² Архимандрит Константин (Зайцев Кирилл Иосифович) (1887 – 1975) – окончил Санкт-Петербургский университет, после революции эмигрировал в Прагу, состоял в юрисдикции РЗЦ, в 1934 г. уехал в Харбин, был ректором Харбинского педагогического института, профессором Харбинского Свято-Владимирского богословского института, с 1944 г. – диакон, овдовев, принял священство в 1945 г., рукоположение совершил архиепископ Шанхайский Иоанн (Максимович). В 1948 г. переселился в США, поступил в братию Троицкого монастыря в Джорданвилле и пострижен в монашество. С 1954 г. архимандрит, профессор на кафедре канонического права и пастырского богословия в Троицкой Духовной семинарии в Джорданвилле, редактор журнала «Православная Русь» с 1949 по 1975 гг.

Тайная вечеря. Икона архимандрита Киприана (Пыжова) из трапезной Свято-Троицкого монастыря. Джорданвилль

– Мы поминаем в наших монастырях владыку Лавра, потому что он совершил духовный подвиг, подписав Акт об евхаристическом общении. Легко ли ему это было сделать?

– Я лично могу об этом сказать, потому что работаю в нашем административном центре в Архиерейском Синоде и участвовал в этом самом процессе. Многие осуждали митрополита Лавра, говорили, что еще не время и нужно еще подождать, но владыка продолжал вести эту работу. И мы ему помогали, поддерживали. Он любил Россию, любил русских людей, много путешествовал по России до примирения, чтобы самому увидеть процесс исцеления, который происходил в России в восьмидесятые и девяностые годы. Было ему, конечно, нелегко все это слушать: наши священники ругали его, а он все смиренно принимал и продолжал вести работу, говоря: «На что есть воля Божия, то и будет». А там уже и Архиерейский Синод состоялся после Всезарубежного Собора, на котором

Митрополит Лавр (Шкурла)

священники, архиереи, миряне всего зарубежья, всей нашей Церкви в Сан-Франциско обсуждали всяческие вопросы, все комментировали, добавляли и часто при этом ругали владыку Лавра, а он все спокойно, смиренно принимал, и мы продолжали работать дальше.

– А что же тревожило тех, кто не сразу соглашался на примирение?

– Скажу, что многие еще тогда не осознавали тот факт, что Церковь в России тоже вела борьбу, о которой мы мало знали. И многие наши батюшки, многие эмигранты, которые пережили исход, трудно шли на примирение.

– У вас было такое ощущение, что в Советском Союзе не может быть свободной Церкви, да?

– Да-да.

– То есть все священники у нас агенты какие-то?..

– Считалось, что все они КГБисты. А вот когда знакомишься поближе, путешествуешь, перед тобой раскрывается то одно, то другое. Вот там, например, батюшка всю свою жизнь отдал работе, был нищим, а все-таки окормлял свою паству в советское время, а мы этого ничего не знали, только через западную прессу изредка что-то перепало.

– На самом деле очень было не просто, потому что и уголовное преследование могло быть за проповедь.

– Да-да...

– И дети могли не получить образование, если это дети священника. И всевозможные ограничения существовали. И лишенцами были, и в выборах участвовать ни в каких не могли.

– Многие из нас и не знали этого, не понимали. Другие так много сами пережили, что им было просто трудно согласиться с самим фактом примирения. А владыка Лавр, как добрый пастырь, совершил это дело.

– Да, и ведь главное то, что небольшое и требовалось: вместе молиться, быть в евхаристическом общении. Вопросы, конечно, имуществен-

ные могли подниматься, монастырские... И здесь, я думаю, сказалась мудрость наших предстоятелей: и Патриарха Алексия, и владыки Лавра. Они даже не затрагивали имущественные вопросы. Они сказали: «Для нас главное – восстановить евхаристическое общение». И то, что сейчас мы можем служить, молиться, причащаться вместе...

– Это самая большая радость, батюшка. Это самая большая радость в жизни – быть в духовном общении.

– То есть соединение во Христе произошло.

– Да.

– Вот это и важно, потому что это самое главное.

Вы уже посмотрели на нашу приходскую жизнь, видели, как батюшки служат, как в монастырях наших трудятся, молятся: есть ли какие-то особенности в жизни приходов и служении наших священников за рубежом? В частности, в Америке.

Как с прихожанами работают вне службы?

– Большинство наших батюшек после службы не убегают, не уходят, не прячутся, – они именно общаются с прихожанами после каждой службы. Почти в любом приходе традиционная чашка чая для прихожан, батюшка с ними сидит, беседует, – так на каждом приходе. Такое в России почти не наблюдается. Думаю, что очень важно общение после службы. Еще сохранилась за рубежом интересная традиция после водосвятия обходить с крещенской водой и освящать дома прихожан. Это дает особую возможность священнику не только беседовать за чашкой чая, но и побывать дома у прихожан, ближе пообщаться, увидеть обстановку: есть ли иконы, как люди живут, наставления какие-то подать, если есть дети, поинтересоваться, как их воспитывают. Если каждый год использовать такую возможность, то эта хорошая традиция принесет свои плоды.

– Да, я какое-то время жил в Берлине, и мы ходили молиться в Покровский храм, устроенный в помещении бывшего детского сада, где служили с отцом Андреем, вашим тезкой...

– Я знаю его.

– Вот. И попали на Покров, престольный праздник. Приехал владыка Марк¹. Мы были после подписания Акта о каноническом общении одни из первых священников, которые там служили. Настороженно прихожане к нам отнеслись, очень настороженно. Надо сказать, что эта традиция чаепития на самом деле очень сближает, как и беседа. Но приходы там небольшие.

¹ Архиепископ Берлинско-Германский и Великобританский Марк (Арндт).

Архимандрит Георгий (Шестун) с протоиереем Андреем Соммером (слева). Афон. 2016 год

– Да, небольшие.

– А у нас, бывает, на Пасху, например, или на Крещение столько народу, что весь день только за святой водой стоят, такие громадные очереди.

– Да-да...

– На праздники у нас на службе присутствует триста, четыреста, пятьсот человек...

– Да-да, масштабы совсем другие.

– Да. Но у нас три категории есть, – прихожане, прохожане и захожане. И поэтому у каждого священника имеется круг прихожан, которых он окормляет. Люди знают, когда он исповедует, вопросы ему задают, благословение берут по телефону, то есть такое близкое общение существует, но вот чай пить после каждой службы...

– У нас в приходе есть сестричество. Это прихожанки, которые готовят чашку чая, обеды. Есть и братства. Братства не монашествующие, а из мирян, которые следят за обстановкой, хозяйством храма, помогают как волонтеры. При приходах у нас существуют детские школы. Там

не только Закон Божий, но и русский язык, и что-то еще преподается. И, знаете, у нас тоже стали появляться прихожане, захожане и...

– И прохожане...

– Да, к сожалению, и прохожане у нас тоже бывают. Потому что, начиная с девяностых годов, очень много русских приехало в Америку, и этот исход продолжается и сейчас. А мы, как ловцы человеков, стараемся их привлечь. Мы видим, что люди иногда заходят в храм, – в Манхеттене я каждый день слышу русскую речь. И поневоле думаешь: «А куда же они ходят на службу?» Если бы все русские, живущие в Нью-Йорке, посещали богослужения, то наши храмы просто не вместили бы всех...

– Я думаю, поскольку эта эмиграция многонациональна, люди могут ведь и мечеть посещать, и синагогу, не только наши храмы...

– Нет, большинство из них крещеные, православные.

Для меня побывать на Афоне – большая радость, я уже много лет мечтал сюда приехать, и вот решил осуществить заветную мечту в день своего пятидесятилетия. Матушка моя считает, что в этом есть что-то странное, что лучше было бы большой прием сделать. А я вот решил на Афоне побывать, – всегда мечтал.

– Вы в первый раз на Афоне?

– Да, в первый раз. Конечно, читал, изучал, готовился к встрече. Побывать на Афоне, особенно в год тысячелетия присутствия здесь русского монашества, для меня это, конечно, большое и радостное событие.

– Какие монастыри вы посетили?

– Я был только в Ватопеде и Пантелеимоновом монастыре, – приехал всего на пять дней.

– Поздравляем вас с юбилеем. Очень рады встрече с вами и благодарим за все, что вы нам рассказали.

– Рад был с вами познакомиться. Спасибо.

НЕИСЦЕЛЕННЫЙ РАСКОЛ РУССКОГО ДУХА

ЦЕРКОВЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В РОССИИ

Русской интеллигенции, ищущей правды, и русскому духовенству, пекущемуся о христианской учености, посвящается...

Вопрос взаимоотношений Русской Церкви с русской интеллигенцией достаточно сложный и, главное, довольно болезненный для обеих сторон. По крайней мере, на него весьма остро реагируют как представители духовенства, так и представители интеллигенции. Более того, на одной конференции, организованной Самарской епархией, даже прозвучала мысль, что Православие и интеллигенция несовместимы, не может быть православного интеллигента. Помню, это показалось мне странным и неправильным, а относительно недавно я осознал, что я и есть этот самый несуществующий православный интеллигент. Более того, нас не то чтобы очень много, но мне есть с кем поговорить о главных проблемах. В плане социальной коммуникации их две. Первая состоит в том, что православные интеллигенты не очень-то нужны Русской Церкви. Нет, конечно, нас с удовольствием привлекают для преподавания в православных гимназиях, училищах, на катехизаторских курсах... Но иногда мне кажется, что это, по большей части, связано с тем, что мы согласны работать за значительно меньшую плату, чем невоцерковленные специалисты. В остальном, вне своей утилитарной функции, православный интеллигент – фигура довольно неудобная для духовенства: он постоянно что-то ищет, хочет понять, соотнести, а порой еще и критиковать начинает. Но самое главное, мало кто может в сегодняшней Русской Церкви сказать, зачем он вообще нужен. Вторая проблема связана с тем, что среди своих собратьев-интеллигентов православный чаще всего оказывается в положении белой вороны, в лучшем случае – странного чудака. Интересная особенность, подмеченная на собственном опыте: в академической и университетской среде достаточно толерантно относятся к христианским убеждениям, как, впрочем, и почти к любым другим. Но вот церковность, а тем паче апология Церкви нередко воспринимаются прохладно, а порой и агрессивно. Мне кажется, дело в том, что воцерковленность – это та черта, за которой, по крайней мере у интеллигента, его убеждения обретают вес и воплощаются в дела.

Это связано с сущностью такой социальной группы, как интеллигенция.

Но что же такое сама интеллигенция? Обратимся к одному из самых глубоких русских православных философов князю С. Н. Трубецкому*. Об интеллигенции он говорит в связи с понятием исторической личности, которая «есть продукт своего общества; она образуется им, проникается его общими интересами. Она представляет его органически, воплощает, сосредоточивает в себе известные его стремления, а постольку может и сознать их лучше, чем другие, и найти путь к разрешению назревших исторических задач»¹. Собственно интеллигенция есть та социальная группа, которая

Андрей Поповкин

видит своим призванием осмысление исторической ситуации своего народа, своей культуры и обладает для этого достаточным уровнем образования. В интеллигенции в наибольшей степени реализовано стремление человека к познанию, к поиску смысла, с древности рассматриваемое как проявление богоподобия. Ценность знания и понимания ради них самих, а не ради извлекаемой из них практической выгоды, стремление сделать свои знания частью народной культуры, донести свое понимание исторической ситуации и положения в обществе до властей – вот ключевые ценности этой социальной группы. Так понимаемая интеллигенция выполняет в обществе очень важную функцию, поскольку «там, где народная интеллигенция не организована или дезорганизована, народное тело может испытывать нужды и потребности, без того чтобы вызвать соответственные действия центральных органов»². Забегая вперед, отмечу, что это справедливо и применительно к властям церковным. Они, конечно, располагают богатейшим эмпирическим опытом жизни народа, собранным тысячами рядовых священников. Но в том-то

* Князь Сергей Николаевич Трубецкой (1862 – 1905) – профессор философии Московского университета, редактор журнала «Вопросы философии и психологии», первый выборный ректор Московского университета. Наиболее значительным его трудом является докторская диссертация «Учение о Логосе в его истории».

и дело, что опыт этот должен быть обобщен, соотнесен с историческим наследием, должен получить осмысление, отделяющее главное от второстепенного... А все это и есть собственная функция интеллигенции.

Почему же в русской истории так сложилось, что две социальные группы – духовенство и интеллигенция, призванные, с одной стороны, вести народ, формировать его духовные идеалы, выступать средоточием его совести, а с другой, доносить до власти живые устремления народного духа, быть опорой в духовном строительстве нации, – оказались в оппозиции друг другу, колеблющейся от тихого игнорирования до яростной вражды? К сожалению, история этого противостояния уходит довольно глубоко, и виновны в нем, по-видимому, обе стороны.

Прежде всего, хотелось бы подчеркнуть тот печальный факт, что знание как таковое, вне его практической применимости, не рассматривается большинством современного духовенства как ценность. Такое отношение сложилось не вчера. Как пишет замечательный специалист по истории Русской Церкви А. В. Карташев, «к грамотности, в конце концов, и свелось все наше русское просвещение за целый ряд веков. Вина такого печального результата широких начинаний св. кн. Владимира падает на нас самих; очевидно мы сами были неспособны заинтересоваться наукой и упустили это сокровище, предложенное нам греками, из своих рук»³. Историк указывает, что угасание интереса к наукам стало заметно еще в домоногольский период. Разорение же, принесенное на Русь монголами, самым пагубным образом сказалось на духовном образовании. Нельзя не отметить и деструктивную роль раскола Русской Церкви, произошедшего при патриархе Никоне, ведь в старообрядчестве ушло много книжных людей. И многие старообрядческие общины до наших дней сохранили в своей среде трепетное, уважительное отношение к книгам. Начавшийся было в конце XIX века в духовных академиях интеллектуальный расцвет нашей Церкви был оборван Революцией и «философскими пароходами»*, разлучившими русскую православную интеллигенцию с ее народом, с питательной почвой русской культуры. Советский период тоже не способствовал развитию духовного образования и уж тем более богословской науки. И до сих пор наша Церковь прилагает немалые труды, чтобы не просто восстановить духовное образование, но понять, каким оно собственно должно быть как по форме, так и по содержанию.

* «Философские пароходы» – собирательное название двух рейсов немецких пассажирских судов Oberbürgermeister Naken (29 – 30 сентября 1922 г.) и Preussen (16 – 17 ноября 1922 г.), доставивших из Петрограда в Штеттин (Германия) более 160 насильственно высланных из СССР представителей интеллигенции, включая многих известных философов и мыслителей (Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, И. А. Ильина, С. Е. Трубецкого и других).

Формирование интеллигенции как особой социальной группы, на-верное, можно отнести к эпохе, начало которой положили реформы Петра I. Именно тогда началась стремительная секуляризация русской культуры и появилась прозападная интеллигенция. Тем не менее, в своих истоках русская наука, а значит, настоящая русская интеллигенция не просто мирно сосуществовала с Русской Церковью, но последнюю можно назвать «повивальной бабкой» русской науки. Ведь именно Церковь поставляла первых учителей Славяно-греко-латинской академии*, всемерно заботилась и несла бремя по управлению ею. Тем не менее, разрыв между Церковью и русской интеллигенцией накануне 1917 года был просто колоссальным. Наиболее трагичным представляется то, что Церковь, обладая на тот момент немалыми финансовыми и организационными ресурсами, не смогла или не захотела выступить объединяющей платформой для здоровых сил русского консерватизма, представленных, прежде всего, славянофилами. И если буржуазно-либеральная и социалистически настроенная части русской интеллигенции к 1917 году успешно образовали влиятельные политические объединения, то силы, стоящие на стороне традиционных ценностей русской культуры и Православия, оказались разобщены⁴.

Как показала история советского периода, интеллигенция, «освобожденная» от соперничества с Церковью, претендуя на роль «совести нации», оказывается одной из самых разрушительных социальных групп. С понятием интеллигенции у нас до сих пор часто сочетается эпитет «паршивая», а порой, как сказал один священник, «вонючая», одним словом, что-то с ней не то. Возможно, за этими нелестными эпитетами стоит ощущение некоей опасности, исходящей от интеллигенции для общества. Ведь именно советская интеллигенция породила диссидентов и участников ельцинской революции, которую одно время даже называли «революцией завлабов». Можно вспомнить и о национальной интеллигенции союзных республик, чьи безответственные культурно-исторические фантазии привели к кровавым столкновениям на национальной и религиозной почве вслед за развалом СССР, что мы имеем возможность видеть сейчас на Украине. Кто как не украинская интеллигенция обеляет украинский национализм и забивает народу голову сказками о западном счастье? Не сильно отстают от нее и российский «креа-

* Основателями Славяно-греко-латинской академии были братья Лихуды: иеромонахи Иоанникий (1633 – 1717) и Софроний (1652 – 1730), греки по национальности, потомки византийского княжеского рода. Образование они получили в Греции, затем в Падуанском университете. Когда в России было решено открыть высшую школу, царь Феодор Алексеевич просил восточных Патриархов о присылке в Москву православных искусных учителей. Патриархи указали на Лихудов, которые и прибыли в Россию в 1685 году.

тивный класс», претендующий на право безудержного самовыражения, желательно финансируемого государством. Таким образом, ясно, что хотя интеллигенция, безусловно, способна привести в движение духовные силы народа, но результаты ее усилий не всегда положительны.

Применительно же к русской интеллигенции, причина ее возможной деструктивности кроется еще и в особенностях культуры русского народа, который за века своего противостояния то Востоку, то Западу ясно осознал, что русскость может быть реализована лишь в России. Иными словами, русская культура теснейшим образом сопряжена с русской государственностью. По этой причине противостояние русскому государству почти всегда и у всех (хоть иностранцев, хоть граждан России) скатывается в русофобию – ненависть к русским как к народу. И здесь интеллигенция ходит порой по тонкой грани: с одной стороны, она может и должна, поддерживая власть, помогая ей советом, честно говорить об ошибках и просчетах, иными словами, всячески стремиться ее улучшить, но с другой – если это стремление к улучшению чреват революционным порывом сменить это государство (в смысле устройства власти) на другое, то опасность формирования русофобских тенденций возрастает многократно. Мы все недавно наблюдали «эволюцию» свежейиспеченного нобелевского лауреата С. Алексиевич: ее книги, выражавшие и, может быть, даже осмыслявшие страдания народа, пережившего войну, сменились речами, наполненными ненавистью к этому народу. Возможно, указанная опасность, исходящая от интеллигенции, подспудно ощущается остальными социальными группами русского общества и ставит интеллигента в положение субъекта подозрительно, а уж если он критикует власти – то и подавно.

Но зададимся вопросом: нуждается ли Русская Церковь в интеллигенции? Может, последняя – лишь некий суррогат духовного содержания? В поисках ответа обратимся к Священному Преданию. Один из отцов Церкви, Григорий Богослов, так начинает свое Слово 25: «... буду хвалить Философа* (ибо и это есть знак любомудрия); и поступлю весьма справедливо. Ибо он Философ, а я служитель мудрости; почему мне и прилично хвалить его, чтобы доказать свое любомудрие, если не другим чем, по крайней мере, удивлением Философу. А по моему рассуждению должно или самому любомудрствовать, или уважать любомудрие, если не хотим совершенно лишиться вся-

* Речь в слове 25 идет о философе Ироне, который пострадал от ариан за Православие: был сечен и осужден на изгнание. Ирон был циник, отсюда далее св. Григорий Богослов уподобляется его псу в смысле «страж, слуга», поскольку «циник» с древнегреческого переводится как собака.

кого добра и подпасть осуждению в неразумии; тогда как мы одарены разумом и посредством слова течем к Слову». В том же Слове 25 святитель уподобляет философа псу «за дерзновение, не за ненасытность, не за то, что ограничиваешься насущным, не за даяние, но за сбережение доброго, за неусыпность в охранении душ, за то, что ласкаешься ко всем, которые тебе – свои в добродетели, а лаешь на всех чужих»⁵. Метафора мне кажется весьма символичной и применимой к нашей проблеме. Если мы посмотрим на Русскую Церковь как на пастыря русского народа, то понятно, что пастуху требуется ясно понимать, по какой территории он ведет свое стадо, какие опасности и препятствия тут есть и, конечно, требуется сторож на первом рубеже обороны от волков – собака. То есть интеллигенция нужна Церкви именно как интеллигенция: дерзкая в своем осмыслении и исследовании, не стесняющаяся укусить «волка», даже если он в овечьей шкуре или в одежде пастыря. Ибо, как сказал протоиерей Валентин Свенцицкий*: «Всякий грех в Церкви есть грех не Церкви, но против Церкви»⁶.

Не менее важно и то, что для Григория Богослова любомудрие, то есть любовь к познанию ради него самого, стремление понять смысл жизни и окружающего мира сродни тому, что он называет служением мудрости – служению Христу, в котором «посредством слова течем к Слову». Есть множество мест, где православная интеллигенция могла бы послужить делу Церкви – это, в первую очередь, катехизация, ведь в истории Церкви именно катехизаторские школы, где вместе трудились священники и философы, стали истоком школ богословских. Не меньшие по важности задачи – это осмысление святоотеческого наследия применительно к «зlobe дня», прояснение православной сакраментологии, миссия в университетах и научных учреждениях (которая в данный момент практически на нуле, если говорить об ученых и преподавателях) и т.д. И, наконец, в современном постиндустриальном обществе отчетливо прослеживается диссонанс реальных условий жизни, особенно в крупных городах, и того образа жизни, который берет в качестве идеального Русская Православная Церковь. По сути, это крестьянский образ жизни, причем

* Протоиерей Валентин Свенцицкий (1879 – 1931) – духовное чадо оптинского старца Анатолия (Потапова). В 1917 г. был рукоположен во священство митрополитом Петроградским Вениамином (Казанским) и до 1919 г. служил военным священником в добровольческой армии А. И. Деникина. С 1922 по 1925 гг. за борьбу с обновленчеством отбывал ссылку в Таджикистане. С 1927 по 1931 г. отбывал ссылку в Сибири за открытую оппозицию митрополиту Сергию (Страгородскому), которому перед смертью написал покаянное письмо с просьбой принять его под свой омофор, к чему призвал и всех своих духовных чад. Скончался 7/20 октября 1931 г. в деревушке под Тайшетом. Через месяц его нетленные останки были доставлены в Москву.

века так XIX: предельно простой быт многодетной семьи, обогащенный разве что радиоприемником, из которого доносятся передачи студии «Радонеж». А ведь крайне важно, с точки зрения евангельской проповеди современному человечеству, явить миру христианский образ жизни человека умственного труда: ученого, философа, инженера и т.п. Подобно тому, как был христианизирован в образах святых-воинов ратный труд, в образах святых князей – труды правителя и т.д. Конечно же, это возможно лишь при условии, что сама наука и познание будут осмыслены Русской Церковью как христианские ценности.

Что же еще нам нужно для воцерковления интеллигенции? На что опереться в этом нелегком деле? Ответ, как мне кажется, можно найти в самом противостоянии духовенства и интеллигенции. Точнее, в тех упреках, которые бросает интеллигенция Церкви. Как ни странно, при всей уродливости этих нападок (как по форме, так и по содержанию), в них видится и зародыш здорового нравственного чувства. По всей видимости, идеалы святости, нравственности, нестяжательства, служения по-прежнему связываются с Русской Православной Церковью. Много хуже было бы равнодушие современной российской интеллигенции к Церкви. Это дает нам надежду, но, с другой стороны, и возлагает на нашу Церковь особую ответственность. Очевидно, что все попытки объяснить, что священнослужители «тоже люди», которым, как и всем прочим, свойственны различные немощи (в том числе душевные и духовные), терпят фиаско. И это неспроста. Очень может быть, что «пес» русской интеллигенции лает на духовенство не всегда попусту. Проблема, о которой мы сейчас говорим, была рассмотрена православным мыслителем С. И. Фуделем: «Если все устремление еретиков первых веков было против богочеловечества Главы Церкви, попыткой умалить или Его Божество, или Его человечество, то внутреннее заражение пороком церковных людей имеет целью показать фактическую неудачу всего Его великого замысла»⁷. Люди так устроены, что им нужен идеал, причем людям неверующим или маловерам он нужен в зримой, осязаемой форме. Поэтому христианин, видя какие-то нестроения в земной Церкви, не впадает в отчаяние, уповая на Христа и Церковь Небесную. Атеист же или маловер, видя малейший промах священника или даже просто нормальную человеческую реакцию на что-либо, раздражается «праведным» гневом, искренне полагая себя обманутым – ведь у него нет ничего, кроме земных, зримых целей и идеалов. Светская интеллигенция здесь не исключение, ведь она – наследница эллинского духа, и значит Христос для нее, по слову апостола

– безумие*, а вот священник и земное устроение Церкви – нечто более-менее понятное.

К сожалению, наша современная российская интеллигенция о Евангельской Вести знает немногим больше греческих философов первых веков христианства. И если духовенство Русской Православной Церкви полагает своей обязанностью исполнить повеление Христа: *Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора, и тех надлежит Мне привести* (Ин. 10, 16), то мне думается, не следует отворачиваться от опыта отцов Церкви, которые, научившись говорить на языке античных философов, не только обрели для Христа многих из них, но и вознесли богословскую мысль на такую высоту, которая ныне многим кажется недостижимой. Возможно, из нового «хождения духовенства в философы» родится нечто иное, но я уверен – не менее чудесное... И главным соратником духовенства в этом деле и в деле пастырском будет православная интеллигенция.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Трубецкой С. Н.* О природе человеческого сознания // Сочинения. М.: Мысль, 1994. С. 559.

2. *Трубецкой С. Н.* Указ. соч. С. 559 – 560.

3. *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви // Собр. соч. в 2 т. М.: ТЕРРА, 1992. Т. 1. С. 256.

4. Подробнее см. *Ульянова Л.* Национальная катастрофа как следствие консервативной междоусобицы // «Русская Idea» сайт консервативной политической мысли. URL: <http://politconservatism.ru/blogs/natsionalnaya-katastrofa-kak-sledstvie-konservativnoj-mezhduusobitsy> (дата посещения 15.10.16)

5. *Григорий Богослов, свт.* Слово 25. В похвалу философу Герону, возвратившемуся из изгнания // Слова (гомилии). Портал Азбука веры. Библиотека святых отцов и церковных писателей. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Bogoslov/slovo/25 (дата посещения 15.10.16)

6. Цит по: *Фудель С. И.* Свет Церкви // Собр. соч. в 3 т. М.: Русский путь. 2013. Т. 2. 448 с. URL: <http://www.rp-net.ru/book/articles/bogoslovie/f-svet-cerkvi.php> (дата посещения 15.10.16)

7. *Фудель С. И.* Указ. соч.

*1 Кор. 1, 23.

Андрей Владимирович Поповкин – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии института истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения РАН.

ТЁТЯ ХРИСТИНИЯ

Яркое апрельское солнце проникло в комнату сквозь легкие занавески, маленькая Олечка проснулась и открыла глаза. Мелодично пробили старинные часы в папиной комнате, служившей гостиной и кабинетом. Олечка, загибая пальчики, насчитала восемь ударов, а потом негромко позвала:

– Бабушка!

Ответа не последовало.

– Бабушка, а бабушка? Где ты?

Опять тишина. Олечка надула губки и хотела заплакать, но вовремя вспомнила, что ей говорил вечером папа. Вчера, во время вечерней молитвы, Олечка капризничала, то и дело дергала Христинию Антоновну и спрашивала, когда же отец закончит читать длинные и непонятные молитвы. Однако баба Христя, всегда такая покладистая и добрая, строго грозила ей пальцем и спокойно отвечала: «Стой и молись. Видишь, бабюшка на тебя смотрит».

Под конец Олечка все-таки не выдержала и расплакалась. Папа дочитал до конца, а потом, посадив Олечку к себе на колени, долго объяснял, что молитва – это разговор души с Богом. Так же, как Олечка не может долго обходиться без еды и воды, так и ее душа не может жить без молитвы. «Представь себе, соберемся мы на твои именины, мама испечет красивый вкусный торт, но попробовать его ты не сможешь, потому что все начнут шуметь, отвлекать тебя, да еще и плакать. Разве тебе понравится такой праздник?»

Олечка живо представила стол с красивым, так любимым ею тортом, апельсинами и газированной водой, – как же будет обидно, если ей ничего не достанется! – и согласилась с папой, что так за столом себя вести нельзя. «Вот так же обидно и твоей душе, когда ты на молитве капризничаешь и отвлекаешь других. Потому что молитва для души – и пища, и питье, без которых она не может обходиться. Понятно?» Олечка утвердительно кивнула и дала обещание папе и бабушке Христе не плакать и не капризничать не только за молитвой, но вообще никогда.

Поэтому сейчас она вовремя сдержала слезы, сама тихонько встала с кровати и надела свою одежду, еще с вечера заботливо приготовленную Христинией Антоновной. Потом прочитала три раза «Богородицу», как учила мама, положила три поклона и побежала через зал в соседнюю комнату.

В комнате без окон, которую все так и называли «темной спальней», лежала бабушка Христя с перевязанной головой и тихонько охала. Олечка испуганно остановилась на пороге и спросила:

– Бабушка, ты чего? Ты заболела, да?

– Ой, доченька, – с трудом ответила Христиния Антоновна, – совсем мне плохо, встать не могу, давление у меня поднялось. А ты, умница моя, не бойся, пойди в папину комнату, перед иконой Божией Матери «Казанской» положи три поклона и помолись за меня. Господь твои младенческие молитвы быстрее услышит, я и встану.

– А что нужно сказать, бабушка? – спросила немного успокоенная Оля.

– Скажи: «Господи, помоги рабе Твоей Христинии! Восставь ее от одра болезни».

Олечка, быстро перебирая ножками, побежала в кабинет, так же быстро совершила три поклончика, произнесла слова молитвы и через две минуты вернулась назад.

– Ну что, бабушка, тебе легче?

– Нет, деточка, еще не совсем. Пойди еще помолись.

Олечка опять убежала, а Христиния Антоновна, преодолевая боль в висках и под левой лопаткой, попыталась встать. Но тут же бессильно упала на подушки, а боль еще мучительнее отозвалась в висках. На этот раз Олечка, придя в комнату, совсем растерялась – да и что взять с четырехлетней девочки! Забыв про свое обещание не плакать, она заморгала часто-часто, но неожиданно пришла помощь. Послышался скрип входной двери, затем раздались шаги по ступеням веранды, и кто-то звонким встревоженным голосом окликнул из прихожей:

– Христиния Антоновна, вы дома? У вас все в порядке?

– Ну вот, доченька, Господь и услышал твою молитву. Я же говорила тебе. Ну перестань плакать. Возьми платочек, вытри глаза, встречай Марию Никифоровну, – облегченно вздохнув, произнесла бабушка Христя.

Олечка радостно выбежала в прихожую встречать гостью. Мария Никифоровна – церковный казначей, свой человек в доме отца Евгения, для нее рано утром специально открывали калитку, чтобы она могла через двор священника пройти на службу в церковь. И каждое утро, проходя через батюшкин двор, Мария Никифоровна встречала во дворе «батюшкину тетку» – так церковный причт и все прихожане называли Христинию Антоновну. Семья Иноземцевых переехала из Оренбурга еще не в полном составе. Старший сын Николай оканчивал пятый класс, а средняя дочь, Ирочка, третий. На семейном совете было решено: пусть начальную школу дети окончат в городе, а уж потом переедут в Сорочинск. А пока матушка по две недели жила то в Оренбурге со старшими

Сорочинский молитвенный дом во имя Архистратига Михаила и дом священника

детьми, то в Сорочинске с отцом Евгением и младшей Олечкой. В Сорочинске во время отсутствия матушки хозяйствовала тетка, Христиния Антоновна, а Ульяна Антоновна и младшая сестра батюшки Нина Александровна в свою очередь помогали смотреть за детьми и вести дом в Оренбурге. Так продолжалось до 1967 года.

Христиния Антоновна по старой привычке, приобретенной еще в замужестве, когда она жила в Бузулуке в большой семье Кургановых, вставала в пять утра, молилась, топила печки, кормила кур, готовила обед и прибиралась в доме. И когда в восемь утра Мария Никифоровна проходила через двор дома Иноземцевых, Христиния Антоновна, переделав все дела, ждала ее у калитки, ведущей в храм. Они степенно здоровались и, поделившись новостями, обе шли в церковную конторку узнать, как обстоят дела на приходе. Но сегодня, не увидев во дворе свою приятельницу, а над печными трубами дома священника привычного дымка, казначея забеспокоилась, почуввав неладное. И, как оказалось, не зря.

– Христиния Антоновна, родная моя, Господь с тобою, что случилось? – с тревогой спросила Мария Никифоровна, войдя в комнату.

Вскоре весело затрещали дрова в печке, закипел чайник. Баба Маня, как запросто называла ее Олечка, напоила повеселевшую Христинию

Антоновну лекарствами, отваром шиповника с лимоном и усадила за стол пить чай.

Когда отец Евгений вошел в дом, он увидел такую приятную картину: за столом на центральном месте сидела Олечка и с удовольствием ела свежеспеченные оладушки с малиновым вареньем, запивая их чаем из блюда, а обе приятельницы беседовали о чем-то так оживленно, что даже не заметили, как остыл чай в их чашках. Не заметили они и вошедшего батюшку.

– Так-так, мы в храме с ног сбились, ищем мать казначею, скоро плотники за расчетом придут, а она тут чай гоняет, – весело загремел басом отец Евгений от порога.

– Ой, батюшка, простите ради Бога, я тут зашла к Христинии Антоновне, она прихворнула. Без благословения немножко похозяйничала у вас, – от смущения путано объясняла Мария Никифоровна, подходя под благословение.

– Папа, папа пришел! – радостно закричала Олечка, позабыв про оладьи и бросаясь в объятья отца.

– Погоди, доченька, а то весь подрясник мне вареньем изукрасишь! Давай руки вымоем, а потом вы мне расскажете, что тут у вас случилось.

Но Олечка, вспомнив, что она уже большая, сама выразила желание вымыть руки, а потом попросила разрешения пойти поиграть в соседнюю комнату. Христиния Антоновна с казначеей Марией Никифоровной рассказала отцу Евгению об утреннем происшествии. Причем Христиния Антоновна шепотом успела поведать батюшке о том, как Леля (так она называла Олечку) мужественно себя вела и ни разу не заплакала.

– А все твое непослушание, – ласково пожурил тетку священник. – Говорил тебе вчера, не ходи на церковный двор, нагладишься на все, расстроишься, опять с давлением будешь маяться.

– Да как же, батюшка, – не ходи. Весь приход собрался, чтобы супостатам не дать икону с алтарной стены снять, даже хромая Федосья – и та с дальней улицы приковыляла, а я из соседнего двора – и не приду!

Вчера на церковном дворе развернулись «военные события местного значения», как о них впоследствии шутили отзывается отец Евгений.

Когда он только начал служить на приходе, молитвенный дом в Сорочинске мало походил на храм. Это был обычный жилой дом, который освободили от внутренних перегородок, а с восточной стороны пристроили алтарь. С запада, недалеко от входа, поставили небольшую двухъярусную звонницу. Над алтарем, над центральной частью и над звонницей установили небольшие маковки с обитыми жестью крестами. Все постройки были выкрашены голубой краской, которая местами облупи-

Причт молитвенного дома Сорочинска во имя Архистратига Михаила. В центре протоиерей Евгений Иноземцев, справа от него староста храма

лась и выщела. Внутри было тесно и душно. На большие праздники: Рождество Христово, Светлую Пасху и Святую Пятидесятницу, когда приезжали верующие из соседних сел, люди стояли на улице под открытым небом. Летом, в теплую ясную погоду, это было даже приятно, но наступала дождливая осень, а там и зима. Постепенно и причт, и настоятель пришли к выводу, что молитвенный дом нужно расширять. Средства на это были, да и стройматериалы хозяйственный церковный староста Максим Петрович уже потихоньку припас. Заботливо укрытые от посторонних глаз старой жестью и листьями рубероида, лежали на церковном дворе доски и бревна. Все бы ничего, вот только местный уполномоченный ни в какую не соглашался на перестройку.

– Если вы перестроите дом, значит, он уже церковью станет. А у вас в регистрационном удостоверении что написано? Молитвенный дом. Вот и молитесь в доме. А строить – ни-ни. Имейте в виду, и в Сорочинске, и в Оренбурге строго за вами следить будут, – высокомерно глядя на отца Евгения и трех ходоков из церковного совета, отрезал он.

Тогда на собрании церковного совета решили: будем просить разрешения на ремонт, а сами потихоньку выстроим, что надо. Конечно, дело было рискованное, все могло закончиться для священника лишением ре-

гистрации, но вид убогого храма и беспокойство за здоровье прихожан пересилили. Стали просить разрешения на текущий ремонт молитвенного дома. Местные власти нехотя, но все-таки дали разрешение. И вот за месяц упорной работы с привлечением наемных рабочих и добровольных помощников из числа прихожан с молитвенным домом произошли разительные перемены, правда, тщательно замаскированные. Храм по-прежнему венчали три креста, но алтарь вынесли на три метра в палисадник и отстроили в виде квадрата со срезанными углами. Над крышей молитвенного зала возвели настоящий маленький купол с четырьмя оконцами, благодаря чему в центральную часть молитвенного дома падал солнечный свет. С северной стороны, примыкавшей к высокому соседскому забору, сделали пристрой в виде веранды и соединили его большой аркой с молитвенным домом. Теперь пространство внутри церкви увеличилось в полтора раза. Но самой большой переменной в облике храма стала трехъярусная колокольня вместо прежней приземистой звонницы, соединенная с домом крытым переходом, где, как и в помещении под колокольней, могло разместиться не менее пятидесяти человек. Колокольня, пристрой и расширенный алтарь с улицы в глаза не бросались и почти не возвышались над соседними домами. Зато с церковного двора и со двора священника заново окрашенный зеленой краской с голубыми наличниками окон и ставнями молитвенный дом выглядел маленьким уютным деревянным храмиком, сошедшим с литографии начала XIX века. Когда же молящийся заходил внутрь отремонтированного молитвенного дома, он оказывался в настоящем храме. Вместо временного фанерного иконостаса был поставлен деревянный двухъярусный, покрытый золотой фольгой, с новыми, тайно написанными иконами. Появились отделяющая алтарь от молитвенной залы двухступенчатая солея и два клироса, закрытые от прихожан большими иконами, а не плюшевыми занавесками, как раньше.

В пристрое разместился канунный столик, где во время церковных праздников можно было проводить исповедь, не мешая остальным прихожанам. А слева от входа, связывающего помещение храма с колокольней, разместили конторку для старосты и свечной прилавок. Словом, получился настоящий маленький храмик. Два паникадила: одно – под куполом, другое – ближе ко входу, и восемь медных подсвечников, привезенных из Оренбурга, завершали картину.

Когда уполномоченный обнаружил все эти новшества, гневу и возмущению его не было предела.

– Это что еще за самоуправство, Евгений Александрович?! Вам на что дали разрешение? На текущий ремонт! А вы что? Реставрацию-перестройку здесь устроили?! – злобно кричал он на церковном дворе.

– Ты на батюшку не кричи, Иван Семенович, он здесь ни при чем. Его дело служить литургию да проповеди говорить. Он к строительству и отношения-то никакого не имел, даже знать ничего не знал, – выгораживал отца Евгения староста, заслоняя его от наседавшего партийца.

– По новому постановлению мы – церковный причт и совет – хозяйева на приходе, а не священник. Мы, значит, коллективно, без его участия, решение и приняли. Он не знал ничего, – окончательно обезопасил настоятеля и обезоружил не на шутку раскипятившегося уполномоченного староста.

– Ах, вы решили! Вы, значит, коллективизмом меня вздумали объехать?! Да вы знаете, что!.. Да я вас! – задохнулся от ярости уполномоченный.

– Ну, право слово, чего ты кипятиться, Иван Семенович? Из-за чего сыр-бор-то? Подумаешь, на полметра алтарь расширили и на два венца колокольню подняли. Крыша-то там совсем сгнила, могла рухнуть людям на голову. Вот мы в целях безопасности и укрепили. Куполок с окнами – опять же, вдруг кому дурно станет, так окна наверху открываются. Боковой выход во двор и пристрой в целях пожарной безопасности устроен. А площадь молитвенного дома мы не увеличили, сам видишь, – пытался успокоить местного властителя по делам религий Сорочинского района хитроумный и находчивый староста.

Но уполномоченный, разъяренный тем, что его так ловко обвели вокруг пальца, не унимался и решительно требовал разобрать колокольню, а большую икону Архангела Божия Михаила, укрепленную на алтарной апсиде, выходявшей на улицу Чернышевского, снять.

– Вот возьми сам разбери и сними, – не выдержал такого нахальства до того момента старавшийся быть спокойным и тактичным староста, – а я посмотрю, как это у тебя получится.

– Недолго ждать придется! – пригрозил, уходя с церковного двора, уполномоченный.

И вот вчера уполномоченный выполнил свое обещание: на церковный двор явились пятеро горе-рабочих с небритыми и пропитыми физиономиями. Причт и находившиеся в церковном дворе люди тотчас обступили пришедших, всячески отвлекая их и не давая приступить к работе, а несколько бабуть кинулись по дворам собирать народ на защиту храма.

Когда уполномоченный на своем «ГАЗике» подъехал к молитвенному дому, чтобы лично проконтролировать демонтаж колокольни и алтарной иконы, то увидел церковный двор, заполненный народом. Он заволновался, но виду не подал, а решительно подойдя к зажатым в угол рабочим, заявил:

– Почему до сих пор ничего не сделано?! А ну, живо приступайте к работе! Снимайте икону немедленно! – распорядился уполномоченный, картинно махнув рукой в сторону алтаря.

– Ишь ты, какой умный! А ты ее туда вешал? По какому праву снимать собрался? – раздалось из гущи народа. Уполномоченный грозно обернулся, желая взглядом урезонить смельчака, и осекся. На него надвигалась толпа бабушек в передниках и платочках. Впереди всех шла, потрясая клюкой, Федосья Прокофьевна – одна из старейших и самых уважаемых прихожанок.

– Я тебя спрашиваю, ты ее туда вешал? По какому праву безобразничаешь? Думаешь, мы на тебя управы не найдем? – грозно вопрошала она.

– Кому помешала икона? Ты народ-то спросил? Или гордый слишком, чтобы с нами говорить? – кричали из толпы.

Уполномоченный решил не сдаваться.

– А ну прекратить балаган! Где староста?! – прикрикнул он на бабушек.

– А ты касатик, не шуми, не больно-то мы тебя испугались. Ты лучше поговори с народом. Объясни, по какому такому праву ты святыню нашу убрать хочешь? – почти вплотную подошла к Ивану Семеновичу Федосья и, оперевшись на клюку, строго и требовательно смотрела уполномоченному в глаза. Тот невольно отступил и в это время услышал за спиной тихий, спокойный голос:

– И правда, Иван Семенович, чем икона-то вам помешала? Она написана на должном уровне. Колокольню с улицы и не видать вовсе, храм-то в низине, его за крышами домов и не различишь, нужно во двор войти. А наша советская молодежь сознательная, она не то что во двор церковный, ко двору не подойдет. Не правда ли?

Уполномоченный обернулся и оторопел. Перед ним стоял Борис Иванович Шамин, известный в городе и во всем районе человек. Фронтвик, кавалер трех орденов Славы, Почетный гражданин, он пользовался большим авторитетом. С ним нельзя было разговаривать, как с Федосьей.

– Я... Я что же, я ничего. Выполняю распоряжение вышестоящих властей и только, – совсем растерялся уполномоченный.

– А разве есть письменное указание из области или из райкома? – хитро улыбаясь, спросил Шамин.

– Но вы же понимаете ситуацию, Борис Иванович? Вам же не надо объяснять? – попытался выйти из нелегкого положения Иван Семенович.

– Надо, надо, дорогой, и не только мне. Вы всем объясните по-хорошему, в чем провинность, если верующие решили привести в божеский вид нуждающееся в капитальном ремонте строение? – наседали Шамин.

– Видите ли... – начал уполномоченный и вдруг заметил, как его горе-бригада уходит с церковного двора.

С криком «вы куда, вернитесь!» уполномоченный покинул поле сражения. А через час пришел курьер из горисполкома с письменным приглашением, адресованным отцу Евгению, церковному старосте и членам церковного совета, явиться завтра к городским властям для объяснений.

Всему этому и стала свидетельницей Христиния Антоновна, несмотря на просьбы племянника, пришедшая-таки на церковный двор. И без того постоянно переживавшая за батюшку, особенно после его вынужденного перевода из Оренбурга, в этот день она сильно расстроилась, всю ночь не спала, молилась и плакала, а наутро совсем разболелась. Когда утром отец Евгений уходил в церковную конторку, чтобы потом вместе со всеми идти в горисполком, она притворилась спокойно спящей, чтобы он, чего доброго, не заметил ее «болезнь». Но так как скрыть ничего не удалось, то и приходилось теперь, смущенно опустив глаза, выслушивать укоризны и внушения горячо любимого племянника. Чтобы тетя Христя больше не беспокоилась, отец Евгений заверил ее, что все утихомирилось.

На заседании горисполкома присутствовал Шамин, который так мудро повел разговор, что у городских властей не осталось никаких сомнений: «Священник и церковный совет советского законодательства о свободе совести не нарушали», – таково было их постановление. Уполномоченный начал было шуметь по поводу «хулиганских выходов» на церковном дворе, но староста заявил, что сам строго разберется со «смутьянами». На том и порешили.

Отец Евгений ушел в храм готовиться к вечерней службе, Олечка тихонько играла в зале, и Христиния Антоновна окончательно успокоилась. Быстро и привычно приготовила обед, вымыла пол на кухне, прибралась в бане и во дворе, а потом, присев отдохнуть на полчаса перед службой, погрузилась в воспоминания.

В 1921 голодном году похоронила она всю свою семью. Сначала умерли трехлетний сын Коля и годовалая дочь, затем муж и свекор с золовкой. Последней умирала свекровь. Глядя на Христинию, пытавшуюся приготовить похлебку из лебеды, чтобы спасти ей жизнь, свекровь обреченно вздохнула:

«Оставь, Христинушка, Божия воля, не встать мне. А ты живи, доченька, поезжай к брату своему в Башкирию, говорят, там не так голодно». К вечеру она умерла.

Сама Христиния Антоновна выжила благодаря природной выносливости и удивительно здоровому желудку, который, как не раз в шутку говаривала покойная свекровь, пожалуй, и топорище переварит. И действительно, когда у всех домашних от похлебки из лебеды и подсолнечной шелухи пухли животы, Христинии Антоновне было все нипочем, она еще и по дому работала. Похоронив свекровь, Христиния Курганова заколотила ставни и двери дома, служившего ей пристанищем в течение последних семи лет, и поехала в село Раевка Уфимской губернии, где служил священником ее брат, иерей Евстафий Сарлаев. Пятнадцать лет, прожитых вместе с братом, стали для нее после пережитого голода и потери близких самыми счастливыми (не считая пребывания в Оренбурге в семье сестры Ульяны и ее детей). Вместе с отцом Евстафием Христиния трудилась на сельском приходе: помогала читать на клиросе, пекла просфоры для службы, вела нехитрое хозяйство, и иногда ей казалось, что вернулось далекое детство, когда все Сарлаевы жили вместе на родной земле в Белоруссии. Но наступил страшный 1936 год. До этого репрессии, касающиеся духовенства, каким-то чудом обходили Раевку. Местные власти уважали священника и не препятствовали проведению церковных служб. Храм в честь Архангела Божия Михаила был единственным, уцелевшим в округе, и поэтому прихожане (а приход состоял из русских и крещеных башкир) по праздникам буквально переполняли его. В 1933 году отец Евстафий отдал свой дом детям-сиротам из охваченной голодом Украины. Христиния Антоновна перекроила свои платья на детские рубашечки. Все молоко и мед, которые им с о. Евстафием приносили прихожане, она без остатка отдавала изголодавшимся ребятишкам. Сам священник и его сестра, ни минуты не колеблясь, переселились в летнюю кухню, которую утеплили и разделили перегородкой на две крохотные половины. В одной из них, служившей прихожей, кухней и приемной батюшки, на узкой лавочке за печкой размещалась Христиния. Несмотря на тесноту и лишения, о. Евстафий и Христиния Антоновна всегда были со всеми приветливы, их дом был открыт для нуждающихся и днем и ночью.

В начале 1936 года по Башкирии прокатилась волна арестов. Осталось неизвестным, кто донес на отца Евстафия, только в марте он был арестован якобы за участие в контрреволюционном монархическом заговоре и подстрекательстве против проведения коллективизации

в селе. Арест произошел ночью, когда все в округе спали. Видимо, те, кто пришел за священником, боялись, как бы сельчане не вступились за него. Даже вещи и продукты не разрешили взять с собой, сказали, что не понадобятся. Так и вышел о. Евстафий из своего убогого жилища в одном подряснике, успев взять со стола деревянный кипарисовый крест, подаренный старцем Захарией. Рука брата, крепко сжимавшая крест – самое дорогое для священника в тот момент, – так и осталась в памяти Христинии Антоновны.

– Собирайся и немедленно уезжай к Ульяне, – тихо по-польски сказал он сестре.

– Ах ты, контра, еще и не по-нашему лопочешь! Ну, погоди, мы из тебя душу вытрясем! – злобно прошипел один из конвоиров и ударил священника кулаком в спину.

Больше Христиния Антоновна никогда брата не видела. Через три дня она случайно услышала у колодца, будто бы всех, кого арестовали в ту страшную ночь, отправили в ссылку под Магадан. Но шепотом передавали и более страшные вести, что всех арестованных священников, зажиточных крестьян, знатных башкир, чьи отцы именовались нойонами, и представителей мусульманского духовенства расстреляли через день во дворе Уфимского НКВД, а тела зарыли в степи.

В Оренбург уехать не удалось, потому что через неделю, так же ночью, пришли и за ней. После трехдневного допроса и содержания в камере, переполненной «остатками богохранимой России», среди таких же сестер, жен и дочерей священников, купцов и зажиточных крестьян, после трех дней издевательств и побоев ее и еще триста таких же ни в чем не повинных женщин приговорили к пяти годам лишения свободы и каторжных работ в Тюменском крае. О том, как там жилось и что пришлось испытать, она никогда не рассказывала ни сестре Ульяне, ни племянникам, лишь горько вздыхала, если ее об этом спрашивали, и тихо говорила: «Не приведи Господи никому туда попасть».

В 1942 году срок ее заключения закончился, и она простодушно пошла к начальнику колонии для оформления бумаг по освобождению. Хорошо, Господь не оставил, по дороге она встретила заместителя начальника лагеря по продовольственному снабжению, который, зная трудолюбивую честную женщину, доверял ей и даже просил назначить ее на работу в местную пекарню. Узнав, что Христиния Антоновна собирается ехать к сестре в Оренбург, он стал ее отговаривать: «Ты что, новой беды себе хочешь? Идет война. Оренбург – станция узловая, важный стратегический объект, там каждый под особым наблюдением, а у тебя 58-я статья. В деле сказано, я тай-

Митрофорный протоиерей Стефан Акашев, с 1944 по 1970 год служивший в Покровском храме села Платовка, его духовная дочь Христиния Антоновна со своей любимицей – Олечкой Иноземцевой

ком читал, ты польским языком владеешь. Враз шпионаж пришьют в пользу Германии. Погубишь и себя, и сестру с детьми. Оставайся здесь как вольноопределяющаяся. Вот война кончится, все утихнет, тогда и отправляйся в свой Оренбург. А здесь я и работу тебе подыскал, в пекарне.

Так и осталась, уже по своей воле, на постылой сибирской земле Христиния Антоновна еще на пять лет. Лагерное начальство ничего не заподозрило, дав согласие на работу. Как оказалось, начальник по довольственному снабжению был далеко не безкорыстен в своем желании помочь женщине. Имея большую семью, он часто утаивал «излишки» муки, предназначенной для выпечки хлеба для заключенных. Из этих излишков в конце недели Христиния пекла для его детей булочки, которые он, как опытный конспиратор, в портфеле уносил домой. За это начальник разрешал женщине выпекать несколько лишних «кирпичиков», которыми она тайком подкармливала умирающих и больных заключенных в лазарете. Всю свою жизнь Христиния Антоновна каялась и оплакивала этот свой грех.

«Ты ведь не для себя, не для обогащения это делала, не для продажи хлеб утаивала. Скольких людей эти твои кусочки спасли от смер-

ти!» – утешал ее протоиерей Стефан Акашев, в 50-е годы ставший ее духовником. Он сам был репрессирован и выслан из родной Платовки.

Христиния Антоновна и ее начальник ежедневно подвергались смертельной опасности. Однажды в лагерь внезапно нагрянула комиссия с генеральной проверкой из Москвы. Первой решили осмотреть пекарню. Как назло, дело было в конце месяца. Позеленевший от ужаса начпродчасти уверял, что пекарня уже закрыта, а пекарь – проверенный и честный человек – давно дома. Но из трубы пекарни еле заметно струился дымок, а Христиния Антоновна только что вынула из печи шесть булочек. Увидев в окно подходящую комиссию и начальника, который изменился в лице от страха, она сразу все поняла. Быстро залила противни горячей водой, всегда имевшейся у нее в избытке, а булочки сунула себе за пазуху. Обжигающая боль пронзила все тело, но она стерпела и каким-то чудом продержалась те пятнадцать минут, пока проверяющие толпились в пекарне. На вопрос одного из них, почему в пекарне пахнет свежеспеченным хлебом, тогда как по уставу колонии после окончания рабочего дня печь не положено, Христиния Антоновна ответила, что выпечка давно закончена, хлеб увезен на склад, а хлебом пахнет потому, что и должно пахнуть именно хлебом, а не чем иным. Печку же она подтопила, чтобы вымыть противни, поскольку боится эпидемии дизентерии, недавно вспыхнувшей в соседнем лагере. Проверяющие с доводами согласились и даже похвалили ее за бдительность. Лишь горе-начальник словно воды в рот набрал, зато после отъезда комиссии из лагеря рассыпал слова благодарности как из рога изобилия. Шутка ли, ведь за утайку горсти муки в военное время ему грозил расстрел, – а тут шесть булочек! Они оставили на груди находчивой женщины шесть страшных отметин. Ожоги помог залечить тот же начальник, доставший где-то барсучьего жира и медвежьего сала, из которых была приготовлена мазь, спасшая Христинии Антоновне жизнь и здоровье. Так и прожила она еще пять лет, трудясь при пекарне и помогая заключенным в тюремном лазарете.

В начале 1947 года ей наконец удалось добраться до Оренбурга и разыскать дом сестры Ульяны. В изможденной постаревшей женщине трудно было узнать прежнюю, веселую, жизнерадостную Христинию, а когда все-таки узнали, радости и расспросам не было конца. Вторая сестра, Юлия, жила в Оренбурге со своим мужем Мироном Ивановичем. Так Христиния Антоновна вновь обрела семью, ласку и участие родных людей, постепенно привыкла к жизни на воле и отогрелась душой. Теперь она жила делами и заботами сестер и их детей. На день-

ги, которые удалось ей скопить за пять лет работы в лагере, был достроен дом Иноземцевых, а Христинии Антоновне выделили комнату в новом жилище. Переднюю разделили на большую комнату и маленькую светелку с одним окном, последнюю отделили фанерной перегородкой и снабдили отдельным входом с дверью на кухню. В светелке поместились железная кровать, сундучок и угольник для икон. Остальные члены семьи расположились в большой комнате и на кухне. Летом подросшие девочки переселялись в прежний отремонтированный дом – землянку, где теперь была летняя кухня. Потом к дому пристроили сени, небольшую веранду, и жить стало, по словам Христинии Антоновны, совсем хорошо. Вскоре она устроилась работать ночным сторожем в автохозяйство, где и трудилась до пенсии.

Когда Христиния Антоновна узнала, что любимый племянник Евгений хочет стать священником, она и обрадовалась, и испугалась. Обрадовалась, что будет теперь в семье продолжатель духовной линии, начатой отцом Евстафием. А испугалась, потому что знала: места Христу и Его служителям в послевоенной Советской России по-прежнему мало. С той страшной ночи 1936 года она хорошо уяснила, как бывает тернист путь и горек хлеб тружеников алтаря, но отговаривать Женю не стала, а приняла посильное участие в его поступлении в семинарию, помогла сестре приобрести для сына скромный костюм и недорогие ботинки.

Большой радостью стало для нее окончание Евгением Саратовской семинарии в 1952 году, его женитьба и рукоположение. Везде она старалась быть рядом с племянником, помочь, поддержать, посоветовать. Юную матушку Фаину полюбила как родную дочь. В первые годы жизни молодых под крышей маленького, но такого гостеприимного дома, тайком приносила Фаечке гостинцы с работы: то яблоко, то плюшку, помня по себе, как тяжело оторваться от семьи, от родных. Ведь она сама когда-то уехала в Бузудук, жила в семье мужа и на первых порах не могла привыкнуть к чужим людям, ставшим для нее со временем родными и близкими.

Когда у о. Евгения родились Николай и Ирина, а затем Олечка, свою нерастраченную любовь тетя Христя, как ее называли в семье, перенесла на них. Особенно любила младшенькую. Вспоминая, как нянчила когда-то сестру Ульяну-Лелю, она и Олечку называла Лелей, балуя и лаская девочку, а племянника уважала и гордилась им. Прихожане Никольского собора, увидев Христинию Антоновну, говорили вполголоса: «Вон, батюшкина тетка в храм пошла», – и приветливо кланялись.

«Батюшкина тетка», как окрестила Христинию Антоновну людская молва с первых дней ее появления в Сорочинске, приехала сюда, чтобы подменить матушку Фаину по хозяйству. Когда та уезжала в Оренбург к старшим детям, Христиния Антоновна становилась полноправной хозяйкой в доме священника. Позже всех ложилась и первая вставала, стирала, мыла, готовила обеды, ходила на базар и, не пропуская ни одной церковной службы, была в курсе всех церковных новостей. Трудности, встретившиеся о. Евгению на новом приходе, Христиния Антоновна воспринимала изболевшимся сердцем как свои и из-за этого нередко болела. Лет ей было уже немало, да и нелегкой была ее жизнь, прошедшая в постоянных испытаниях и лишениях. Отец Евгений тетку любил и уважал, как мать, прислушивался к ее советам и был благодарен за ласку к своим детям. Между ними сложились добрые, доверительные отношения, что не мешало священнику проявлять строгость, если дело касалось церковной жизни.

В конце каждого месяца Христиния Антоновна причащалась Святых Христовых Таин, к принятию которых готовилась старательно, истово, и уходила в церковь задолго до выхода о. Евгения. Выходить-то из дома она выходила, а вот в храм вовремя не приходила. То Федосья во дворе встретится и поделится новостями о том, как «злыдень уполномоченный» опять ополчился на бабушку; то Настасья из совхоза привезет сметаны и огурчиков, и надо их отнести домой, не идти же с огурцами в храм, в самом деле. А в дверях Мария Никифоровна остановит, – нельзя же пройти мимо старой приятельницы. Вот и приходила Христиния Антоновна не к началу исповеди, как было строго заведено у отца Евгения, а к середине, а то и к концу. Поскольку исповедовалась она у отца Александра Илларионова, приезжавшего из Бузулука помогать о. Евгению по воскресеньям, опоздания всегда сходили ей с рук. Но однажды о. Александр заболел и приехать не смог, поэтому отец Евгений был вынужден сам принимать исповедь перед началом службы. Увлеченная разговором во дворе, Христиния Антоновна не увидела, как племянник прошел в храм.

Перед исповедью отец Евгений всегда говорил краткое слово, в котором особое внимание уделялось подготовке к покаянию. Особенно он не любил опоздавших без уважительной причины: «Все начинается с малого: если ты даже не можешь себя заставить вовремя прийти к Богу с покаянием, как же ты можешь утверждать, что будешь изо всех сил бороться с грехами, которые назовешь? Мало того,

опоздавшие и других отвлекают от молитвы, являются искушением для них».

Вдруг по церкви пронесся почтительный шепот: «Расступитесь! Пропустите! Батюшкина тетка идет!» Изумленная встречей с племянником не меньше его самого, перед отцом Евгением предстала Христиния Антоновна в цветастом платке, подошедшая к аналою с Евангелием. «Вот, братья и сестры, – как бы продолжая беседу, произнес о. Евгений, с укоризной глядя на тетку. – Я вам объясняю, как надо готовиться к исповеди, журю за опоздания, за шум в храме. А имею ли я на это право? Нет, не имею, если моя собственная тетка является первой нарушительницей церковной дисциплины. И ведь, наверное, как ни в чем не бывало сейчас подойдет к аналою. Как будто она живет не в двух шагах от храма, а в селе Ивановка, в шестидесяти километрах отсюда, и поэтому ей простительно опаздывать. Так, Христиния Антоновна? Или я не прав?» Смущенно пробормотав: «Простите, батюшка, я сегодня действительно недостойна Святых Таин», – Христиния Антоновна спешно ретировалась домой.

Когда через два часа племянник вошел в дом, притихшая, насупленная тетушка только и смогла вымолвить:

– Как ты меня сегодня... Хотя бы наедине сказал.

– А Богу я тоже наедине скажу про свое лицемерие, когда ответ буду держать за свою паству? – тихо и спокойно произнес батюшка.

Инцидент был исчерпан, и через час про него уже не вспоминали. Но после этого случая Христиния Антоновна ни разу не опоздала к исповеди и началу службы. Да и товарки по церковному двору, видя спешащую «батюшкину тетку», больше не отвлекали ее своими разговорами, памятуя о справедливом батюшке, который одинаково и любит, и строжит как чужих, так и своих.

Когда матушка Фаина возвращалась из Оренбурга, Христиния Антоновна вечером того же дня начинала собираться домой.

– Тетя Христя, ну куда ты? Погости еще, – уговаривал племянник.

– Нет-нет, – без тени обиды отвечала тетка, – теперь хозяйка на месте, а даром я хлеб есть не могу. Да и Нинюся меня дома ждет, – так ласково она называла младшую сестру о. Евгения, Нину Александровну.

Еще с вечера Христиния Антоновна начинала обходить всех своих приятельниц и прощаться с ними, кланяясь в пояс и приговаривая: «Простите Христа ради, если чем обидела, и будьте благополучны».

«Мало ли что, – поясняла она потом, – а ну как и не придется больше увидиться на этом свете».

С племянником, матушкой Фаиной и маленькой Олечкой она прощалась обычно после утренней молитвы, смущенно улыбаясь и смахивая слезу, говоря всегда одну и ту же фразу:

– Вот помру, вы уж на похороны-то приезжайте. Особенно ты, батюшка. Я всю жизнь мечтала, чтобы меня свой священник отпел.

– А еще о чем ты мечтала? Поведай-ка нам, не утаивай! – весело спрашивал любивший добрую шутку и знающий наизусть тетушкины мечты о. Евгений.

И Христиния Антоновна с детской непосредственностью рассказывала уже в сотый раз, что в девичестве у нее были две сокровенные мечты.

– Умереть бы под Святую Пасху, но до этого чтобы выйти замуж, пожить немного. А там пусть бы муж и помер, а я вдовой осталась. Говорят, вдовый удел пред Богом высоко ценится. Кто его с честью пройдет, тот от мытарств освобождается, – таинственно и серьезно заканчивала она свой рассказ.

– Нет, ты подумай, матушка, вот они, жены современные! «Пусть он помрет, а я еще поживу!» – притворно возмущался о. Евгений, обращаясь к своей жене.

– Что ж тут плохого-то, отец? – удивлялась Христиния Антоновна.

– А не мечтала ли ты умереть под Пасху в один день и час со своим мужем? – не мог удержаться от смеха отец Евгений.

Однако Христиния Антоновна приняла все за чистую монету и удрученно вздохнула:

– И вправду, как было бы хорошо вдвоем умереть под Святую Пасху.

– Но под Святую Пасху ты уж не помирай, тетя Христя, – уже серьезно говорит отец Евгений.

– Это почему же?

– А потому, что тогда я тебя отпевать не приеду.

– Как не приедешь? Ты что это меня пугаешь? Нарочно, да? – не на шутку обижается Христиния Антоновна.

– Ничего я тебя не пугаю. Ты сама подумай. На Пасху в Сорочинск съедется народ из пяти сел, где нет храмов, да и наших не меньше тысячи наберется. Все приедут Христу Воскресшему порадоваться, куличи, пасхи, яички святить. А батюшка уедет тетку хоронить. Что же людям-то без великого праздника оставаться? Так что

ты потерпи неделю, а уж к Радонице, так и быть, я приеду, – весело улыбнувшись, заключил племянник.

На вокзал «батюшкину тетку» шли провожать всей семьей. И пока местный поезд Бузулук – Оренбург медленно набирал ход, двигаясь вдоль перрона, чтобы затем раствориться в апрельском мареве, она махала всем платочком и украдкой вытирала слезы.

Мечта Христинии Антоновны умереть на Пасху не сбылась. Она пережила Ульяну Антоновну, Юлию Антоновну и даже свою племянницу Лидочку. На ее похороны собрались все, кого она так любила при жизни. Приехали взрослые дети о. Евгения – Ирина, Ольга и Николай, к тому времени уже протоиерей, преподаватель Московской Духовной семинарии. Собрались все подружки из Оренбурга и Сорочинска, даже из Кургана приехала женщина, с которой Христиния Антоновна отбывала сибирскую ссылку. За работой по дому она часто напевала: «Не ропщи на суровую долю, крест тяжелый покорно неси». И все, кто собрались проводить ее в последний путь, могли подтвердить, что свой крест последняя из сестер Сарлаевых донесла до конца без ропота и уныния.

Вначале 90-х годов я оказался в Сорочинске впервые и, услышав ее имя, спросил: «А кто была Христиния Антоновна?». Все, собравшиеся в доме, – и свои, и чужие, – хором ответили: «Батюшкина тетка».

Хорошим она была человеком, добрым, верующим. И жизнь свою, полную испытаний и горя, прожила по-христиански, – просто и свято.

Протоиерей Евгений Зеленцов (Глевский) родился в г. Вильнюс (Литва). В 1980 году окончил Куйбышевский государственный педагогический институт (историко-английский факультет). С 1984 по 1990 годы работал преподавателем истории. В 1990 году принял сан священника и по настоящее время состоит в штате Покровского кафедрального собора г. Самары. Окончил МДС и МДА. С 1995 г. является преподавателем СамПДС.

ПОВЕСТЬ О ЖИЗНИ

Встречал нас Мишель, из родни в аэропорту почти никого не было. За время нашего отсутствия он поменял дом, ведь семья увеличивалась, и одной спальни уже было мало. Он нашел дом с двумя спальнями и салоном, правда, без кухни, но мы отгородили под кухонные нужды часть салона. Это все, что могу сказать хорошего об этом доме. Вспоминаю его как самый страшный кошмар в моей жизни. Мы прожили там восемь месяцев, и я очень благодарна Богу, что Он сохранил мне рассудок. Тогда-то я выучила молитвы «Отче наш» и «Верую» и читала их утром и вечером. Думаю, они помогли мне не свихнуться. Во дворе было семь дверей, то есть семь семей жили бок о бок, деля один душ и туалет на всех. Роль душа выполняла загородка из рифленого алюминия с занавесочкой вместо двери посреди двора. Голова купающегося виднелась поверх загородки, и было понятно, свободен душ или занят. Туалет находился в углу, ближе к улице, но по тому же принципу. Народу во дворе было много, и бочка наполнялась со страшной скоростью, зловонная жижа постоянно переливалась через край так, что надо было крепко подумать, а стоит ли идти в туалет и как там удержать равновесие? Я туда ходила два раза в день – утром и вечером, на большее у меня духу не хватало.

После родов я очень располнела. Пыталась похудеть, но на маминых вкусняшках не получалось. Зато очень быстро получилось по возвращении в Конго. Муж забрал свою старшую дочь от конголезской мамы и еще взял на каникулы племянницу. Мы жили теперь вшестером. Каждое утро он давал мне на обед приблизительно три доллара. На эти деньги требовалось накормить пятерых взрослых и одного восьмимесячного малыша. Я умудрялась выкраивать маленькому на йогурт или сырок, а для остальных покупала кусочек курицы или рыбы, немного зеленых листьев, чтобы получился негустой суп, и маниок. Не голодали, но порции были скромные. Месяца через два такой «диеты» обнаружилась, что джинсы, которые раньше не сходились, теперь болтаются на мне как мешок. Так что проверенный метод для похудения – питаться вшестером на три доллара в день.

Продолжение. Начало в «ДС» №1(87) за 2017 год.

Светлана Хмелева родилась в 1962 году в г. Ленинграде (ныне Санкт-Петербург). В 1985 году окончила Ленинградский государственный университет по специальности «Эргономика и инженерная психология». Выйдя замуж за однокурсника, она уехала с ним в Конго, где живет до сих пор. Светлана воспитала четверых детей, работает в православном миссионерском центре.

В октябре, с началом учебного года, я устроилась воспитательницей в частный детский сад. Для владельцев мое присутствие было как знак качества их заведения: «У нас “белая” работает!» Детишки были от трех до пяти лет, группы небольшие: по десять-пятнадцать человек, работа нетрудная, знакомая мне, правда, в русском варианте. Рабочий день с семи до тринадцати часов, полдня свободного времени, можно еще и пошить на заказ. Единственное неудобство – от автобуса минут сорок идти пешком. Приходилось вставать в пять утра, чтобы к семи быть на месте. Если с утра ходили тучи, надо было бежать быстрее, потому что дождь в те времена шел по часам, – начинался ровно в семь, кто не успел прибежать на рабочее место, вымокал до нитки. Дожди шли или в семь утра, перед работой, или в два часа пополудни, то есть по окончании моего рабочего дня, или же ночью, когда все спали. Мой муж говорил, что у них очень вежливые дожди, дают людям поработать. А сейчас они идут, когда им вздумается, иногда льют целый день напролет, и бывает очень трудно вовремя попасть на работу. Однажды я ехала домой в автобусе, начался дождь. Когда я вышла на своей остановке, он уже заканчивался, но вода текла по улице ручьем. Жалко было хлопнуть в новеньких балетках, но домой идти надо, не стоять же на улице. Пришлось разуться и босиком перейти речку, где воды по колено. Вот радости-то было для малышни! «Белая» идет по воде! Ничего, две минуты позора, и я дома.

Как только я начала работать, мы стали искать другой дом, в который с первой же моей зарплаты переехали. Во дворе было пять семей, но у каждой – свой душ и туалет, который закрывался на ключ, причем душ был настоящий: текла вода, правда, только холодная, но уже счастье! Кухни не было. В то время многие дома строились без кухни, просто отделялся уголок салона для приготовления пищи. С началом учебного года племянница ушла жить в свою семью, и мне пришлось нанять работницу, чтобы нянчила младшего сынишку и помогала по дому. Было немного странно чувствовать себя «буржуйкой», – никогда раньше никто на меня не работал. Я даже пыталась посадить ее с нами за стол, но мне объяснили, что этого не следует делать, слишком много начнет себе позволять. В этом я убедилась довольно скоро. Однажды

Типичная улочка в центре Пуэнт-Нуара, 1996 год. Я с дочкой Машей на руках, моя мама и второй сыночек

в выходной я была дома, подходит к нашей двери сосед и просит работницу дать ему маргарина, – за просто, как у себя дома. А я-то все удивлялась, что так быстро заканчиваются продукты.

У мужа случилась командировка во Францию, можно сказать, удача улыбнулась – за казенный счет слетать за границу, да еще оплачивают мелкие расходы. На сэкономленные деньги купил небольшой морозильник, но радость от покупки была недолгой – через два дня сгорел мотор от перепадов напряжения в сети. Нашли мастера, он посмотрел, погрузил агрегат на тачку и увез к себе в мастерскую.

Мой муж пошел с ним, но на полдороге свернул по своим делам, дескать, потом зайду посмотрю. Когда же через несколько дней он зашел в мастерскую, оказалось, что мастер уехал, и морозильник мы больше не видели. Попробовали заявить в полицию, но у них одна песня – поймаете вора, приведете к нам, тогда мы с ним разберемся.

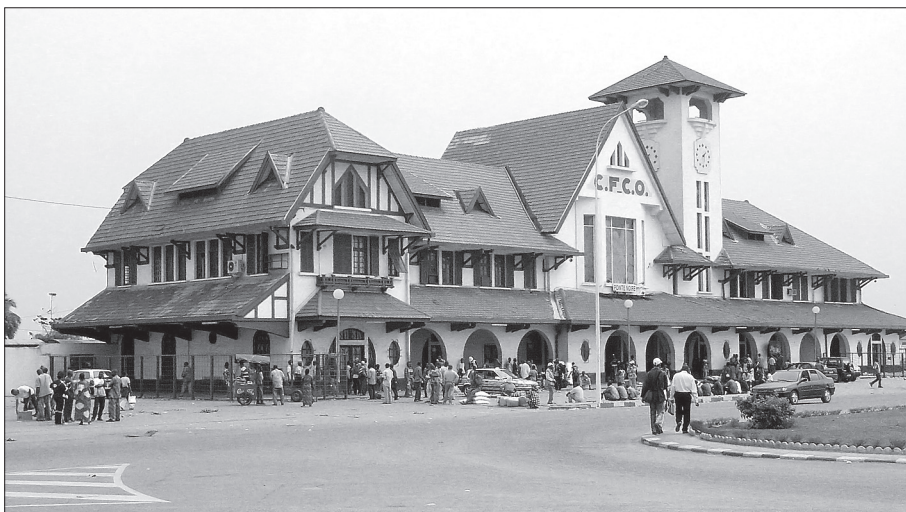
Была у нас похожая история, когда я вернулась с сыновьями в девяностом году, правда, закончилась она благополучно. Муж во время нашего отсутствия открыл свое «дело» – стирку одежды. Снял небольшое помещение на окраине города, взял мою стиральную машинку, доску гладильную, утюг – вот и готова прачечная. По приезде он мне с гордостью сообщил, что теперь у нас будет дополнительный доход. Но время шло, а дохода не было. Раз в неделю он ездил проверить, как там дела, но дела, по словам единственного работника, шли не очень. То немного, что он сумел «выручить», уходило за аренду помещения. Тут я взбунтовалась и сказала, что надо прикрывать это дело, навару никакого, а мне без машинки трудно. И как раз, когда Мишель собрался ее забрать, парень-работник смылся, забрав все, что было. После непродолжительных поисков машинка обнаружилась у одной ростовщицы. Но она требовала, чтобы мы вернули ей деньги, которые она ссудила этому проходимцу под залог нашей стиралки. Пришлось подключать полицию, машинку удалось вернуть, и она верно мне прослужила еще несколько лет.

Семьи в Конго в основном многодетные

Вора в Конго если поймают – забьют на месте, потому что знают, что полиция почти всегда бессильна, даже если и посадят, все равно почти сразу выпустят. Но если среди ночи где-то крикнут: «моибил!», что по-русски значит «лови вора!» – весь квартал соберется ловить и бить. Наиболее ловкие воры обитают в другом Конго, бывшем Заире; когда они ночью входят в дом, люди даже не слышат, что кто-то ходит рядом. Или делают «удочки» и через открытое окно вытаскивают вещи и мелкие предметы. Но когда воруют свои у своих, то люди как-то более снисходительны. Однажды у старшего брата, где мы раньше жили, украли радиоприемник. Но никто сразу не заметил, очень уж много разных безделушек стояло на «стенке». Брат обнаружил пропажу только утром, когда, проснувшись, захотел послушать радио – непременно ритуал конголезца. Да, захотел послушать, а вот и нет его. Стали вспоминать, кто вчера приходил. Действительно, приходил один из взрослых племянников, но никто не видел, как он вышел. Поехали к нему домой, а он в деревню отправился. На этом и остановились. А он, бедный, несколько лет из деревни не выезжал: то ли боялся, то ли просто не хотел.

В девяносто первом Мишеля перевели в Пуэнт-Нуар, повысив в должности до начальника отдела. И снова удача повернулась к нам обратной стороной. Ему по рангу полагалось государственное жилье, но не сложилось. Его предшественник сказал, что пост оставляет, а дом

Вокзал в Пуэнт-Нуаре

– нет. Была середина учебного года, Мишель поехал устраиваться, а я с детьми осталась в Браззавиле. Он изредка приезжал подкинуть нам денег на еду, говорил, что нашел жилье и по окончании учебного года нас заберет. Еще до его отъезда у нас случился скандал – что удивительно, на ровном месте, без причины. Ко мне приходила одна подружка, она пила пиво, я лимонад, болтали ни о чем, потом я пошла ее провожать до автобуса, а по возвращении мой старший сын говорит, что папа его побил. Я так удивилась, он никогда руку на ребенка не поднимал и мне не разрешал его даже шлепнуть. Спросила, в чем дело, говорит, что и мне достанется, – слово за слово, и он меня побил. Меня отец наказывал в далеком детстве, и то слегка, а тут колотят все-раз, что за дела? Так я рассердилась, попалась под руку пустая бутылка из-под пива, я его по голове и ударила. Бутылка разбилась, но он не сразу понял, что произошло, и продолжал меня держать за руки, но тут у него пошла кровь из раны на голове, и он меня отпустил. Я заперлась в комнате, а он ломился в дверь, и когда я открыла, он с такой силой ударил меня по голове, что три дня в ушах шумело. Потом велел собираться, чтобы вместе ехать в больницу, зашивать ему голову. Он, наверное, месяц потом ходил в кепочке, как дедушка Ленин, прикрывая рану на голове. А родня была уверена, что я хотела убить их брата, и косо на меня смотрела.

Сразу после драки заболела малярией, впервые после пяти лет пребывания в этой малярийной стране. Видимо, стресс ослабил мой имму-

Открытый рынок

нитет. Температура была под сорок, знобило, мышцы крутило. Ничего, справилась, самое обидное, что побили ни за что. Не знаю, какая муха его укусила. С тех пор у меня появилась мечта развестись с ним. Может быть, я максималистка, но не могла я жить с человеком, который меня побил ни за что ни про что. Уйти было некуда и не к кому, учебный год скоро заканчивался, а во время каникул в садике не платили. На что жить? Пришлось смириться и отложить мечты о «побеге».

Одна моя знакомая решила проблему радикально, она именно убежала. Муж ее поколачивал, она дождалась, когда он уедет в командировку, продала все вещи, купила билет себе и сыну и улетела домой к маме. Он вернулся, а дом пустой. Я не решалась возвращаться к маме, детей было уже двое, как говорится, обуза. Да и не хотела, чтобы их дразнили «черными», пусть уж будут «белыми» в Африке.

В июле Мишель нас забрал, мы переехали в Пуэнт-Нуар на берег Атлантического океана. Жилье он нашел страшненькое, но просторное. Душ и туалет в доме, уже хорошо, для кухни выделили одну комнатку без окон. Двор был огорожен листами рифленого алюминия, за домом – еще две пристройки для жильцов, у всех многодетные семьи. Во двор почти не выходила, да и мои дети не стремились бегать по песку, сидели дома у телевизора. Мишель принес щенка неизвестной породы,

симпатичного, но заеденного клещами и блохами. Достали шампунь от блох для крупного рогатого скота. Посчитали приблизительно по весу в какой концентрации развести шампунь для щенка, помыли. Клещи и блохи осыпались сразу же, но и щеночек после процедуры слег, видимо, притравился, мы уж думали, не выдержит нашего лечения. Но дня через три он начал лакать молоко, а потом забегал, как ни в чем не бывало. Как-то дети встречают меня после работы:

- Мама, он такой потешный, ест курицу вместе с косточками!
- А что за курица?
- Да в холодильнике лежала...

Столько мне всего хорошего порассказывали о Пуэнт-Нуаре, что еще до нашего переезда я пригласила маму и школьную подружку в гости. Думала, что нам дадут государственный дом на берегу океана, хотела поразить их нашей «шикарной» жизнью... Хорошо, что в листе ожидания оказались обе, и «посчастливилось» подружке, а не маме. Ей билет не достался. Повезло... Не думаю, что маме понравился бы дом, где мы жили. Подружка ладно, она человек молодой, может пожить в спартанских условиях. Мы ходили на пляж, гуляли по центру города, ходили вместе на рынок. Рынок в Африке – самое шумное и грязное место. Центральный рынок закрывают два раза в неделю на уборку, но все равно грязь оттуда не вывезти. Продавцы зелени и рыбы постоянно окропляют свой товар свежей водой, отчего под ногами скапливается вонючая жижа. Подгнившие овощи сбрасывают в канавки между рядами. Сверху канавки покрыты бетонными плитами, но есть места, где плиты отсутствуют, надо внимательно смотреть под ноги. Однажды заболталась с подружкой, и провалилась между плитами. Юбка разошлась сзади по шву, одна туфля осталась в канавке, люди кричат, смеются, зовут всех: «“белая” в канаву упала!». Срочно купили кусок ткани, чтобы прикрыть рваную юбку, и сразу поехали домой.

Подружке в Конго понравилось. Правда, пыталась меня уговорить вернуться домой хотя бы на время, пока Мишель не встанет на ноги, но я ей возразила, что он уже год без нас прожил, но на ноги так и не встал. А тут произошли августовские события в Москве¹, подружка моя запаниковала. Но все обошлось, и через три недели она благополучно вернулась домой.

Скоро я начала работать в салоне проката видеокассет, прибыльное дело в те времена. Хозяева – пожилая французская пара, уже лет тридцать жившая в Конго. Мне они казались просто динозаврами: они еще

¹ Августовский путч – политический переворот, произошедший в Москве 18 – 21 августа 1991 года с целью свергнуть существующее в СССР правительство.

помнили, как в шестидесятые годы рядом с главной улицей, в центре города, анаконда скрутила велосипедиста, и тот остался жив только потому, что крепко вцепился в велосипед. Клиенты были в основном французы, немного зажиточных конголезцев, – прокат был недешев. Иногда появлялись русские моряки с кораблей, заходивших в порт, они думали, что кассеты продаются, но мы давали только напрокат. Всегда очень удивлялись, откуда я здесь взялась, думали, что уж в такой-то глуши русских не встретишь.

Я все пилила и пилила Мишеля, когда же ему дадут государственное жилье, но ему сказали: ищите сами, найдете свободный государственный дом, мы вам его оформим. Нашли мы дом в центре города, двухэтажный, с огромным двором, чудо, а не дом, только запущенный. Посчитали, что весь дом для нас одних будет уж слишком жирно, и дали нам только верхний этаж, внизу поселили другую семью, а в пристройке для гаража – третью. Ничего, места всем хватило. В доме было свинчено и вырвано все, что только можно было свинтить и вырвать. Заново покупали краны, выключатели, ставили двери, красили стены, отмывали пол. Получилось неплохо: салон и две спальни, маленькая кухонька, душ, туалет, да еще и веранда – красота! До работы пешком пять минут. До пляжа – минут двадцать. В этом доме родилась моя первая доченька Маша.

Зарплата в видеоклубе была неплохая, я почти все домашние расходы несла на себе, а Мишель все жаловался на задержки зарплаты. Тогда действительно госслужащим не платили по нескольку месяцев, но, думаю, были и другие причины устраниваться от семейного бюджета. Мечта уйти от мужа вспыхнула во мне с новой силой, когда начались наши скандалы на тему «где деньги». Один раз он меня чуть не спустил с лестницы, – просто удалось ухватиться за перила. Тогда я поехала к его дяде, пастору евангелистской церкви, жаловаться на мужа – денег не дает, ведет себя грубо. Тот принял все близко к сердцу, взял еще двух родственников и приехал к нам. Такое небольшое семейное собрание. Сказал, что надо постыдиться так себя вести, раз привез жену издалека, ведь у нее здесь никого нет, кто бы мог заступиться, и так далее. Меня успокоил: ничего не бойся, если что, приезжай, все уладим.

Решила подать на развод, пока снова по ушам не надавали, да СПИД не подарили. Несколько наших женщин уже умерло от таких «подарков», не хотелось оставлять детей сиротами. Муж умолял остаться, на колени вставал: «Не уходи, у меня никого нет, кроме тебя, это злые люди хотят нас разлучить». Ничего, поделили мирно добро; все, что я покупала, забрала себе, ему оставила часть посуды. Нашла дом, красо-

та! Мишель не хотел детей отдавать, но я знала, что рано или поздно смогу их забрать. Но в день переезда, он отдал мне всех троих, видно, понял, что сам не потянет. Работница тоже ушла со мной. И вот через какое-то время дети пошли к папе в гости, потом я их расспрашиваю:

- Что вы там кушали?
- Сака-сака (национальное блюдо из листьев маниока).
- А что, папа умеет ее готовить?
- Нет, это тетя готовила.
- Что еще за тетя?
- Которая теперь у папы живет.

Оказывается, эта «тетя» пришла через три дня после моего переезда. Предположить, что у Мишеля никого не было, а через три дня нашлось, – невероятно. Ну ничего, я тоже не ангел.

Так самое смешное, что потом пришла еще одна «тетя», скандалить с первой, что та заняла ее место, это она должна была на место «белой» прийти! Чуть не подрались. Они-то думали, что он такой щедрый, потому что богатый (ведь на «белой» женат!), а он свою зарплату на них спускал, пока его «белая» кормила. Когда же «кормушка» уехала, настали грустные времена. Через полгода новая жена устроила ему скандал, почему он больше ей денег на тряпки не дает, а старшая дочка, которой уже было лет семнадцать, ушла жить к «белому» старичку, с которым познакомилась на дискотеке. Правы оказались друзья, предупреждавшие Мишеля, что не надо ехать в Пуэнт-Нуар: там «белые» отберут у него жену. А по-моему, если бы он тогда не побил меня, я бы так и оставалась мирной овечкой. У меня ведь и в мыслях не было от мужа бегать, меня страшили разговоры «бывалых» женщин об их похождениях. А тут он начал распускать руки, потом мне подвернулся удобный случай ему отомстить, и все, тринадцать лет брака коту под хвост.

В то время Мишель попал в какую-то секту, заводилой там была тетка из Киншасы. Прикрывалась именем Христа, перевирала Евангелие на свой лад, говорила, что надо обрубить контакты с семьей, как с врагами. Мишель даже свою фамилию поменял, чтобы совсем уже новую жизнь начать. На тех собраниях входили в транс, начинали кричать страшными голосами, думая, что общаются с Богом, но на деле выходило совсем другое.

По прошествии нескольких лет Машенька поехала к папе пожить, ей было тогда уже лет двенадцать. Первым делом с нее сняли крестик: новая папина жена, из той же секты, сказала, что у нее из-за креста температура поднялась и ее ломает, как от малярии. Девочка продержалась там три дня, потом убежала ко мне.

А я во время развода начала ходить к одной фетишерке (колдунье). Интересно же узнать, что будет. Но она ничего нового не сказала, а что муж гуляет, я это и без нее знала. Зато пообещала свою помощь: приворот, отворот. С каждой новой «работой» цены росли, приходилось платить частями. Наверное, рада она была таким доверчивым клиенткам! Придем, она на ракушках гадает, заговоры-наговоры, горит красная свечка, какие-то травы с порошком, а мы как замороженные сидим, всему верим.

От мужа я ушла, жила с детьми. Иногда выходила потанцевать, развлечься. Шутка ли, за всю свою жизнь танцевала только на дискотеках в общезитии с Мишелем, а в Пуэнт-Нуаре прямо раздолье, выбирай на вкус дискотеку, ночи не хватит все объехать. На одной дискотеке познакомилась с симпатичным греком. Он сказал, что разводится с женой в Греции, а здесь один. Закрутился у нас роман.

Я ушла с работы, для грека это означало, что теперь он должен содержать меня. Каждый месяц он давал мне определенную сумму, примерно равную моей прошлой зарплате. Даже настоял, чтобы я пошла на курсы вождения, на курсы по информатике, подтянула английский. Я ему очень благодарна за его вклад в мое обучение, – всем, что умею, обязана ему. Предприятие его готовилось к закрытию, он был директором небольшого косметического заводика, филиала одной английской фирмы. Все сырье привозилось из Европы и становилось невыгодно платить за транспорт и таможду. Через несколько месяцев заводик закрыли, грек уехал в Камерун руководить другим филиалом в Дуала. Горю моему не было предела, но он обещал приезжать и даже приглашал меня в Камерун. На память осталась его служебная «Субару» в приличном состоянии, он ее честно выкупил у предприятия на мое имя. Действительно, приезжал он каждые два-три месяца, и я несколько раз съездила в Дуала. Была поражена трудолюбием камерунцев, низкими ценами и хорошим качеством местных фруктов и овощей. Прямо на улице они ставили швейные машинки и шили одежду или печатали документы на пишущих машинках, или еще чем-то полезным занимались. В государственных учреждениях работали до пяти часов пополудни, причем все были на своих местах до окончания рабочего времени. Многие учились в Америке или Германии, потом открывали свои собственные фирмочки и успешно держались на плаву. Невероятно! Конголезцы бы уже давно все деньги прогуляли.

В первый же приезд меня ждал неприятный сюрприз – в квартире любимого я нашла следы пребывания его жены и детей и по-

Бизнесмен

няла, что разводом там и не пахнет, – нормальная дружная семья. Что я там делаю? Он просто боялся мне сказать, что не может развестись: у них в Греции это очень сложно, все преимущества на стороне женщины, а у него еще много имущества на жену записано и так далее. Убежать не было сил, очень к нему привязалась, и я осталась.

Грек очень хотел ребенка, а у меня уже было трое, и у него двое, но хотелось общего, в знак нашей любви. Вот так и получилась моя последняя доченька, родилась в Конго от русской мамы и греческого папы. Российское и конголезское гражданство она уже получила, а вот с греческим

пока не вышло, папа пропал из виду. В девяносто седьмом году прошлого века в Браззавиле началась страшнейшая война, связь со страной была почти полностью прервана, банковские переводы не то задерживались, не то терялись. Позвонить можно было только по спутниковому телефону: пять долларов за минуту разговора. Как-то потеряли мы друг друга из виду в это время. Дочке исполнился годик, денег не хватало, работы не было, неизвестность полнейшая. Иногда знакомые подкидывали немного на пропитание, и как-то пережили мы эти трудные времена. Когда Сассу начал побеждать в Браззавиле, в Пуэнт-Нуар из соседней Кабинды вошли дружественные ангольские войска. Однажды утром мы услышали далекие залпы тяжелых орудий, и все замерли в самых страшных ожиданиях. До этого Пуэнт-Нуар видел военные действия только по телевизору. Городские власти срочно выехали навстречу ангольцам и договорились сдать город в обмен на мирное поведение военных. Откуда-то взялись мародеры, самое лакомое место – центр города, где живут богатенькие «белые». Бандиты ворвались к соседям напротив, французам, отобрали все деньги и внедорожник. Но сами водить не умели, забрали хозяина с собой, чтобы довел машину до аэропорта. Домой он вернулся пешком и без ботинок, – они им тоже понравились. Ко

Военные события в Конго

мне пришел Мишель с другом, тоже конголезцем, женатым на русской. После визита мародеров в дом напротив было решено уходить в спокойные южные кварталы, более свободные от политики. Собрали сумочку с самым необходимым и двинулись в путь. Иногда слышали свист шальных пуль и втягивали головы в плечи, но не видно было, кто и откуда палит. На главном рынке нарвались на военных. Один из них, наставив на меня автомат, закричал:

– Французенка! Твои братья стреляют по нашим в Браззавиле, сейчас я тебя убью!

Мишель вышел вперед и сказал:

– Она русская, это моя жена.

Но военный заявил, что русские летчики тоже бомбят Браззавиль, и ударил Мишеля.

Тогда я достала свою конголезскую карточку и показала военному:

– Смотри, я конголезка, как и ты, мой муж конголезец, и все дети конголезцы.

Самое удивительное, что я держала на руках последнюю дочку, белую как снег, но фраза, что мы все конголезцы, возымела действие, и нас пропустили, даже не взяв денег. Слава Богу!

Добрались без происшествий до южных кварталов, где жила сестра моего знакомого. Там уже собрались другие родственники, бежавшие от ангольцев, такой образовался Ноев ковчег. Нам выделили одну комнатку с детьми, и мы там прожили неделю в спокойной

Мир и спокойствие водворились в городе...

обстановке. Когда заставы на дорогах сняли, мы вернулись домой. В целом город почти не пострадал, удалось довольно жесткими мерами пресечь мародерство. Грабителей расстреливали на месте, и за три дня все успокоилось. Даже не дали вывезти награбленное в Браззавиль. Знаменитый своей жестокостью генерал Денге отбил состав на вокзале. Все, кто пострадал от мародеров, приходили опознавать и забирать свои вещи, в том числе и наши соседи вернули свою машину.

Мир и спокойствие водворились в городе, и я начала искать работу. Долгое время ничего не удавалось, люди смотрели мое резюме и говорили: «Вы слишком умная, у нас таких должностей нет», – а я была согласна на любую работу, лишь бы прокормить семью.

Познакомилась с одним русским экипажем, они летали на «Яке» из Пуэнт-Нуара в Браззавиль. Кто-то нам сказал, где они живут, мы и приехали в гости знакомиться, ребята были приветливые, мы подружились, особенно со стюардессой Леной. То у них сидели, то вместе ходили на пляж. Затем контракт закончился, они уехали, а я в поисках работы уже не знала, куда и податься. Однажды набралась храбрости и пошла к ливанцу, хозяину авиакомпании, как бы узнать, когда вернется Лена. Он принял меня хорошо, сказал, что не знает, когда возвращается экипаж, а потом спросил: «Вам работа не нужна?» – «Конечно, нужна». – «Ну вот и приходите завтра». Как легко! Так я начала работать в авиакомпании на административной должности. Жизнь начала налаживаться, а там и грек мой объявился. Все списали на военное время, и все пошло по-старому.

В авиакомпании я проработала года два, потом поехала домой в отпуск, взяла с собой девочек, мальчики ездили годом раньше одни, как раз попали в дефолт, бабушка была в панике, прилавки опустели вмиг, деньги тоже как пылесосом сдуло...

В Бразавиле, уже в который раз, остановились у наших добрых знакомых, они нам стали действительно родными: Ирочка (недавно отошедшая ко Господу, Царство ей Небесное) и ее муж Леон. С первым мужем Ира развелась года через два после приезда, нашла себе сначала «белого» мужа, а когда и он выгнал ее за пьяные загулы, нашла Леона – скромного профессора биологии из Университета имени Мариена Нгуаби. Сошлись действительно «лед и пламень», настолько разные они были по темпераменту. В Ирине как бы уживалось два человека – в трезвом состоянии это была милейшая женщина, добрая хозяйка, заботливая мама. Но стоило ей только немного выпить, начиналось запойное состояние на неделю-две, и появлялась совсем другая Ирина – капризная, властная, жестокая. Тем не менее, с Леоном они прожили двадцать лет, родили двоих детей – мальчика и девочку. Последнюю Ирина очень не хотела, говорила, что хватит, но Леон со старшей дочерью настояли, и она согласилась родить при условии, что к ребенку не прикоснется. Бедный Лева метался между лекциями в университете и дитем, ночей не спал, но доченьку вырастил. Со временем и Ирина к ней привыкла, можно сказать, полюбила. Совсем недавно она ушла от нас, рак «съел» ее за несколько месяцев. Дети уже не помнили капризов матери, вспоминали ее только добрыми словами.

Когда младшей Ириной дочке было месяцев шесть, я отлично помню, как Леон катал ее по дому в коляске, чтобы уснула, а Ирина только и делала, что отправляла детей купить бутылочку пива в соседнем баре. Мои дети уже устали от таких поручений и старались притвориться спящими как можно раньше.

Договорилась с авиакомпанией, меня снова взяли на работу, слава Богу, можно начинать все заново. Вскорости мы сняли свой дом, и в который уже раз жизнь вошла в обычную колею.

Второе воскресенье тишина в соседнем дворике. Две недели назад мы услышали крики на улице – ссорились пастор и дьякон из «церкви», то бишь секты, что открылась около года назад по соседству. Эти секты стали настоящим бичом, плодятся как грибы: прибыльное дело дурачить бедняков, которые отдадут последнее, лишь бы выбраться из нищеты. Всего-то и требуется, что изобразить из себя пророка или проповедника, назваться погромче – апостолом или патриархом, –

лучше всего войти в контакт с зарубежными «спецами», хотя можно и так – откровения может получать кто угодно. Чего проще? – Договориться с хозяевами какого-нибудь дворика о проведении собраний, взять пластмассовые стулья напрокат, стерео-колонки помощнее, синтезатор – и можно начинать «просвещать» народ и пополнять свои карманы. Эти собрания за забором доставляли нам много неудобств своим шумом. Пели и кричали-молились там почти каждый вечер, в воскресенье с утра, а иногда устраивали и ночные бдения, тогда бессонная ночь обеспечивалась всей округе. Обычно «посиделки» проходили так: сначала громкая музыка для привлечения прохожих, потом «пастор» «заводит» публику, ведя нравоучительные беседы на библейские темы, далее еще музыка с пританцовываниями и кульминация – «молитва» с криками о сжигении огня, чтобы прогнать демонов нищеты, болезней и неудач, пастор кричит громче всех «огонь, огонь, огонь!». Потом еще немного расслабляющей музыки и наставлений, а в конце – сбор средств на содержание «церкви». По-моему, из-за этих средств и рассорились на всю улицу «пастор» с «дьяконом», и вот уже две недели, как мы наслаждаемся тишиной.

Что меня поражает во всех этих сектах, так это дар убеждения их «проповедников». Вроде бы и к нам, православным, ходят те же бедняки, средний класс, – несколько состоятельных прихожан, очень мало богатых, но денег мы собираем в разы меньше. Постоянно не хватает на самое необходимое – оплату счетов за электричество, зарплату малочисленному штату. Даже католики умудряются собирать намного большие суммы, чем православные.

Некоторые сектантские «пасторы» убеждают прихожан приносить им всю свою зарплату для «благословения». Другие обещают золотые горы в обмен на солидные взносы. В Киншасе лет десять назад один проповедник убедил своих прихожан, что они все поедут жить в Канаду, самолет уже прилетел за ними, но почему-то в Браззавиль. Сотни людей продали все свое имущество, переплыли на другой берег и расположились табором на газоне вокруг аэропорта в ожидании самолета. Конечно же, никто за ними не прилетел, а вот людей было жалко, многие приехали с детьми и не знали, как добираться назад и куда вообще возвращаться, если все продано и деньги у пастора?

Как-то я работала в одной французской компании, подменяла секретаршу. Приходит мужчина, спрашивает, когда приступить к работе. Его «пастор» сказал, что наша компания его нанимает. Напрасно я ему объясняла, что так не бывает, чтобы посторонний человек

указывал компании, кого брать на работу. С трудом удалось выпроводить обманутого простака.

Сектанты призывают порвать с семьей, частенько они внушают прихожанам, что их нынешний муж (жена) им не подходит, если не разделяет их веры, и что им надо развестись, а уж пастор подсуетится найти новую пару. А если приходит неженатый человек, то ему вскорости устраивают свадьбу с какой-нибудь прихожанкой, дескать, как только ты начал у нас молиться, так тебе Бог послал жену. Одна русская дама попала к «Свидетелям Иеговы» и меня уговаривала: «Приходи к нам, у нас все богатые люди молятся, посмотри, во время службы на парковке сколько внедорожников стоит», – такая вот реклама.

В секте, куда попал мой бывший муж, главной идеей являлась та, что надо обрезать все семейные связи, так как «домашние ваши – ваши враги». Он и обрезал, даже алименты на детей почти не платил и фамилию поменял, чтобы ничего с прошлым не связывало. Семья этот разрыв пережила, но потом припомнила. Когда он заболел, родственники еще пытались его навещать в больнице, но он никого не хотел видеть, только старшая дочь, от конголезки, была с ним (мы жили в Пуэнт-Нуаре, старший сын слетал на один день в Браззавиль повидать отца, а мы не смогли). Дочка его до сих пор уверена, что это сектантская семья «съела» отца, и держится от них на почтительной дистанции. Когда же Мишель умер, было два траурных собрания – одно у его вдовы (пасторши из его секты, со всеми единоверцами), другое – у его брата, с родственниками.

Решила ехать на похороны с тремя его детьми, все же не чужие люди, младшая осталась у знакомой. Странная была встреча – мать старшей дочери Мишеля, я и вдова, то есть последняя по счету его жена. Родне понравилось, что все было «чинно и благородно», никто ни с кем не подрался. Тело из морга привезли в дом брата для прощания со всеми, кто не смог прийти в морг, его вдова устроила по традиции плач, потом их хор изобразил несколько траурных мелодий, после чего поехали на кладбище.

После похорон вся семья собралась обсудить финансовые вопросы. Для начала спросили вдову, как так получилось, что их дорогой брат умер в расцвете сил? Ведь он никого из них к себе не подпускал, одна нынешняя вдова с ним была до конца. На что та ответила: «Да, заболел, болел-болел и умер. А наследства никакого не оставил, если хотите, можете по карманам пошарить, может, какой документ найдете. А сама я из Киншасы, не знаю, как домой возвратиться, мои

Кладбище в Конго

родственники даже не знают, что я замужем была, и как теперь им сказать, что я овдовела?» Так ничего от нее и не добились. Говорят, Мишель построил домишко в Пуэнт-Нуаре, но старшая дочка ездила, ничего не смогла доказать, там уже живут люди из их секты и никого не пускают.

После похорон здесь нет поминок в нашем понимании, просто всем проставляют напитки – пиво, лимонад. Через два-три месяца устраивают «снятие траура», при этом возможно угощение, но бывает просто выпивка. Всегда собирается множество народу, однажды зашли на какие-то поминки, и одна женщина сказала: «Мало народу, человек сто всего». Вдове в знак траура обривают голову и запрещают выходить из дома в темное время суток. Она должна начинать каждое утро с плача по покойному и проводить большую часть времени дома. Вдовец тоже должен до темноты вернуться домой и скорбеть об ушедшей жене.

По традиции вдове брата сватают одного из его оставшихся в живых братьев или кузенов, чтобы он ее содержал, но сейчас эта традиция уходит в прошлое. Напротив, обычай отнимать все добро умершего у вдовы и делить его между родственниками мужа жив и процветает, несмотря на государственные законы.

Один врач, прихожанин православной церкви, скончался скоропостижно среди ночи. Буквально через два часа примчались его братья выгонять вдову из дома. Понадобилось энергичное вмешатель-

ство отца Максима¹, чтобы вдову оставили в покое. Многие вдовы после смерти мужей остаются с детьми в бедственном положении: мало того, что они потеряли кормильца, так еще жилье и все добро отбирают. Чтобы как-то обезопасить семью, часто записывают дом и имущество на детей, в этом случае вдову не выгонят, считается, что она живет при детях умершего отца.

Отец Мишеля в молодости имел шесть жен, последняя досталась ему «в наследство» по смерти отца и была старше его на пять лет. Когда он принял католичество, то отпустил всех жен кроме последней, с которой народил шестеро детей.

По конголезским законам, оставшимся с языческих времен, мужчина имеет право иметь четырех жен с согласия всех предыдущих. В семейной книжке, где указываются члены семьи, предусмотрено четыре странички для жен и несколько для детей. При заключении брака молодоженов спрашивают, какой тип брака они выбирают – моногамный или полигамный, а также какую форму владения имуществом – совместную или раздельную. В настоящее время все меньше пар выбирают полигамию, но раздельное владение имуществом по-прежнему популярно.

Кого только не встретишь в субботу, брачный день, в мэрии! Молодые и не очень, иногда смешанные пары, особенно забавно видеть пожилого белого с молодой конголезкой. Часто пары регистрируют брак в мэрии после длительного периода совместной жизни, когда дети выросли, а иногда уже и внуки появились. Молодым трудно устроить все торжества, многие на первых порах просто ограничиваются церемонией традиционной свадьбы.

Первый и главный шаг в свадебных делах – представиться родне невесты. Полный церемониал состоит из проставления первого, второго и третьего вина, что соответствует нашему обручению.

Сначала потенциальный жених пишет отцу девушки о своих намерениях, испрашивает разрешения ухаживать за ней. В ответ семья отца отправляет список требований: проставить десятилитровую бутылку красного вина, столько-то пива, лимонада. Затем устраивается праздник «первого вина» или представления родни. Собираются все в доме невесты. Нзонзи, ведущий со стороны жениха, произносит небольшую речь, затем представляет жениха, его родителей и собравшихся родственников. Представляются также родители и родня невесты. Нзонзи расхваливает подарки жениха, предлагает бу-

¹ Максим Умба, священник, настоятель церкви во имя святого Димитрия Солунского в Пуэнт-Нуаре.

тыль с вином отцу невесты. В конце представления выходит невеста, им официально разрешают встречаться, а жениху приходится к ней в дом.

После праздника «второго вина» жениху разрешают забрать невесту с собой. Здесь он уже должен, кроме обычных напитков, одарить родню по списку, ею представленному. Отцу обязательно костюм, ботинки, галстук, ремень – полный наряд. Матери отрез самой дорогой ткани, туфли, платок, украшения из золота. Тетям и дядям подарки попроще, но их так много, что все равно выходит дорого. Многие ограничиваются проставлением первого и второго вина и считают долг перед семьей невесты выполненным, а выкуп за невесту и официальную регистрацию откладывают на неопределенное время.

Третье вино, то есть выплату приданого, часто совмещают с официальной регистрацией в мэрии и обычно устраивают в среду или четверг, потому что в мэрии надо быть в субботу. Для этой церемонии так же собираются в доме невесты, для удобства во дворе – места больше, ведь приходят до шестисот человек: родня, друзья, коллеги. Составляется список подарков для родни, уже более подробный, включающий такие экзотические для жителей города вещи, как мате, керосиновые лампы, мыло, картон, спички, живые куры и петухи. Помню, на свадьбе старшего сына нам досталось несколько кур и петухов, мы не знали, что с ними делать. Петухи орали ни свет ни заря, пока мы не позвали одного парнишку прирезать их на мясо.

Самое главное в списке, который отправляет семья невесты, – сумма выкупа. Чем невеста образованнее, чем богаче ее семья, тем больший выкуп она требует у жениха. Тот тоже не спешит расставаться с деньгами, для начала торгуется. Все равно он должен сколько-то заплатить. Официально мэрия установила размер выкупа в пятьдесят тысяч местных денег (примерно 100 долларов), но никакая невеста не согласится с такой ценой. При заключении брака в мэрии стороны подписывают документ, что традиционный выкуп в пятьдесят тысяч уплачен, а сколько вытрясено из жениха на самом деле, знает только он.

Вроде бедная страна, люди живут скромно, как же они умудряются устраивать все эти торжества? В свадебных делах, как всегда, выручает взаимопомощь. Родственники собирают средства, друзья помогают, как-то выкручиваются.

Во время традиционной свадьбы жених должен иметь полные карманы мелких купюр, из него вытряхивают деньги буквально на

Свадьба

каждом шагу. Как только он входит во двор невесты, к нему бросаются мальчишки почистить ботинки. Обувь у него и так блестит, но надо уважить малышню, раздать всем хотя бы по доллару. Отправить подружек вывести из дома невесту, – опять плати, уже побольше, а то еще вернутся и скажут, что машина поломалась, добавь еще на такси. Сначала выводят другую девушку вместо невесты, потом, после уговоров, саму невесту. А потом прячут жениха в толпе гостей и предлагают невесте его отыскать.

Нзонзи на выкупе невесты бывают со стороны жениха и со стороны невесты, – каждый набивает цену своему «товару». Центральная часть церемонии – осмотр подарков. Обязательно рассмотрят всю одежду и обувь, обратят внимание на марку, чтоб не китайский ширпотреб, а настоящая французская или итальянская фирма. После раздачи всех подарков предлагают перейти к неофициальной части – обеду. Для виновников торжества, их родителей и почетных гостей отдельный стол, остальные ставят себе на коленки тарелки и наслаждаются курицей, сакой-сакой, фасолью, рыбой.

Подношения со стороны жениха

В субботу – регистрация в мэрии, венчание в церкви, аперитив для всех (не меньше трехсот человек), вечером торжественный обед в ресторане для самых близких – на сто-двести человек.

Вот сколько этапов надо пройти чтобы соблюсти все приличия. Мой старший сын сначала устроил презентацию, «первое вино», через год – «второе и третье вино», а еще через два – официальную свадьбу в мэрии и в церкви. Мои русские подруги удивлялись, – он опять женится? Да, вот как-то так, слава Богу, теперь уже окончательно поженились! Второй сын с тоской приценивается к свадебным расходам, но что делать, захочешь жениться – и не такие горы свернешь.

Продолжение следует.

«Духовный Собеседник» в 2017 году

«В терновом венце революций». Публикации к 100-летию трагических событий в России.

К 100-летию обретения в Ташле чудотворного образа Божией Матери «Избавительница от бед».

Поучения святых отцов о стяжании Духа Святого.

Жизнеописания отечественных подвижников благочестия, праведников, боголюбцев, исповедников российских из архива митрополита Мануила (Лемешевского).

Проповеди митрополита Иоанна (Снычева), записанные его духовной дочерью М. С. Ивановой.

Интервью с известным православным журналистом Юрием Воробьевским, посвященное выходу в свет его новой книги «Потаенная Россия».

Беседа с постоянным автором «ДС» – писателем, философом и богословом Виктором Николаевичем Тростниковым.

Продолжение повести Светланы Хмелевой о своем жизненном пути, о Православии в Конго, о нравах и обычаях жителей этой страны.

Повести протоиерея Евгения Зеленцова.

1-я стр. обложки: Церковное прославление святителя Серафима (Соболева), архиепископа Богучарского, Софийского чудотворца в кафедральном соборе Богарской Старостильной Церкви Успения Пресвятой Богородицы. София. 13 февраля 2002 года.

Фрагмент фрески «Святитель Серафим (Соболев) и град София» в крипте русского посольского храма во имя свт. Николая в Софии.

2-я стр. обложки: Святитель Серафим Софийский, чудотворец. Икона преподавателя иконописного отделения Санкт-Петербургской Духовной академии В. Т. Ждановой.

3-я стр. обложки: Епископ Конго и Габона Пантелеимон с верующими африканцами.

Венчание в местечке Луеги.

Издание зарегистрировано Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ №77-7592 от 19.03.2001 г.

Учредитель Самарская Епархия Русской Православной Церкви.

№2(88). Отпечатано в типографии ООО «Экополис», адрес 443034, г. Самара, ул. Енисейская, д. 43.

Подписано в печать 25.03.2017 г.

Тираж 1500 экз. Выходит один раз в два месяца. Возрастное ограничение: 12+.

**ПРИГЛАШАЕМ
ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ**
на журнал «Духовный Собеседник»
(144 стр.; 1 раз в 2 месяца)
на 2-ое полугодие 2017 года.

**Духовный
Собеседник**

- В любом почтовом отделении России – наши подписные индексы:
99955 – в каталоге «Почта России»
39582 – в объединенном каталоге «Пресса России» (зеленом)
П3160 – в электронном каталоге «Подписные издания. Официальный каталог Почта России»

Напрямую (через банк или иным способом) перечислив денежные средства (из расчёта **290 рублей** за один экземпляр журнала с учетом доставки до адресата - только на территории России) **в редакцию по следующим реквизитам:**

Получатель: ООО «ИТЦ «Софит»

ИНН 6316126890 / КПП 631601001

р/с 40702810003000022347 в Приволжском филиале ПАО «Промсвязьбанк» г. Самара

БИК 042202803 к/с 30101810700000000803

Назначение платежа: Подписка на журнал «Духовный Собеседник» 2-ое полугодие 2017 года.

на ___ номеров.

КОНТАКТЫ РЕДАКЦИИ:

эл.почта: albina063@mail.ru

почтовый адрес: 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.

телефоны: +7(846)334-12-72, 336-84-41.

Наложным платежом, обсудив и оформив заказ по указанным телефонам.

**Духовный
Собеседник**